

Мифы,
сказки, легенды
Бразилии

Художник
Н. Попов

Мифы, сказки, легенды Бразилии

Перевод
с португальского

Москва
„Художественная литература“
1987

ББК 84.7Бр
М68

Составление и предисловие
Е. Огневой

Рецензент:
доктор филологических наук
И. Тертерян

Оформление художника
А. Райхштейна

М $\frac{4703000000-035}{028(01)-87}$ 201-87

© Переводы, предисловие, состав, иллюстрации.
Издательство «Художественная литература»,
1987 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь каждого народа, как и жизнь отдельного человека, проходит несколько стадий, начиная с детства. В полной мере это относится и к развитию духовной культуры. Детству присущ свой собственный, уникальный строй мировосприятия, неповторимая «наивная мудрость», особая логика. На заре формирования духовной культуры человек прочно ощущает себя частью окружающего мира, как бы клеточкой огромного сложного организма, не выделяет себя из круга природы. Он — частица «одушевленного» мироздания, где все взаимосвязано и закономерно: и восходы и заходы солнца, и перемены лунных фаз, и чередование засух и дождей, — мира, где всему отведено свое место: и животным, и растениям, и духам, и демонам.

Мифологическое мироощущение коренного населения Бразилии: индейцев тупи́, бороро, каража́, ботокудо и других — проникнуто анимизмом. Разговаривают растения, спорят и ссорятся животные, соперничают духи, населяющие леса и реки. На этой стадии «детства» мифологические представления пронизывают все сферы жизни, неотделимы от действительности с ее будничными заботами — охотой, рыбной ловлей, сборианием плодов и земледелием, рожденьями и смертями, войнами и переселениями племен. В то же время сама эта повседневная действительность ритуализируется,

всякое действие подкрепляется примером или аналогией из мифа, освящается мифологической традицией. Сама действительность не вычленяется из мифологической картины мира, индейцы живут в атмосфере мифа.

Иное дело — сказки индейцев. Правда, они выделяются из стихии мифа не сразу. Зачастую, например, сказки о животных сохраняют древние этиологические концовки, содержащие рассказ о происхождении тех или иных видов животных или их повадок. Повествуя о «временах творения», они находятся еще как бы «на полпути от мифа». Но постепенно меняется отношение рассказчика к происходящему. И он, и его слушатели воспринимают забавные истории о проделках хитроумных животных и поражении глупых как «условную реальность». С самого начала ясно, что речь идет о заведомо вымышленных событиях, о которых каждый может рассказать по-своему, с массой вариантов и дополнений, — ведь когда-то, наверно, эти сказки — в видоизмененном облике, конечно — составляли эпизоды длинных и сложных мифов... Но содержание мифа, в отличие от сказки, было фиксированным, «вольные толкования» и отступления не допускались.

У индейцев, населяющих территорию Бразилии, не было своей письменности. Поэтому до нас не могли дойти памятники их древней культуры в оригинале. Первые сведения об их мифологии получены от европейских путешественников и миссионеров, записи которых велись с XVI века. Систематическое же изучение бразильского фольклора началось лишь в XIX веке.

В XVI столетии глазам белых людей впервые предстал таинственный многокрасочный мир бразильских индейцев. В 1500 году на побережье Бразилии высадился португальский мореплаватель Педро Алварес Кабрал. Открытую им землю он принял за остров и назвал землей Истинного Креста (Вера Крус), объявив ее владением португальской короны. Через несколько лет за страной укрепилось еще не официальное в те времена название Бразилия, производное от

«пау-бразил» — ценной породы древесины, которую колонизаторы вывозили в Европу. В 1549 году было учреждено генерал-губернаторство со столицей в городе Салвадор, что в нынешнем штате Баия. В этом же году на землю Бразилии ступили первые иезуиты, основавшие миссии.

Письменное донесение о новой территории, вошедшей отныне в число владений Португалии, — «Письмо португальскому королю дону Мануэлу» — составил участник экспедиции Алвареса Кабрала, корабельный летописец Перо Ваз де Каминья. Этот исторический документ, где описываются первые встречи португальцев с индейцами, по мнению историков и литературоведов, содержит немало поистине пророческих моментов. Тут и метко подмеченное дружелюбие аборигенов, которое контрастирует с высокомерной раздражительностью адмирала, и смутное предощущение будущих обид и притеснений, которые принесет конкиста миролюбивым обитателям Нового Света, и, главное, удивительно описанная сцена совместного «импровизированного» португало-индейского праздника: «Диего Диэс, человек веселый и живого нрава... позвал с собой нашего флейтиста и принялся с ними (индейцами. — Е. О.) танцевать, взяв их за руки. И они смеялись, радовались и очень хорошо с нами плясали под звуки флейты»¹.

В вырвавшемся у автора письма с горечью признании, что «индейцы были нам больше друзьями, чем мы им»², — предвидение грядущих трагедий, а в сцене танцев с дикарями под звуки тамбурина — прообраз того далекого симбиоза культур, который века спустя станет неотъемлемой чертой бразильской нации.

Первые рассказы о нравах и верованиях аборигенов принадлежат перу белых людей, католиков и протестантов, более или менее образованных и немало повидавших на своем веку. Это посланцы разных народов Европы: испанский монах-доминиканец Гаспар де Карвахаль (1504—1538), ко-

¹ Vaz de Caminha P. Carta a El-Rei d. Manoel. Lisboa. 1977, p. 75.

² Ibid., p. 76.

рабельный пушкарь немец Ганс Штаден, португальский миссионер падре Нобрега (1517—1570), его соотечественник, проповедник и этнограф Жозе де Аншиета (1534—?), спутник английского корсара Томаса Кэвендиша Энтони Найвет, француз капуцин Клод д'Аббевиль, врач и теолог из Антверпена Гаспар ван Баэрле... По их рассказам, хроникам и описаниям путешествий потомки впервые смогли реконструировать мифологическую картину мира бразильских индейцев. Путешественникам посчастливилось наблюдать ритуалы и обычаи и тех племен, которые впоследствии были истреблены или полностью ассимилировались.

Однако с воцарением в Южной Америке белых людей мифы не умерли. Они продолжали жить в устной народной традиции, передавались от поколения к поколению. Поэтому и в XIX веке французские путешественники и ученые Ф. Дени, Ж.-Б. Дебре и даже в XX веке фольклористы и этнографы Бразилии записывали их со слов старейших индейцев, а затем сопоставляли услышанное с записями первых хронистов. В наиболее чистом виде легенды и мифы Бразилии вошли в сорокатомную «Всемирную энциклопедию мифов, легенд и сказок», вышедшую в Сан-Паулу в 1962—1967 годах, а также в антологии, составленные известными бразильскими специалистами, такими как Луис де Камара Каскудо, Базилио де Магальяэнс, Эрберто Балдус, Антонио де Барбоза Лесса и Жозе Аленкар де Пиментал. В отличие от своих коллег, этнограф и филолог Барбоза Лесса сохранил в своей антологии мифов и легенд образы рассказчиков, с их зачином, комментариями и концовкой. В целом же тексты основных мифов, легенд и сказок во всех португалоязычных изданиях идентичны. Многие издания не предлагают убедительной классификации, некоторые же содержат классификацию по региональному признаку (фольклор Баии, фольклор Рио-Гранде до Сул и т. д.). Однако наличие сквозных и «бродячих» мотивов делают такое разграничение в значительной мере условным. Наиболее распространенной и четкой является классификация по устойчивым тематическим признакам, пред-

лагаемая, в частности, А. де Барбоза Лессой. Мы предлагаем ее читателям в несколько сокращенном виде. В нашу книгу включены мифы, легенды и сказки Бразилии как из «Всемирной энциклопедии», так и из вышеназванных бразильских антологий.

Бразильская мифология, в отличие от мифов многих других народов, складывалась не как некий монолит. Еще с самых древних времен она была достаточно разветвленной, при общности основы все же сказывалась этническая и лингвистическая дробность. Это нетрудно проследить, сопоставляя варианты одних и тех же этимологических мифов, где в глаза бросаются различия при обыгрывании сходных мотивов и разнообразные сюжетные параллели. Так, каждая племенная община знает свой собственный вариант мифа о происхождении огня, луны, звезд... Но различиями такого характера богатство бразильского фольклора далеко не исчерпывается и не объясняется. Дело в том, что индейскому культурному субстрату суждено было испытать на себе воздействие иных духовных культур — и вобрать в себя многие их характерные элементы.

Португальские колонизаторы поторопились овладеть плодородными землями в долинах рек и на побережье Бразилии, основывали там плантации. Индейские племена постепенно оттеснялись с привычных мест, в случае сопротивления их силой сгоняли с земли, а то и попросту истребляли. Однако заставить коренных жителей работать на плантациях было очень трудно. И вот, уже в XVI веке эта проблема была решена колонизаторами за счет массового ввоза в страну невольников-негров из Африки. Вместе с неграми-рабами в Бразилию перекочевали африканские культы, ритуальные песни и пляски, богатая мифология и, конечно, сказки. Укоренившись на новой почве, черты африканского фольклора диковинно переплелись с элементами туземной мифологии, с христианскими и сказочными мотивами европейской культуры, образовав поразительный сплав, где органично сосуществуют и по сей день черты народного творчества трех рас.

* * *

Исследователи отмечают, что «у южноамериканских индейцев не было мифов о становлении мира в целом. Происхождение отдельных объектов, стихий, явлений, знаний описывалось как их перемещение или метаморфоза»¹. Действительно, европейца в мифологии коренного населения Бразилии поражает отсутствие некоего «общего истока», отправной точки, единого творца. Все стихии появляются как бы по отдельности, вернее, даже не появляются, а «проявляются»: огонь, свет существовали всегда, но до поры до времени были скрыты в утробе хищной птицы урубу. Всегда была ночь, но люди не подозревали об этом, пока не вскрыли сердцевину ореха тукуман... А вот Луны не было, пока некая девушка не поднялась на небо и не стала ночным светилом... Вообще мифологическому времени индейцев чужды строгая последовательность и хронология, чужда линейность и соразмерность. События одного часа, нескольких месяцев, жизненного цикла целого поколения могут перечисляться в одинаковом ритме; их картине мира не присуща и жесткая логика причинно-следственных отношений в том виде, в каком мы представляем себе эти отношения сейчас. Снова вспоминается «детская» логика или своеобразно «перевернутая» логика сновидений. Явствует одно: в мифологическом времени люди, стихии, явления природы «создавались» попеременно. Божества, люди, звери, люди-животные и люди-демоны мыслились существами одного порядка. Все они были наделены теми или иными человеческими признаками.

Пространство представлялось чем-то вроде округлой плоскости, как правило, разделенным рекой, «водным царством». Под землей был свой особый мир, откуда первочеловек Райру вывел на землю людей и где находятся те, кто пока еще «не вышел на свет». На небе — свой мир, туда тоже можно попасть, став звездой или Луной. Как земля — рекой, небо пере-

¹ История литератур Латинской Америки от древнейших времен до начала Войны за независимость. М., Наука, 1985, с. 102.

черкивалось Млечным Путем. Землю и небо соединяла символическая ось — дерево вроде гигантского умбу.

Рождение, жизнь, смерть не воспринимались как кардинально различные состояния, начало и конец. Мир казался индейцам вечным, а собственное существование — безбрежной чередой метаморфоз. Ничто не было окончательным. Вереница закатов и восходов, убывание и возрождение Луны в мифотворческом сознании индейцев отождествлялись с невероятными на наш теперешний взгляд приключениями братьев Ари и Мери, их повторяющимися смертями и воскресениями.

Для народа, чья жизнь связана с земледелием и охотой, мифы о происхождении зверей и растений имеют первостепенное значение. И здесь опять мы сталкиваемся с целой серией метаморфоз: из тела мудрого старца Ньяры вырастают съедобные растения; маниока — посмертное воплощение несчастной Атиоло, заживо зарытой в землю; в дерево пашиуба превращается пепел сожженного мальчика; душистым пирипири становится красивый юноша; викторией регией оборачивается печальная дева. Впрочем, не только благородные и прекрасные люди способны дать жизнь растениям: злая женщина, замыслившая извести мужа, погибая, становится душистым растением — табаком.

Не только обиженные, обездоленные, страдающие от несчастной любви становятся звездами. Жестокий миф о происхождении созвездия Орион, иначе Трех Волхвов, говорит о том, что метаморфоза не всегда — спасение, но иногда — наказание. Фольклористы, кстати, отмечают, что «для представлений индейцев вообще не характерен оценочный момент... В мифах много эпизодов, отличающихся жестокостью или противоречащих более поздним нормам поведения... Слушатели относятся к подобным фактам как к должному, поскольку действия первопредков не подлежат оценке с точки зрения обычных морали и права»¹.

¹ История литератур Латинской Америки от древнейших времен до начала Войны за независимость. М., Наука, 1985, с. 98.

Однако мотив «мести» и «наказания» встречается в мифах бразильских индейцев очень часто, и нередко именно в связи с метаморфозой. Недаром в неприятных, наименее чтимых животных превращаются те, кто в свое время не доверился Нуа, возвестившему о потопе («Ной мажонгонгов»). Кару наказан за послушание своему брату, первочеловеку Тири, и становится смертным («Тири и Кару»). В наказание за свое пренебрежение юноши, отвергавшие девушку Ниньо, оборачиваются ночными животными («Лунная кровь»). Нарушение запрета Хозяина Дерева влечет за собой кару («Как появились плоды»). Немаловажную роль в мифах индейцев играет также мотив «испытания», известный многим мифологиям мира. Божество-отец придумывает невыполнимые и опасные испытания для своего сына, первочеловека Райру. Неприязнь отца к своему единственному сыну здесь рационально почти не мотивируется, она принимается как нечто данное и заведомо не подлежит оценке. Но симпатии тех, кем создан и среди кого бытует миф, явно — на стороне незаслуженно преследуемого Райру. Это находит выражение в самой динамике мифа: каждое задание, обрекающее было Райру на гибель, становится Деянием, эпизодом сотворения мира («Начало мира»).

Начало собственно человеческого бытия мыслится по-разному. Это может восприниматься как последствие разгула стихий, мировой катастрофы — пожара или потопа («Тири и Кару», «В стародавние времена», «Ной мажонгонгов»). На освободившейся территории начинают свой род люди и звери. Иногда речь идет об изгнании или уничтожении людей-демонов, полулюдей-полуживотных, победа людей над ними и означает точку отсчета, откуда ведет свое начало человеческий род. Как правило, этот переход связан с именами культурных героев, отвоевавших землю для людей, таких, как Кери и Каме у индейцев бакайри, Бакороро и Итубори у бороро, Тири и Кару у юрукаре. Неустрашимый Баира добывает людям огонь, достает своему племени стрелы. Девушка Амао спускается к людям с неба, чтобы научить их готовить

пищу... Тири настолько бесстрашен, что ему под силу покончить с владычеством ягуаров. Воины племени апинажé изгоняют из своих краев племя рукокрылых людей... Так кончается «мифологическое время» — эпоха сотворения, и начинается «время историческое».

Это, конечно, не означает, что с вытеснением племени демонов и людей-животных кончается «эпоха чудесного». В мифах индейцев остается интереснейший «пандемониум», который на протяжении веков все более обогащался благодаря наслоению негритянских и европейских культурных и религиозных влияний.

Просто исчезает ощущение «соседства» и «равноправия» с демонами, которые во времена сотворения мира жили племенами, совсем как люди, со своими заботами. Теперь же чудовища являются людям поодиночке и воспринимаются как антагонисты человеческого рода.

Первым европейцем, описавшим «ночных духов и лесных демонов» Бразилии, был уже упоминавшийся португальский священник Жозе де Аншиета. Из его путевых заметок европейцы впервые узнали о «существовании» Курупире, иначе Каишоры, — лесного духа. Поразительно, что белый священник и сам верит в этого «бразильского лешего»! «Братья-миссионеры, — пишет он, — свидетельствуют, что сами видели убитых Курупирой индейцев... Индейцы приносят ему подарки — перья или стрелы, с тем чтобы его задобрить, и оставляют все это на лесных полянах и вершинах холмов»¹. Другой путешественник, англичанин Энтони Найвет, также свидетельствует о смертном страхе индейцев перед Курупирой, «хозяином лесов».

Многие исследователи бразильских мифов и легенд зачастую отождествляют Курупире с образом другого «охотничьего божества» — Журупари. Ошибка эта коренится в наложении образов, порой возникающих в самом фольклоре. Так, в поздней редакции мифа о похищении девушки демо-

¹ Luis de Câmara Cascudo. Antologia do folclore brasileiro. São Paulo. 1971. p. 107.

ном Журупари ему приписываются некоторые черты и свойства, характерные для Куруперы, — например, такая его особенность, как вывернутые назад ступни... В чем же разница между ними? Журупари — древнее божество, сын богини (или ведьмы) Сейуси, является в определенном смысле покровителем мужчин. С его образом у древних индейцев связывалась специфическая мужская обрядность и, как часть ее, — охотничьи ритуалы. Поэтому Журупари, извечный враг женщин, ассоциируется, в числе прочего, с охотой. Является он в образе ленивца или муравьеда.

Что же касается Куруперы, или Каипоры, то этот демон — более позднего происхождения, не связанный с эпохой творения. Как и Журупари, он способен претерпевать бесчисленные превращения, воскресать после смерти, перевоплощаясь. Его внешний облик напоминает человека с головой ночной птицы, во всяком случае, «птичьи» черты он сохраняет, даже обернувшись черепом («Череп, который катился по дороге»). Зловещий могущественный Курупера, однако, часто попадает впросак, и охотникам удается его перехитрить. Охотник — извечный соперник и жертва злых выходов Куруперы, так как вынужден вторгаться в его лесное царство и тем самым нарушает «неписанные законы». Каипоре же тоже не по себе в селении — царстве человека («Каипора»).

Интересно отметить своеобразную эволюцию трактовки образа этого демона. Ее можно проследить, сопоставив ранний миф «Катящийся череп» и сказку более позднего происхождения «Каипора». Наводящая ужас безжалостная сила — в первом случае; лукавый, очень похожий своими повадками на человека «леший», вступающий с человеком в молчаливый заговор, — во втором. Между этими двумя историями пролегли века. В «Катящемся черепе» — первобытная община охотников, в «Каипоре» — деревня прошлого века. В более поздних повествованиях о Каипоре тот нередко оказывает человеку услуги: выводит заблудившегося охотника из леса, дарит ему охотничье снаряжение. Известный фольклорист Базилио де Магальяэс замечает, что в пред-

ставлении людей меняется и внешний вид лесного духа. Демон все больше очеловечивается. Вывороченные ступни постепенно заменяются хромотой, рыжую шерсть на голове прикрывает красная шапка, которую тот никогда не снимает, а во рту торчит теперь незажженная трубочка — чтобы был предлог, остановив охотника, попросить у него огня. Большое влияние на изменение облика «лешего» оказало воздействие африканского фольклора. Негры-рабы привезли в Бразилию свои охотничьи сказки, где, конечно же, фигурировал свой собственный дух — покровитель охотников, и черты его слились с образом индейского Курупире. Новая обработка имени — Каипора или даже Каапора вместо Курупире также свидетельствует о приспособлении индейского звучания к нормам африканской фонетики.

Второе божество мифологического пантеона индейцев — Иара, Хозяйка или Царица Вод. «До прихода и расселения христиан в этих местах много индейцев было ими (Иарами.— *Е. О.*) утоплено»¹, — сообщает падре Аншиета, полагая, что торжество истинной веры заставит наконец отступить языческих демонов. Век спустя Гаспар ван Баэрле свидетельствует о том, что рыба-женщина Иара, красавица с длинными волосами, внушает пловцам и рыбакам роковую страсть и губит их. Тела этих мужчин, сообщает невозмутимый голландец, находят потом на отмелях со следами укусов на губах. Иара душил своих избранников в объятиях не «по злобе, а по страсти», — заключает уроженец Антверпена, ни на минуту не подвергая сомнению показания местных «очевидцев».

Мифов и сказок о Царице Вод — множество. Они, как и предания о Каипоре, различны по времени создания и этническому источнику. Важно отметить, что они существовали еще в доколумбов период и складывались совершенно самостоятельно до наслоений других культур, и первые их создатели не слышали о сиренах, Лорелее, Русалках...

¹ Luis de Câmara Cascudo. Antologia do folclore brasileiro. São Paulo, 1971, p. 112.

К наиболее ранним относится миф о девушке Ниньо, взятой под покровительство Луной. Она выходит из реки в те ночи, когда Луна на исходе. Этот миф еще относится к периоду «сотворения мира», повествует о происхождении животных («Лунная кровь»). А вот сложившаяся позже легенда «Иара» (этого рода легенды, по-видимому, и слышал ван Баэрле от «очевидцев») уже свободна от этиологических элементов, поворотов и ответвлений древнего сюжета. У Ниньо были основания мстить юношам, смертельные же поцелуи Иары рассматриваются как зловещая роковая данность.

Культы Матери или Царицы Вод были и у африканских негров. Образ прекрасной Иеманжи, тоже красавицы с длинными волосами,— и по сей день почитается на афрохристианских радениях кандомбле в Баии. Иара индейцев жила только в реках, Царица Вод, по поверьям негров, властвовала и в морской стихии. Постепенно происходило наложение образов. Негритянское божество было щедрее, доброжелательнее, к нему можно было взывать на радениях, обращаться с ритуальными песнями и плясками, подносить подарки. Никто и нигде не замечал, чтобы индейцы пробовали «замолить» или задобрить Иару, как это было в случае с Курупирой. Так, путем сложного синтеза религиозных и фольклорных начал разного происхождения постепенно выкристаллизовывается новый вариант истории о Царице Вод.

Она пробует «пойти на компромисс» с человеком, забыв извечную вражду, и на время становится его женой («Царица Вод»). Африканское начало явственно просматривается в художественной ткани этой легенды, записанной в Баии, регионе, в культуре которого воздействие негритянского фактора сказывается наиболее ощутимо. Царица Вод, расставшись ради человека со своей стихией, находится на краю гибели, не впрок и человеку богатство, принесенное тоскующей по водному дому красавицей. Крестьянин с помощью жены приобретает в свое хозяйство рабов,— так в легенде

возникает и временной ориентир. В этой легенде уже возникают тематические линии, отражающие формирование новых ценностей, новой этики и житейской философии. Во-первых, бедность и покой лучше «случайного» богатства и связанных с ним забот. Во-вторых, человек, и даже божество, не уживается в неволе, в чужеродной среде. В «Царице Вод» сам настрой говорит об африканских корнях легенды: сама грусть расставания здесь неотделима от веселого, «песенного» восприятия жизни. Жена крестьянина покидает свою земную жизнь, задорно напевая, за ней, приплясывая, тянутся ее стада, уголья и даже деревья. Переход из стихии в стихию сопровождается ритмичным припевом: «Калунга! Калунга!»

Жозе де Аншиета указывал на существование еще одного демона: Мбойтата, или Мбойгуасу, что на языке индейцев значило: «Весь огненный», или «Огненная кобра». Это существо представлялось в виде огромной змеи, огненной лентой пробегающей по ночным долинам и пожирающей других животных. Иногда в ночи видны лишь пылающие глаза змеи. Легенда о Мбойгуасу распространена по всей территории Бразилии. Рассказывают, что еще во время потопа она, раздуваясь, пожирала всех других животных. На юге Бразилии существует своя традиция объяснения облика огненной кобры: Мбойгуасу пожирала лишь глаза своих жертв, поэтому внутри нее скапливался свет всех этих глаз. Одинокий ночной путник должен зажмуриться и замереть на месте при встрече с огненным чудовищем — гласит народное поверье. Иначе Мбойгуасу начнет преследовать его, и тогда — горе ему! Если же путник начнет преследовать Мбойгуасу, то огненная лента станет быстро удаляться, загоняет человека, заведет прочь от дороги и сведет с ума — совсем почти как «блуждающие огоньки» из славянского фольклора.

Еще один интереснейший персонаж бразильских поверий и сказок — Кибунго. Этот «нечистый дух» — специфическое порождение негритянского фольклора. К моменту ввоза африканских рабов и белое население Бразилии успело по-

знакомить туземцев со своим фольклором, в том числе и образами колдунов и оборотней, особенно популярными в Испании и Португалии времен инквизиции. Так укоренились на бразильской земле и по сей день распространенные поверья о «лобизомене», человеко-волке, «муле без головы» и других «грешных душах, не нашедших покоя». Мифотворческое сознание индейцев легко вобрало и трансформировало эти образы. Создателям «рукокрылых людей» нетрудно было ассимилировать сходные мотивы других культурных систем. Так происходит и с африканским оборотнем — Кибунго, который представлялся в образе старого-престарого негра (каким он и был «при жизни»), но — с головой обезьяны. Если древний старец негр никак не умирает, то по истечении отпущенного ему срока превращается в Кибунго. Кибунго живет в лесу и появляется с наступлением темноты. Он агрессивен, злобен и необычайно прожорлив. Жадность не позволяет ему даже хорошенько пережевывать пищу, поэтому вовремя спасенные из его брюха люди остаются живы. По той же причине он нередко изображается с огромной пастью прямо посреди брюха, куда сразу запихивает свои жертвы, чтобы не утруждать себя глотанием.

Темой множества сказок становится его глупость, простоватость и недалёковидность. Он, как и незадачливые герои индейских и негритянских сказок о животных, всегда оказывается в дураках. Его запросто может обмануть — и обманывает — старуха, ребенок или собака. Постепенно образ этот «одомашнивается», превращается во что-то вроде привычного «буки», которым бразильские бабушки безуспешно пугают непослушных детей.

* * *

Любопытный пласт бразильского фольклора связан с процессами, происходившими в духовной культуре страны начиная с XVI века, когда миссионеры-иезуиты принялись за обращение местного населения в католическую веру. Миссионеры старались в своих проповедях опираться на доступ-

ные индейцам параллели, подыскивая аналогии в мифологической и христианской системах; они позволяли индейцам отождествлять образы некоторых духов языческого пантеона с христианскими святыми. Так потом станут делать и негры, приспособливая особенности своих культов к требованиям религии белых людей. Словом, параллельно с расовой метисацией населения происходила метисация культур. Памятники ее — удивительные легенды и сказки, повествующие о библейских событиях и мотивах, христианских мучениках и чудесах, «переселенных» воображением местных жителей на бразильскую почву с ее укладом и законами, окрашенных неповторимым бразильским колоритом.

Так, например, выясняется, что богоматерь с младенцем Христом и святым Иосифом, спасаясь от преследований царя Ирода, ехала... по землям Бразилии, где чудесному спасению святого семейства содействовал не кто иной, как... броненосец мулита, забавный южноамериканский зверек, покрытый щитовидным панцирем. Детеныши его выкормили младенца Христа своим молоком! Более того, легенда имеет и этиологический финал: благодарностью Марии объясняется своеобразная биологическая особенность «мулиты», приносящей с тех пор лишь однополых детенышей («Броненосец тату-мулита»).

А чего стоит поразительный пир, который богоматерь устраивает на небе для всех зверей и птиц! Блюстители строгих канонов веры в Ватикане должны были бы содрогнуться от такой наивной, доброй и забавной «ереси». К тому же картина Эдема, где в блаженном добрососедстве восседают за одним столом все звери, так и не получается: вступает в силу «снижающая» благоговейный настрой схема тридиционной индейской или негритянской сказки о ссоре животных, и птица урубубу сбрасывает своего «пассажира» — черепаху, так и не доведя эту гостью святой Марии до райских врат («Стервятник и черепаха»). А для того чтобы рассказать христианскую притчу о душах праведных и неправедных, понадобилось женить святого Петра на простой крестьянской девушке

ке, у которой, вдобавок, оказались ленивые да нечестные братья-пастухи («Шурин святого Петра»).

Особую группу составляют так называемые «легенды о крестных». В том или ином виде они существуют в фольклоре каждого народа. Чудесный покровитель может быть доброй феей, как в сказке о Спящей Красавице, или лесной старушкой-кудесницей, спасающей от тяжких испытаний сироту. Во всяком случае, мотив сиротства играет в этих сказочных ситуациях не последнюю роль. Милосердие в одной из своих ипостасей принимает под свое покровительство обездоленное человеческое существо, за которое больше некому заступиться. Так происходит и в легенде о дереве умбу. Здесь мы еще находим множество следов древних анимистических и тотемических представлений. Ведь умбу — подобие Мирового Дерева, подпирающего Небо в древнейших мифах, а в позднейших легендах — посредник, связующее звено между землей и небом, людьми и святыми. Ожившее дерево стало в свое время мужем земной девушки и отцом первочеловека Тири... А теперь «живое» умбу становится «крестной матерью» девушки и защищает ее честь («Дерево умбу в горах Кавера»).

У Негритенка-пастушка крестной вовсе и не было. Сирота, маленький раб, видно, так и оставался некрещеным. Или же в момент крещения просто не нашлось желающих оказать ему такую — пусть даже символическую — честь. Тех, кто не знал своих крестных, в народе было принято считать крестниками святой Марии. Так случилось и с пастушонком. Легенда о нем распространена в Бразилии повсеместно, и популярность маленького героя фольклора гаушкотоводов теперь вышла далеко за «локально-профессиональные» рамки условий, в которых она сложилась. Легенда дает представление о быте крупного поместья — бразильской эстансии, о всемогуществе белых хозяев и полном бесправии их рабов, которым, в самом деле, приходилось уповать лишь на милость провидения. Негритенок из легенды — маленький мученик, бразильская Золушка, который после-

довательно проходит все круги ада незаслуженных наказаний. Лишь вмешательство «крестной всех тех, у кого ее нет», способно положить конец его земным мытарствам.

Любопытен финал легенды и «резонанс», который она получила в жизни бразильцев. Негритенка забирают на небо, где он становится покровителем пастухов. Маленький черный раб (да еще, по всей видимости, и некрещеный!) причисляется народной верой к лику святых! Такая «самовольная», стихийная канонизация мученика из низов официальной церковью, конечно же, никогда не признавалась. Однако множество вариантов легенды о чудесах Негритенка-пастушка бытует и по сей день. Более того: сфера волшебного влияния Негритенка постепенно все расширялась, и впоследствии он стал хранителем заблудившихся в пампе путников, а также помощником при отыскании потерянных вещей. По народному поверью, потерявший что-нибудь должен поставить Негритенку свечку (почесть, официально оказываемая святым!), а отыскав с его помощью потерянное, поблагодарить его.

Мотив крещения мы встречаем в легенде о Женерозо — великодушном индейце. Само начало ее должно бы повергнуть в изумление благочестивого христианина: ведь крестным индейца Женерозо был, оказывается, «кастик (вождь, — Е. О.) Мбороре, близкий друг родителей Иисуса»! Легендарный индейский вождь — и вдруг «близкий друг родителей Иисуса», какое несоответствие «иерархий», да еще бросающийся в глаза анахронизм: крещение Женерозо, стало быть, происходило еще на заре доколумбова периода, если в легенде речь идет о временах гонения на святое семейство... Но дальше сказано, что Женерозо помогал закладывать фундаменты всех церквей в Семи селениях, а эти события относятся ко времени расцвета влияния иезуитов, укреплению их миссий на границе с Парагваем, то есть к началу XVI века. И опять-таки, как и в легенде о броненосце мулите, говорится о том, как «отец и мать Иисуса пришли в горную глушь» Бразилии. Да, пространственные и временные представления индей-

цев к этому времени претерпели существенные изменения. «Рамки» их мира раздвинулись, вместив в себя события и представления из истории и фольклора других народов.

Характерно, что легенда о «крестнике близкого друга родителей Иисуса» напрочь лишена чопорной благопристойности, которая, казалось бы, пристала рассказу о загробной жизни души праведника. Женеорозо почему-то не отправляется в рай, а, «будучи веселым и жизнерадостным», откалывает после смерти довольно рискованные шутки: ломает потолочные балки в домах у людей, озорничает, портя мебель и корзины, да еще втирается в толпу танцующих на народных гуляньях! Эта фигура скорее напоминает лукавого бесенка или домового, чем святого.

Мироощущение бразильцев, ассимилируя образы и мотивы христианской культуры, трансформирует их соответственно с особенностями национального темперамента. Особенно заметно стремление бразильцев «упростить», «очеловечить» далекие от их жизненных норм и понимания образы, максимально приблизить их к своим чаяниям, добавить немного праздничной атмосферы, интерпретируя строгие библейские сюжеты. В этом смысле очень показателен случай с Женеорозо, призрак которого веселится и приплясывает в праздничных шествиях в дни почитаемых святых. О таких праздниках, религиозное начало в которых поддается под натиском фольклорного, рассказывает любопытные вещи португальский путешественник и теолог Нуно Маркес Перейра (1652—1733). Во время его пребывания в Баии губернатор граф де Менезес именем короля запретил традиционные народные празднества в честь дня святого Гонсало, которого простые обитатели Баии называли ласкательно-уменьшительным именем «Гонсалиньо». Возмущение церкви и знати вызвали «неканонические» формы почитания святого, как-то: маскарады, песнопения и пляски негритянского происхождения — «калундос», шествия под звуки дудок и трещоток, самодеятельные импровизированные представления, иллюстрирующие «чудеса» святого, и прочие виды поклонения Гонса-

линью, у которого надеялись узнать, как найти пропавшие вещи, излечиться от болезней или приворожить любимого... Под барабанный бой был прочитан указ о наказаниях для тех, кто примет впредь участие в таком празднестве, «более подходящем на языческие суеверия и злоупотребления именем святого»¹.

Впрочем, в некоторых случаях слияние животворного фольклорного начала и религиозной нормы проходило более «мирно»: при смягчающем содействии такого фактора-посредника, как официальная культура, — в литературе, в театре. Так, еще в середине XVI века уже упомянутый Жозе де Аншиета стал создателем интереснейших представлений на религиозные темы — ауто, поставленных по случаю церковных праздников и торжественных дат. Эти действия Аншиета писал на трех языках, обращаясь к самой широкой аудитории: на языке индейского племени тупи, на португальском и испанском. Эти святочные, пасхальные или же посвященные важным политическим событиям представления создавались не только с назидательной, но и с просветительской целью. Поэтому европейская традиция здесь плодотворно обогащалась местными фольклорными чертами: вместе с христианскими мучениками на сцене появлялись всем известные вожди враждебных португальцам племен в уборе ягуаров, кобр и других тотемических животных. Они осуждались, и поэтому автор ауто отождествлял их с дьяволом и чертями католической традиции. Адские муки идентифицировались с каннибальскими обрядами, ангелы — с голубыми попугаями араара. Так, на языке уподоблений, параллелей и аналогий с мифом, закладывались основы будущего здания единой культуры.

Немало легенд связано с историей Бразилии. Существование государства иезуитов, продержавшегося с 1610 по 1767 год южнее бразильских границ, на территории Парагвая,

¹ Luis de Câmara Cascudo. Antologia do folclore brasileiro. São Paulo, 1971, p. 138.

Уругвая и Аргентины, а также семи иезуитских миссий на юге Бразилии (Семь селений), породило своеобразный цикл легенд о борьбе индейцев гуарани и пастухов-гаушо за свою свободу против войск испанской и португальской короны. Посланцы ордена иезуитов умело использовали общинные традиции и патриархальные отношения, существовавшие у индейцев. Они поддерживали их в верности обжитым землям, в занятиях земледелием и скотоводством. Урожай делился на две части между общиной и церковью. Такая скрытая форма эксплуатации была все же меньшим из двух зол: в случае перехода земель под власть испанской и португальской короны гуарани были бы согнаны со своей земли, их привычный жизненный уклад был бы резко и окончательно разрушен. Поэтому, когда испанские и португальские войска вторглись на земли миссий, с тем чтобы поделить их между Испанией и Португалией, гуарани и гаушо выступили против них. Началась Гуаранийская война 1753—1756 годов, в которой прославился подвигами выдающийся индейский касик Сепе. Военные действия были перенесены на бразильскую территорию, и Сепе нанес королевской армии целую серию поражений. Португальские власти вынуждены были подписать с ним временное перемирие. Два года спустя Сепе героически погиб в бою. Этим событиям посвящены две стихотворные легенды. Когда-то их пели на народных гуляньях и ярмарках.

В 1767 году королевским декретом иезуиты были изгнаны из колоний Испании и Португалии, часть их земель окончательно отошла к Бразилии. К этому периоду относится создание цикла легенд о несметных сокровищах ордена, якобы спрятанных в одной из пещер горы Жарау, недалеко от Семи селений. Вероятно, кое-какие формальные основания для распространения этих поверий были: орден был очень богат, миссии свои иезуиты покидали в спешке... Но нельзя не учитывать, что сказки и легенды о кладах европейского, да и иберийско-мавританского происхождения население миссий наверняка слышало от самих иезуитов, рассказы-

вавших о тщете богатства и наказании за алчность с назидательными целями. Так или иначе, истории о «проклятом» кладе прочно вошли в бразильский фольклор. Одним из хранителей сокровищ легенда делает индейского касика Мбороре. Другая традиция приписывает эту роль одному из иезуитов, чем-то сильно согрешившему и обреченному в наказание не находить успокоения до тех пор, пока неизвестный смельчак не развеет проклятье, трижды произнеся божье имя. Главной же хозяйкой клада легенды делают Тейниагуá — мифологическое существо с телом ящерицы, которая может принимать облик то юной красавицы, то старой ведьмы. Почему именно ящерица? Испанское и португальское слово «саламанка» означает одновременно и «ящерица», и «пещера». Теперь уже невозможно определить, в каком именно смысле слово было употреблено в связи с кладом. Клад действительно скрыт в пещере Жарау. А ящерица, «саламандра», с незапамятных времен существовала в европейской мифологической традиции, наряду с карликами и драконами охраняя клады. Непроизвольно напрашивается ассоциация с легендами, создававшимися позже, уже в иную историческую эпоху и на другом полушарии планеты. Речь идет об уральских сказах, известных нам в обработке П. П. Бажова. Тут и зеленая ящерка, облик которой принимает хозяйка Горы, скрывающей клад, и голубые змейки, и Великий Полоз — нечто среднее между мбойтата и тейниагуа бразильских поверий, и настойчиво повторяющийся мотив испытания богатством, и даже — тема тоски и одиночества человека, обретшего клад... А сам характер этого сокровища, изначально связанного с проклятьем, наложенным в бессильной злобе иезуитами, напоминает мотив скандинавского и германского средневекового эпоса — сокровище нибелунгов. Даже чистому душой и отважному гаушо, избежавшему искушений Жарау, не приносит счастья неразменная монета тейниагуа.

Эта же тема звучит и в легенде о быке с золотыми рогами, «быке-счастье», в образе которого, кажется, воплотились

вековечные мечты о «пастушьей удаче» сотен и сотен полунисших гаушо, вытесненных из своей пампы хозяевами больших эстансий и вынужденных наниматься в работники. Когда солнце золотит облака, гаушо говорят, глядя на небо: «Вот поплыл бык с золотыми рогами». Счастье гаушо, говорит народная мудрость, на золото не купишь. Не случайно легенда гласит, что золотые рога быка были забыты в каком-то темном углу, и даже не смогли скрасить последние минуты жизни хозяина эстансии...

И вновь мы встречаем мотив никому не доставшегося сокровища в легенде о графском ручье, как утверждают некоторые, основанной на истории реально существовавшего рода. Но не подлинность основы важна здесь, а мысль о том, что герои легенды несовершенны, не достойны своего богатства, не сумеют с честью распорядиться им. Это сказание повествует об угасании рода и, в более широком смысле, о закате целой исторической эпохи — «эпохи конкистадоров».

Иногда непросто определить, что все-таки перед нами: легенда или сказка, фрагмент мифа, ставший впоследствии представлять самостоятельный интерес, или вполне законченный, самоценный, оригинальный вымысел, созданный заведомо для того, чтобы развлечь, а не заставить верить. Не всегда и важно это четкое определение жанровой принадлежности, как для радостного восприятия не обязательно точно знать этнолингвистический источник сказки. Индейцы ли сочинили ее, привезли ли с собой белые поселенцы или негры-рабы, — теперь не установишь.

Так, все три культуры имели свой, богатый и разнообразный, животный эпос. О лисе и Царе зверей сочиняли сказки и в Старом, и в Новом Свете. Но народная примета — считать дождь при солнце «лисьей свадьбой» — бразильская. Почти всякий фольклор знает тип забавной «кумулятивной» сказки, сказки-нагромождения, когда какой-нибудь незатейливый пустяк обрастает массой деталей, повторяясь с все новыми и новыми добавлениями... Да и образ хитровой, надоедливой обезьяны, конечно же, — общий для индей-

ского и африканского фольклора. Но в Африке не было короля с королевой, а в Бразилии они были, и история настырной макаки, ради лакомства со своей жалобой дошедшей до самых верхов сословной и бытийной иерархии, приобретает «бразильский колорит XIX века». Девушка, ставшая женой короля, «больного от любви», могла бы быть героиней сказки любого европейского народа, если бы ее не вырастили негры. Этот мотив — креольский, он встречается и в фольклоре других стран Латинской Америки. Или взять дону Элену — она напоминает героиню «Аленького цветочка», хотя здесь уместно было бы вспомнить и индейскую традицию: эпизод, связанный с любовью матери Тири к дереву Ули, которое по ночам оживает и становится ее мужем... Есть, к тому же, сказки и легенды, бытующие в равной мере по обе стороны Атлантического океана, как, например, легенда в стихах, повествующая об исчезновении вполне реального корабля «Катаринета», везшего из Бразилии обратно в Испанию и Португалию белых поселенцев.

Мифы, легенды и сказки Бразилии и сегодня играют немаловажную роль в духовной жизни нации. Они не утратили своей самостоятельной ценности и, кроме того, питают столь характерную для бразильской нации «праздничную» традицию: народные песни и гулянья, репертуары импровизированных самодеятельных театриков и, конечно же, в первую очередь — карнавалы, их шествия, песни, танцы, маски и костюмы.

Нельзя обойти вниманием и воздействие фольклора на развитие литературы — явление, вообще характерное для Латинской Америки последних трех-четырех десятилетий, а для Бразилии — особенно. Творчество Жоржи Амаду, чьи романы «баианского цикла» снискали их автору заслуженную славу во всем мире, пронизаны таинственным, жизне-радостным и ярким светом мифов и легенд этого региона. Фольклорная атмосфера окружает и героев другого выдающегося писателя Бразилии — Жоана Гимараэса Розы, при-

знанного певца «большого сертана». Примеров такого рода можно было бы еще привести немало, ведь поистине органической составной частью стал фольклор не только в многоплановой культуре страны, но и самой жизни Бразилии.

Если фольклор, как говорят, и правда — зеркало, где отражается душа народа, его лицо, то эта метафора как нельзя более уместна, когда речь заходит о Бразилии. В удивительных чертах открытого, мужественного лица, увидим мы в этом зеркале, сочетаются нераздельно черты индейца и белого, негра и метиса. На нем явственно видны следы пережитых тревог, но оно светится добротой и мудростью, весельем и безграничной любовью к жизни.

Е. Огнева

*Мифы
и легенды
о происхождении
мира*

КАК ЛУНА ПОЯВИЛАСЬ НА НЕБЕ

Сначала Луна жила на земле, и все знали ее под именем Капей. Это была такая бледная девушка, что казалось, будто она возникла из белых брызг водопада. Проводила она дни в чаще леса, зажигая огоньки светлячков, или на берегах озер, глядя на свое отражение в воде.

Люди звали ее Капей, но мало о ней знали. А между тем она пользовалась большим влиянием в царстве Природы. Поговаривали, что это она управляет морскими приливами и отливами, прорастанием семян, заставляет сверкать цветные камушки, распоряжается рождением людей и зверей. Индейцы всегда советовались с ней, как им рубить деревья и делать луки, засеивать поля или забрасывать верши с берега реки. Знахари-чародеи тоже шли к ней в лесную чащу за советом, прежде чем дать выпить больному травяной настоей или поведать людям о том, что должно с ними случиться, будь то плохое или же хорошее.

Эта тусклая жизнь в конце концов надоела Капей. А уж когда она рассердилась на одного чародея, жившего с ней по соседству, она очень опечалилась и решила покинуть людей, своих братьев в божестве, и подняться на небо с надеждой на лучшую жизнь. А что хорошо задумано, то отлично сделано. И вот она начала срезать лианы, свисавшие с высоких деревьев. Затем она сплела их, вставляя палки через каждые

две пяди так, что они образовали некое подобие ступенек, и получилась у нее огромная лестница, которая казалась бесконечной. Когда лестница была готова, Капей подошла к дуплистому дереву и кликнула птицу; птица эта днем сидела в дупле, а ночью охотилась за насекомыми, которыми она питалась.

— Кумушка совушка, окажи мне услугу! — сказала Капей.

Капей попросила сову подняться к небесным вратам и укрепить там конец лестницы. Сова была птицей услужливой и согласилась исполнить просьбу Капей. И вот Капей поднялась в голубой простор, даже не отдыхая на больших золотистых облаках, которые встречались ей на пути.

А очутившись на небе, Капей указала каждой звезде — своей дочери — ее место на небесах; теперь Капей освещает в ночном мраке путь своим братьям, идущим по дорогам земли.

ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ НОЧЬ

Вначале ночи не было — был только день. Ночь дремала в глубине вод и не подымалась на землю. Люди, звери и растения не различались между собою: все в природе было едино. И все в природе говорило.

Рассказывают, что дочь Великого Змея вышла замуж за юношу. У этого юноши было трое верных слуг. Однажды он позвал их и сказал:

— Уходите, ибо моя жена не хочет лечь спать со мною вместе.

Слуги ушли, и тогда он позвал свою жену и просил ее лечь спать с ним вместе. Но дочь Великого Змея отвечала:

— Еще не ночь.

И юноша сказал ей:

— Ночи нет; есть только день.

Тогда дочь Великого Змея рассказала:

— У моего отца есть ночь. Если хочешь, чтобы я легла

спать с тобою вместе, пошли своих слуг за ночью. Пусть спустятся по большой реке к дому моего отца. Когда над миром будет так же темно, как в глубине вод, я лягу спать с тобою вместе.

Юноша позвал своих слуг, и дочь Великого Змея послала их в дом своего отца и велела привезти от него скорлупу кокосового ореха с пальмы тукуман.

Слуги сели в лодку и отправились. Вскоре они прибыли во владения Великого Змея. Он дал им скорлупу ореха с пальмы тукуман, плотно залепленную смолой, и сказал:

— Вот вам орех: можете взять. Но берегитесь: не открывайте его. Если откроете — все в природе пропадет.

Слуги взяли орех, сели в лодку и снова поплыли по реке. Плыли и все слушали, как внутри ореха перекликаются какие-то тихие голоса: тен-тен-тен... ши-и... Это были голоса сверчков и маленьких жаб, которые поют ночью.

Когда они отплыли уже далеко, самый любопытный из слуг сказал другим:

— Давайте посмотрим, что это перекликается внутри ореха.

Старший сказал:

— Нельзя: если мы откроем орех, то все в природе пропадет. Поплывем дальше. Гребите же, гребите!

Они поплыли дальше и все слушали, как перекликаются тихие голоса в скорлупе ореха тукуман, и не знали, что это за голоса. Когда они отплыли уже совсем далеко, то собрались вместе в середине лодки и разожгли огонь от горящей головни, что везли с собою. И они растопили смолу, которой был залеплен орех, и открыли его. И вдруг кругом них все потемнело. Тогда старший сказал:

— Мы пропали. Дочь Великого Змея в своем доме уже, наверно, узнала, что мы открыли орех тукуман!

И они поплыли дальше.

А дочь Великого Змея, там, далеко, в своем доме, сказала своему мужу:

— Они выпустили ночь — будем ждать утра.

И тогда все, что было рассеяно по лесу, превратилось в зверей и птиц. И все, что было рассеяно по реке, превратилось в диких уток и рыб. Корзина из ивовых веток оборотилась ягуаром. Рыбак и его лодка оборотились дикой уткой: из головы рыбака образовались голова и клюв дикой утки; из лодки — тело дикой утки; из весел — лапы дикой утки.

А дочь Великого Змея, увидев звезду рассвета, сказала своему мужу:

— Настает рассвет. Надо отделить день от ночи.

И тогда она свернула клубком волокно стебля какого-то растения и сказала ему:

— Ты будешь кужубин.

Так она сделала птицу кужубин из семьи гокко. Она взяла белую глину и покрасила голову птицы в белый цвет; она взяла шафранный плод кустарника уруку, которым индейцы красят тело для защиты от болезни и дурного глаза, и покрасила ноги птицы в темно-красный цвет. И она сказала птице:

— Кужубин, ты будешь петь каждый раз, когда настанет рассвет.

Она снова свернула клубком волокно стебля, и посыпала клубок пеплом, и сказала ему:

— Ты будешь дикая курочка инамбу́ и будешь петь в разное время ночи и по утрам.

С тех пор все птицы стали петь каждая в свое время и еще утром, чтоб дню было веселее приходить.

Когда трое слуг прибыли, юноша сказал им:

— Вы неверные слуги: вы открыли орех тукуман и выпустили ночь, и все в природе пропало, и вы тоже, потому что вы превратились в обезьян и теперь вечно будете жить на ветках деревьев.

КАК ПОЯВИЛИСЬ ЗВЕЗДЫ

Как-то раз — а было то в стародавние времена — женщины пошли в лес собирать маис, но собрали всего лишь небольшую горсточку зерен. Печальные, они вернулись в деревню.

Через несколько дней, взяв с собою одного из мальчиков, они снова пошли в лес, и на этот раз нашли много маиса. И тут же стали толочь, чтобы замесить хлеб для мужчин, которые скоро должны были вернуться с охоты.

Но мальчик украл много маисовых зерен и, чтоб женщины не видали, насыпал в сосуды из бамбука, которые для того и принес.

И он вернулся в свою хижину, и высыпал маис, и отдал старухе со словами:

— Женщины остались в лесу, они месят хлеб. Замеси хлеб для меня, бабушка; я хочу съесть его и угостить других мальчиков.

Старуха исполнила его просьбу, и, когда хлеб был готов, мальчики съели его. И тогда они отрезали старухе руки и язык, чтобы она не могла рассказать о краже. И они отрезали язык ручному попугаю с яркими перьями и выпустили на волю всех ручных птиц, какие только были в деревне.

Но они боялись гнева своих отцов и матерей и потому решили бежать на небо. И вот они вышли из деревни, отправились в лес и стали звать колибри пьоддудду. Когда птица прилетела, они всунули ей в клюв конец толстой веревки, а другой конец привязали к лапе. И они сказали птице:

— Лети и привяжи конец веревки, что у тебя в клюве, к лиане здесь, на земле, а тот конец, что у тебя в лапе, — к дереву там, на небе. И выбери самое толстое дерево из всех, что растут в небесном лесу.

Птица сделала как они просили. И тогда мальчики стали один за другим подыматься по лиане, как по лестнице, и узлы лианы служили им вместо ступеней. А когда лиана кончилась, мальчики повисли на веревке, которую птица привязала к последнему узлу.

Тем временем матери вернулись в деревню и, не найдя сыновей, спросили у старухи и у попугая:

— Где наши сыновья? Где сыновья?

Но ни старуха, ни попугай не отвечали.

Одна из женщин взглянула в сторону леса и увидела

веревку, конец которой терялся в тучах, и на веревке — длинную вереницу детей, взбравшихся на небо.

Женщина позвала других, и все побежали в лес и стали громко звать сыновей и ласково просить, чтоб те спустились назад, на землю. Но сыновья не захотели слушать и продолжали взбираться все выше и выше. Тогда матери принялись плакать и сетовать и, плача, умоляли сыновей вернуться, чтобы снова счастливо зажить с ними вместе. Но сыновья оставались глухи к мольбам и, напротив, стали взбираться еще быстрее.

И тогда женщины, видя, что просить бесполезно, сами принялись взбираться вверх по лиане, а когда лиана кончилась, стали взбираться по веревке, чтоб поскорее догнать сыновей.

Мальчик, укравший маис, подымался последним и потому последним достиг неба. Вступив на небо, он глянул вниз и увидел на веревке длинную вереницу женщин. Тогда он обрезал веревку, и женщины попадали на землю кто куда и обратились в разных животных и диких зверей.

А злые дети, в наказание за свою жестокость, осуждены с той поры ночи напролет смотреть на землю и каждую ночь вновь и вновь видеть то, что произошло с их матерями. Глаза этих злых детей и есть звезды.

ТАИНА-КАН, ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

В те времена, когда люди племени каража еще не знали, как пахут землю, и не умели выращивать ни маис курурука, ни ананас, ни маниоку, а питались только лесными плодами, разной дичью да рыбой, жили-были в одной семье две сестры: старшую звали Имаерó, а младшую — Денакé.

Как-то поздним вечером, взглянув на звездное небо, Имаеро залюбовалась на большую звезду Таина-Кан. Звезда сияла таким нежным золотистым светом, что девушка не удержалась и сказала:

— Отец, какая красивая звезда!.. Как бы мне хотелось достать ее и поиграть с нею.

Отец посмеялся над странным капризом дочери и сказал, что Таина-Кан очень высоко — никому не добратся. Все же он добавил:

— Разве что, услышав твои слова, Таина-Кан сам придет к тебе, дочка.

И вот, глубокой ночью, когда все уже спали, девушка почувствовала, что кто-то подошел и лег рядом с нею. Она испугалась и спросила:

— Кто ты и чего хочешь от меня?

— Я Таина-Кан, вечерняя звезда; я услышал, что ты зовешь меня, и пришел к тебе. Ты выйдешь за меня замуж?

Имаеро зажгла огонь в очаге и разбудила родных.

И что же? Таина-Кан оказался старым-старым старичком: лицо его было все в морщинах, а волосы и борода белые, как хлопок.

Увидев его в отблеске пламени, Имаеро сказала:

— Я не хочу, чтоб ты был моим мужем: ты стар и уродлив, а я хочу красивого, сильного юношу.

Таина-Кан опечалился и заплакал.

Тогда Денаке, у кого сердце было доброе и нежное, сжалась над бедным стариком и решила утешить его. И она сказала своему отцу:

— Отец, я выйду замуж за этого человека.

И они поженились к великой радости тихого старичка.

После женитьбы Таина-Кан сказал Денаке:

— Жена, я должен работать, чтобы содержать тебя; я расчищу эту землю и посею на ней добрые семена, каких никогда еще не видало племя каража.

И он пошел на большую реку Бера-Кан (так называли тогда реку Арагуая), и, обратясь к ней, произнес какие-то слова, и вошел в реку, и встал, раздвинув ноги так, чтобы воды реки проходили между ними. Река текла, и, склонившись к воде, старик погружал время от времени руки в волны и набирал полные пригоршни добрых семян, плывущих вниз по

течению. Так река подарила ему две меры маиса курурука, охалки маниоки и другие полезные злаки, которые племя каража выращивает еще и теперь.

Придя домой с реки, Таина-Кан сказал Денаке:

— Я пойду вырубать лес, чтобы расчистить землю под посевы. Но ты не ходи смотреть на мою работу; оставайся дома и готовь пищу, чтобы, когда я приду усталый, с натруженными руками, ты смогла утолить мой голод и восстановить мои силы.

Таина-Кан ушел. Но он так долго не возвращался, что Денаке, испугавшись, не упал ли ее муж где-нибудь от усталости, и боясь уснуть, не дождавшись его, решила нарушить запрет и тайком ото всех отправилась его искать.

О, какая неожиданная радость!..

Вместо хилого старика она увидела на свежерасчищенной поляне прекрасного юношу, высокого, статного и сильного. Тело его было все разрисовано, и на нем были такие украшения, каких в ту пору еще не знали люди племени каража и какие носит еще и сейчас каждый юноша этого племени. Денаке не могла удержаться: вне себя от радости она подбежала к нему и крепко обняла. Потом она повела его домой, счастливая, чтобы показать родным своего супруга таким, каким он был на самом деле.

Тогда-то старшая сестра Имаеро позавидовала младшей и тоже пожелала этого юношу и сказала ему:

— Ты — мой муж, ведь ты пришел ко мне, а не к Денаке.

Но отвечал ей Таина-Кан:

— Денаке оказалась такой доброй, что пожалела бедного старика и приняла его, тогда как ты — презрела. Я не хочу тебя; одна Денаке — моя подруга.

Имаеро закричала от зависти и злобы, упала на землю и исчезла. На месте, где она упала, все увидели только «уру-тау» — черную птицу, что с тех пор каждую ночь испускает крик такой пронзительный и печальный, что заставляет дрожать случайного путника, услышавшего ее голос.

Так люди племени каража научились у вечерней звезды Таина-Кан выращивать маис, ананас, маниоку и другие плоды и злаки, каких не знали раньше.

ДОМ НАКАЗАНИЙ ДЛЯ ЖЕНЩИН

Сказывают, что на реке Уанауа жили в давние времена девушки, хранившие символы и талисманы Журупари, злого духа племени тупи. И вот как-то раз одна из этих девушек убежала из деревни, чтобы найти себе мужа.

Когда стемнело, она оказалась в лесу и устроилась на ночлег прямо под открытым небом. А проснувшись на рассвете, расплакалась от страха. Но вдруг послышались мужские голоса.

Один говорил:

— Жениться я не собираюсь, ну разве что встречу красавицу.

Тут-то мужчины и повстречали сбежавшую из деревни девушку, и тот, кто говорил про женитьбу, нашел, что она хороша собой. Надо сказать, и он ей пришелся по душе.

Молодой охотник спросил:

— Хочешь стать моей женой?

Девушка ответила:

— Да, хочу.

И он увел ее с собой.

А был он из племени, происходившего от птиц жакамин.

Старики справили брачный обряд, а потом молодые пошли искупаться в ручье. На берегу его росла трава жакамин и они натерлись ею перед тем, как окунуться в воду.

И тут же превратились в птиц.

Через некоторое время самка-жакамин почувствовала, что в ней зародились яйца, живот ее рос и рос и наконец стал таким большим, что она уже не могла ходить.

— Сдается мне, что не яйца я вынашиваю,—подумала самка,—верно, это ребенок.

Прошло несколько месяцев, и родила она двух детей: мальчика и девочку.

Они быстро росли.

Сильный и ловкий мальчик любил охотиться с луком и стрелами, поэтому мать предупредила его однажды:

— Сынок, никогда не убивай птицу жакамин.

Шло время, а мать еще ни разу не видела своих детей, когда они спали. Но вот как-то ночью она решилась пойти взглянуть на них и была страшно испугана, потому что увидела у девочки семь звезд на лбу, а голову мальчика как бы обвивала целая змея из звезд.

Отец тоже пришел посмотреть на детей и тоже испугался:

— Сам я птица, почему же у меня человеческие дети?

Он отправился к колдунам-паже и спросил их:

— Как могло случиться, что сам я птица, а дети мои — люди?

И колдуны ответили ему:

— Не сомневайся, это твои дети. Когда ты лежал со своей женой, она смотрела на небо, поэтому на их телах и запечатлелись звезды.

Пока отец беседовал с ведунами, мать пошла погулять. А сын схватил лук и стрелы и отправился на охоту.

Бродя по лесу, он увидел птиц жакамин и перестрелял их всех. Потом охотник вернулся домой.

Когда же пришла мать, он ей сразу сказал:

— Мама, я убил всех жакамин! Хочешь посмотреть?

Они пошли туда, где охотился мальчик, и мать увидела, что он убил отца и всех ведунов. Она запричитала:

— Сынок, ты убил отца и ведунов. Кто теперь нам поможет? Как мы жить-то будем?!

Но мальчик возразил:

— Не печалься, мама, я добуду все, что нам потребуется.

После этого мать с детьми решили идти на землю своих предков. По дороге мать сказала мальчику:

— Сын мой, что я скажу моему племени? Когда я уходила оттуда, я была девушкой, а сейчас возвращаюсь с детьми;

ваш дед прикажет запереть меня в доме для наказаний, чтоб мне никогда больше не видеть мужчины.

— Успокойся, мать. Я покончу с такими обычаями.

И они отправились дальше. Когда же они пришли в деревню, где жило родное племя матери, мальчик схватил огромный камень, швырнул его в дом для наказаний и тот развалился, а все женщины, которые были там заперты, разбежались. Камень был так тяжел, что весь ушел в землю и увлек за собой развалины дома. Увидев это, дед испугался мальчика. И все люди той земли стали бояться его.

И тогда дед сказал:

— Я всегда вас уважал, но сделайте так, чтобы все было как раньше, восстановите то, что разрушено.

Мальчик ответил своему деду-вождю:

— Я тоже хотел бы, чтобы все было на своем месте.

Он поднял камень и положил его туда, где он лежал раньше. С тех пор они хорошо зажили вместе со своими сородичами.

Но через некоторое время дочь той женщины заболела, потому что у нее все еще не было мужа.

Тогда ее брат сказал матери:

— Разрешите мне полечить сестру. Я один могу вылечить ее, потому что только я знаю, где искать лекарство от ее болезни.

Мать согласилась, и юноша увел сестру на небо, ведь он вовсе не хотел, чтобы она выздоровела. Это ее видим мы теперь на небе и называем созвездием Семи звезд (Плеяды).

Через некоторое время мать, видя, что дети долго не возвращаются, отправилась на поиски. Когда она проходила мимо ручья, ее проглотила огромная змея. Вернувшись домой, сын не нашел матери и в свою очередь отправился искать ее. Везде, где он проходил, оставались после него его дети. Наконец он нашел свою мать и тоже взял ее на небо.

Она стала созвездием, которое мы называем Пинон, или Большая Змея.

И все это случилось во времена наших предков.

ОРИОН,
ИЛИ ТРИ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Сказывают, что в давние времена жили три брата, двое холостых, а третий — женатый. Холостые жили отдельно от женатого. Один из них был уродлив, а другой хорош собой, и вот он-то, красивый, почему-то решил, что брат из зависти наводит на него порчу, и замыслил убить его.

Однажды красавец как следует заточил свое копьё и предложил брату:

— Пойдем, братец, наберем шафранных плодов урукум, чтобы разрисовать тело.

— Пойдем, — согласился тот.

И они отправились в заросли урукум; пришли они, а красивый брат и говорит:

— Заберись-ка, братец, наверх и набери побольше плодов.

Уродливый брат взобрался повыше и уселся на толстую ветку, чтобы набрать плодов вдоволь. И вот тут-то красивый брат, который стоял внизу, бросил копьё и заколол его. Урод сразу же умер и упал на землю. А красавец отрезал ему ноги и, бросив труп, убрался восвояси.

Некоторое время спустя золовка решила навестить братьев мужа. Пришла она к ним и тут же начала расспрашивать:

— Как вы поживаете?

— Да как всегда, хорошо!

— Ну а брат как?

— Тоже хорошо. Прогуляться вышел.

— Что ж, ну и ладно.

Чуть позже золовка решила пройтись по лесу и, обходя заросли, наткнулась на тело своего шурина с отрезанными ногами. Она все поняла и побежала рассказать мужу о случившемся. Вскоре после нее пришел к телу брата и красавец-убийца, он сказал:

— Кому нужны отрезанные ноги? Никому. Разве только рыбам на корм.

Так приговаривая, схватил он отрубленные ноги брата и бросил их в реку. Они сразу же превратились в рыбок суруби. Тело убитого брата осталось на земле, но душа его поднялась в небо. И превратилась там в звезды. Звезда посередине — туловище, а две по бокам — отрубленные ноги. Так родилось созвездие Эпепим — Орион. Брат-убийца превратился в звезду Кайюанон (Венеру), а женатый брат, отомстивший ему за убийство брата, стал звездой Итенья (Сириус). Убийца теперь навсегда обречен смотреть на своих братьев — на того, которого убил, и на того, который ему отомстил.

ПЛЕЯДЫ

Сказывают, у одного женатого человека было семь сыновей. Целыми днями плакали они и просили поесть:

— Отец, я есть хочу! Мам, я есть хочу!

На что отец отвечал:

— Ах, дети мои! Всю-то жизнь я работаю, чтобы кормить вас, а вам все мало! Вечно вы голодны!

Но дети так плакали, что однажды мать не выдержала и зло сказала:

— Да вы просто обжоры!

— Мам, разве ты не дашь нам поесть? — спросил один из сыновей.

В сердцах схватила мать кусок вяленого мяса тапира и швырнула его детям:

— Вот вам, ешьте!

— Мама, но ведь нам этого мало! — закричали дети. Тогда старший брат взял мясо и оделил им младших.

— Хоть вы поешьте немного, братики. На всех ведь все равно не хватит.

Мальши поели.

А когда от мяса ничего не осталось, старший брат сказал:

— Вот что, братья, давайте-ка улетим на небо и станем звездами!

Все семеро взялись за руки и принялись петь и танцевать. Так, танцуя, все выше и выше поднимались они в небо.

Выбежала из дома мать, увидела, что дети ее поднимаются в воздух, и расплакалась:

— Сынки! Куда же вы? Смотрите, сколько еды я вам наготовила!

— Не нужно, мама! Нам больше уже ничего не нужно! Мы улетаем на небо, а там встретим нашего дядю и тоже станем звездами.

Напевая, танцуя, кружась в воздухе, как птицы, поднимались они все выше и выше, пока не оказались на небе.

ПЕРВАЯ СМЕРТЬ АРИ

Однажды индейцы отправились на рыбную ловлю. Поймав много рыбы, они разожгли костер и зарыли ее в горячую золу под тлеющими угольями, чтобы изжарить. А пока еда готовилась, решили пойти еще порыбачить на ближней речке.

В это самое время Мери-Солнце и его младший брат Ари-Месяц подкрались к огню, помочились на него, пока их никто не видел, и убежали. Огонь, конечно, погас, и только жаба, которая в те времена была как человек, видела, что наделали Мери и Ари, приблизилась она к костру и тут заметила один еще тлеющий уголек. Схватила его и спрятала во рту.

Когда же индейцы вернулись и увидели, что костер погас, они страшно рассердились:

— Кто-то погасил наш огонь! Давайте найдем негодяя и убьем его!

И принялись повсюду искать виновного; они расспрашивали всех, кто им встречался:

— Это ты погасил наш костер? Ты сделал эту гнусность?

И все звери отвечали:

— Нет, не я! Нет, не я!

Наконец повстречалась им жаба, они и ее спросили:

— Это ты погасила наш костер? Иди-ка сюда, сейчас мы с тобой разделаемся!

Тут жаба ответила:

— Нет, это не я, не убивайте меня, а лучше поставьте ногу мне на затылок и слегка нажмите.

Один из индейцев сделал как она велела, и жаба отпрыгнула уголек, который был спрятан у нее во рту. Увидев это, индейцы закричали:

— Теперь ясно, что именно ты погасила огонь! Убьем ее!

Но жаба тут же возразила:

— Нет, я не гасила ваш огонь. Это сделали Мери и его брат Ари. А я все видела, нашла один еще тлеющий уголек и сохранила его, чтобы отдать вам, когда вернетесь.

Тогда индейцы сказали:

— Ну, раз ты сохранила для нас огонь, мы не станем убивать тебя.

Жабу они отпустили, но с Мери и Ари, которые потушили костер, решили расправиться. И вот что они сделали.

Собрали индейцы всех зверей и птиц: большого эму, страуса, куропатку и других, кто быстро бегают, связали в пучок перья или шерсть на их головах и в каждый положили уголек. После этого индейцы погнали животных туда, где прятались братья Мери и Ари, чтобы окружить их и сжечь заживо. Птицы бежали по сухому лесу и поджигали его. А Мери и Ари, не зная, где найти спасение, — повсюду их окружал огонь — взобрались на деревья. Мери — на высокое крепкое дерево, а Ари — на низкое и трухлявое. Пламя приближалось, вот оно достигло дерева Ари и сожгло его дотла. Ари-Месяц упал в огонь и сгорел, только обугленные кости от него и остались.

Подкралось пламя и к дереву, на котором сидел Мери. Но оно было крепкое, и огню не удалось с ним справиться, пламя опало, огонь еще в лесу вспыхивал, но недолго. А когда он совсем погас, Мери-Солнце спустился на землю. Ему так хотелось видеть брата Месяца, что он отправился искать его, хотя и знал, что Ари умер. Но там, где стояло дерево, на которое

залез Ари, его брат нашел только обуглившиеся кости. Молча смотрел на них Мери, потом сложил горкой на теплой золе и ушел. Когда же спустя некоторое время Мери вернулся, то не нашел костей и громко спросил:

— И кому понадобились кости моего брата?

Посмотрел еще раз на пепел и пошел прочь. Но тут вдруг услышал Мери песню:

— Ау, ау, ире ике ари кори ко; ире ике ари кори ко! (Ой! Ой! Я пообедал печеной луной! Я пообедал печеной луной!)

Брат Солнце осветил певца, чтобы рассмотреть получше: он оказался волчонок. Мери подошел к нему и спросил:

— Что это ты поешь, внучек?

А волчонок быстро так ему отвечает:

— Ничего такого я не пою. Просто я съел печеного краба. Только и всего.

Мери его не расспрашивал больше, он понял, о чем пел волчонок, не помогло тому вранье, и вот предложил Мери волчонку бежать наперегонки, сказав при этом:

— Волчонок, тебе бы подпоясаться, чтоб ловчее бежать было. Хочешь, возьми вот веревку и подвяжись ею.

Волчонок согласился:

— Да, веревка сгодится.

Мери дал ему веревку и посоветовал покрепче завязать ее на животе. Волчонок повязался, но свободно. Тогда Мери сказал:

— Да покрепче завяжи, а то, не ровен час, потеряешь.

Волчонок послушался, и, как только затянулся потуже, пузо-то у него из-под веревки и выперло. Мери сказал:

— Вот теперь ты от меня не уйдешь. Беги, а я за тобой.

Волчонок бросился бежать, но скоро устал, и Мери стал догонять его. Вдруг волчонок споткнулся и упал. Он так сильно ударился, что его набитый живот лопнул и он тут же умер. Посмотрев на вывалившиеся внутренности волчонка, Мери обнаружил среди них косточки Ари. Мери так хотелось оживить брата, что он аккуратно собрал их, потом взял толстую палку — как бы туловище Ари, две потоньше и две

совсем тонкие — его ноги и руки. Вместо головы положил маленькое и черное гнездо термитов, а на толстое бревно высыпал те косточки, которые извлек из внутренностей волчонка. Затем Мери собрал целебные травы и приготовил из них настой, которым и побрызгал сделанное им подобие чело-века. Накрыв куклу листьями и ушел.

На следующий день, когда он вернулся и снял листья, то увидел, что гнездо превратилось в настоящую голову, а палки — в руки, ноги, туловище. Перед Мери был его брат, только мертвый, он не дышал. Тогда Мери-Солнце произнес:

— Боп кодду акаи; адуго, аипобиреу, айго, аваго, эво... Кайамодог: а рего! (Духи вышли на охоту; леопард, пятни-стый ягуар, кобра и гремучая змея — все-все враги Кайамо-догов гонятся за тобой! Бежим скорее!)

И младший брат — Месяц — ответил ему:

— У, и нуду нуре. (Да, да, я, кажется, долго спал.)

Он приподнялся и встал.

Мери сказал ему:

— Ну, раз ты жив, пойдём на охоту.

ТРЕТЬЯ СМЕРТЬ АРИ И ЕГО ВОЗРОЖДЕНИЕ

Однажды Мери и его брат Ари играли, пуская тупые стре-лы, и несколько раз ранили друг друга.

И вдруг стрела Мери ненароком попала его брату в лицо. Ари сразу же лишился чувств и умер. Мери, которому даже в голову не приходило, что тупая стрела может убить брата, оставил того лежать на земле, а сам пошел в лес охо-титься. Он полагал, что Ари просто притворяется, а когда увидит, что брат уходит, вскочит и побежит за ним. Но нет. Пройдя немного и не видя Ари, Мери вернулся туда, где они вместе играли. Возвратился и увидел, что брат лежит на зем-ле бездыханный. Не мешкая отправился Мери на поиски це-лебных трав, сделал из них настой и обрызгал им тело брата.

Это он проделал несколько раз, потом ушел, прикрыв тело Ари ветками. Некоторое время спустя он вернулся, но, раскидав ветки, понял, что брат еще не подает признаков жизни, и, снова прикрыв тело ветками, ушел.

Несколько дней спустя Мери снова снял ветки и увидел, что брат его дышит. Тогда-то, чтобы напугать его и заставить вскочить на ноги, Мери закричал:

— Ари, сюда идут леопарды, и пума, и пятнистый ягуар, ядовитые кобры и души другого мира! Они хотят напасть на тебя! Вставай!

Ари ответил:

— Да, я сейчас; что-то я заспался...

Заигравшее Солнце помогло брату Месяцу подняться и они — Мери и Ари, — как ни в чем не бывало, отправились на охоту.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РЕКИ СОЛИМОЭНС

(Так называется Амазонка в среднем течении до ее слияния с Рио-Негро)

Сказывают, что в стародавние времена Луна была невестой Солнца. Они мечтали пожениться. Но это было невозможно, ведь тогда мир мог бы погибнуть. Пылкая любовь Солнца выжгла бы Землю, а Луна утопила бы ее в своих слезах. Конечно, Луна могла бы потушить огонь, но тогда он испарил бы воду на Земле.

Влюбленные вынуждены были расстаться. Разошлись они в разные стороны. И теперь, когда на небе появляется Луна, Солнце скрывается, так что больше им никогда не свидеться.

Но эти двое сильно любили друг друга и долго оплакивали горечь разлуки. Луна рыдала дни и ночи напролет, ее слезы потоком побежали по Земле к морю. Море заволновалось и не приняло их в свое лоно, так слезы Луны и не смешались с соленой водой океана, которая то наступает, затопляя берега, то отступает.

Из слез Луны и родилась река Амазонка.

НАЧАЛО МИРА

Сказывают, что в начале мира была только тьма.

Из тьмы вышли два человека: одного звали Карусакайби, другой был его сыном и звался Райру.

И вот когда они шли, Райру споткнулся о камень, выдолбленный, как горшок, и стал бранить его. Кару, отец его, велел Райру взять этот камень с собой.

Райру послушал отца, взвалил камень себе на голову и понес. Шли они, шли, а камень расти стал. Когда же он сделался очень большим, юноша пожаловался:

— Очень уж тяжел камень, отец.

Кару ничего не ответил. Пошли они дальше. Вскоре камень так вырос, что Райру, сгибаясь под его тяжестью, не мог больше идти.

А камень, похожий на огромный горшок, все рос и рос и наконец превратился в небо.

Потом на небе появилось солнце.

Тут Райру преклонил колена перед отцом, который сотворил небо.

А Кару недолюбливал сына за то, что тот знал больше, чем отец.

И вот однажды выстрелил Кару из лука, сбил лист с пальмы тукуман и послал Райру за стрелой. Ему хотелось посмотреть, останется в живых Райру или нет.

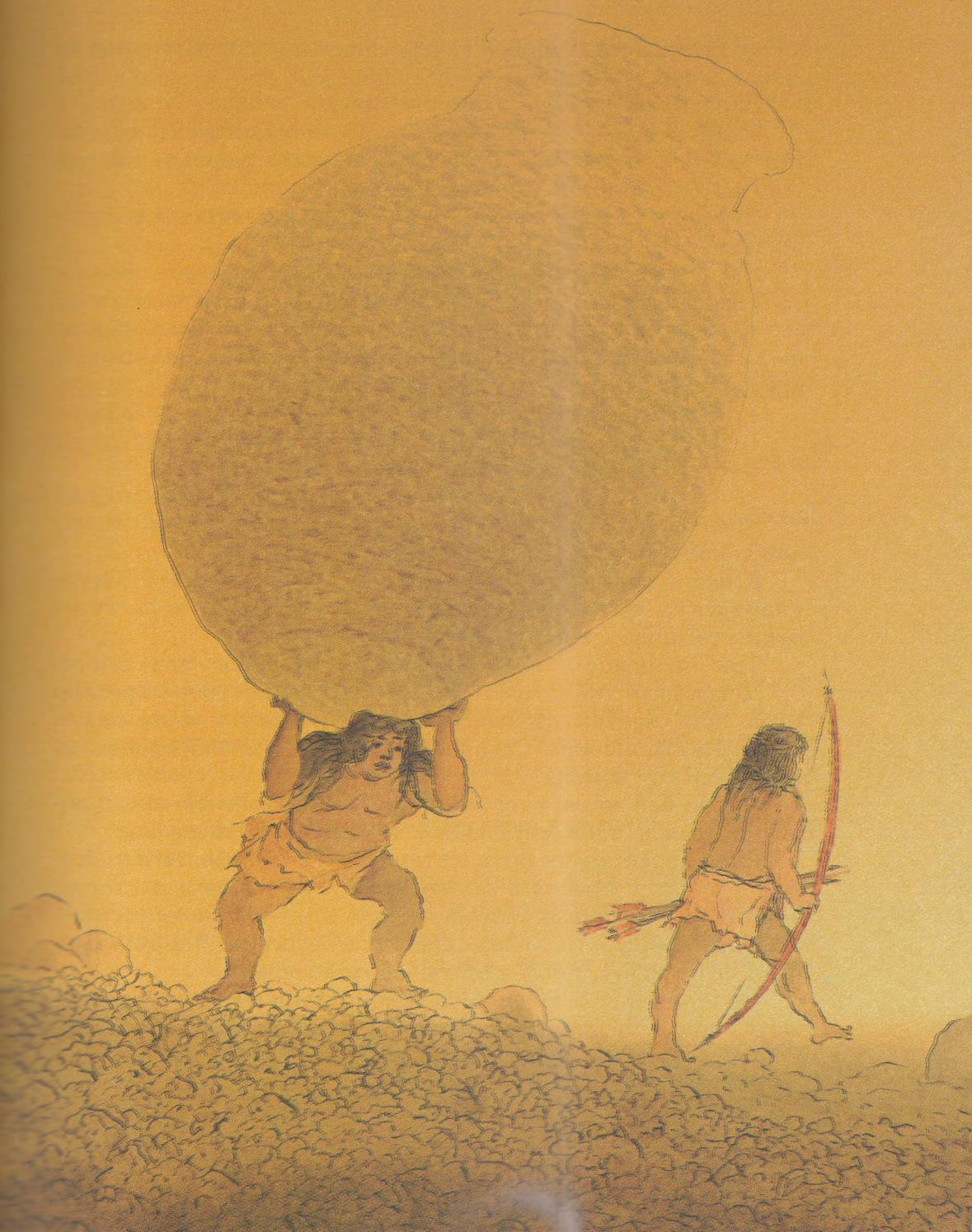
Начал Райру взбираться на пальму, но ее колючки повернулись так, чтобы не ранить его. Юноша благополучно спустился на землю и отдал отцу стрелу.

В другой раз Кару послал сына впереди себя, когда вознамерился делать просеку, он принялся рубить деревья и старался сделать так, чтобы, падая, они убили Райру.

Так Кару вырубил вокруг сына все деревья, но ни одно из них не придавило юношу, он остался цел и невредим.

Однако Кару все же решил, что сын умер. Но, вернувшись на вырубку на следующий день, встретил живого Райру. Тогда Кару сказал сыну, что хочет огнем расчистить участок,

а ему велит встать прямо посередине вырубки. Кару решил сжечь юношу живьем.

И подпалил землю со всех сторон.

Райру, увидев, что он окружен огнем, ушел в землю, а когда пламя стихло, снова появился на поверхности, так что жар не причинил ему никакого вреда.

Страшно рассердился Кару, обнаружив, что сын все еще живехонек.

На другой день Кару отправился в лес.

Там он сделал из сухих листьев броненосца и закопал его в землю, оставив торчать только хвост, который обильно смазал клейкой древесной смолой. Потом позвал сына и предложил:

— Охотиться пойдем?

— Пойдем,— согласился Райру.

Они шли долго, когда вдруг Кару сказал:

— Смотри, Райру, броненосец! Вытащи-ка его из норы!

Броненосец из листьев был прямо как настоящий, только наполовину зарывшийся в землю.

Юноша схватился за хвост и принялся тащить. Зверь упирался, а когда Райру решил отпустить его, то не смог: руки его приклеились к смоле.

Так броненосец и увлек юношу за собой под землю.

Довольный отец ушел. Но на следующий день, проходя мимо того места, где был броненосец, Кару увидел своего сына. Разозлившись, схватил он дубинку и набросился на Райру. А тот взмолился:

— Не бей меня, отец! Я встретил под землей много хороших людей! Они идут сюда, чтобы работать на нас.

Отец перестал его бить и отпустил. Потом взял что-то, помял в руках и бросил в землю. Из земли выросло растение, а когда оно расцвело, оказалось, что это — хлопок...

Кару собрал его, сплел веревку, обвязал ею Райру и спустил его в дыру, проделанную броненосцем.

По этой веревке поднялась тьма-тьмущая всякого уродливого народа, потом стали вылезать красивые люди, но не

успели они все вылезти, как веревка оборвалась и те, кто еще цеплялись за нее, попадали обратно в дыру.

Райру удалось подняться наверх вместе с красивыми людьми. Увидав такое множество людей, Кару приказал сделать цветной краски — зеленой, черной, красной, желтой, — он хотел пометить ею мужчин и женщин, чтобы, когда люди расплодятся, они составили разные племена: мундуруки, муры, арары, паманы, уйнамари, манатери и прочие всякие. Кару понадобилось много времени, чтобы всех раскрасить, и вот одни люди стали дремать, а другие и вовсе уснули.

Ленивым Кару сказал:

— Вы лентяи, и поэтому быть вам птицами, летучими мышами, свиньями, мухами.

А другим, не ленивым и красивым, он сказал:

— А вы положите начало человеческому роду на земле. И дети ваши будут могущественны!

Потом Кару спустился под землю через нору броненосца.

С тех пор эту дыру в земле называют его именем Карукуши.

ЛЕГЕНДА О СВЕТЕ

Рассказывают, что однажды Канан-Сиуе лежал в гамаке, отдыхая от дневных трудов. Боги ведь тоже устают. А он, создавший жизнь, каждый день что-нибудь улучшал и совершенствовал: то выравнивал берега рек, то подрезал листья у деревьев. И он устал.

И вот теперь, утомленный, он спал в темноте, потому что тогда еще не было света.

Тут пришла его навестить теща. Она споткнулась о панцирь черепахи Отони, упала и сильно ушиблась. И тогда она принялась бранить Канан-Сиуе:

— Ты, Канан-Сиуе, создал все, создал реки, долины, берега Бее Рокан, алые крылья араре, деревья, рыб и зверей... И ты, который создал все это, забыл создать свет? Я уже ста-

ра и нетвердо хожу. Я падаю и ушибаюсь. Канан-Сиуе, ты должен сделать свет...

Чтобы избежать новых ссор и упреков, Канан-Сиуе на следующий день поднялся очень рано и отправился искать свет. Он долго шел и пришел в долину, где все звери питались и пили речную воду. Канан-Сиуе превратился в тапира, вставил себе в рот трубочку из дерева эмбауба, чтобы дышать неслышно, лег и притворился мертвым.

Прилетели москиты и спросили:

— Тапир, ты умер?

И так как тапир ничего не ответил, они решили:

— Съедем его, а?

— Нет,— сказал вождь москитов,— подождем, пока прилетят мухи.

Прилетели мухи... Одна из них спросила:

— Тапир, ты умер?

А другие решили:

— Съедем его, а?

— Нет, подождем урубубу.

Прилетели урубубу.

— Тапир, ты умер?

— Съедем его, а?

— Нет,— сказал один из них,— подождем, пока прилетит урубубу-король.

Прилетел урубубу-король. Он опустился на землю, посмотрел на Канан-Сиуе, превратившегося в тапира, и сказал:

— Да, он умер, давайте съедем его.

Урубубу-король приблизился и уселся на живот Канан-Сиуе. А тот только этого и ждал. Он схватил урубубу-короля, тело которого было покрыто не перьями, как у других птиц, а черными волосами, как у людей из племени каража, и принялся душить его.

— Я тебя убью, если ты сейчас же не отдашь мне свет,— сказал Канан-Сиуе.

— У меня нет света, Канан-Сиуе. Нет! Не убивай меня! — взмолился урубубу-король.

— Отдай мне свет, или я убью тебя!

Уруб-король почувствовал, что умирает. Тогда он раздвинул волосы на груди и выпустил утреннюю звезду Таина-Кан. Утренняя звезда полетела быстро-быстро, ища небо.

Канан-Сиуе натянул свой лук. Зазвенела стрела и пронзила ногу Таина-Кан, пригвоздив утреннюю звезду к ночному своду. Но Канан-Сиуе не был удовлетворен.

— Это не тот свет, что мне нужен. Он слишком мал.

— У меня нет другого,— простонал уруб-король.

— Есть, есть. Или ты отдашь мне его, или я еще сильнее сдавлю тебе шею.

Уруб-король вздохнул в отчаянии и, раздвинув блестящие волосы на груди, выпустил луну Рендо, которая помчалась искать небосвод.

Канан-Сиуе нацелил свой лук, и стрела полетела. И луна была пригвождена к небу, как раньше звезда. Но и тут Канан-Сиуе не был удовлетворен.

— Я хочу другой свет. Самый большой. Эти два света останутся для ночи. А мне нужен свет для дня...

И он снова сжал шею уруб-короля. Тот снова застонал:

— У меня нет его, Канан-Сиуе...

Но, говоря это, он уже открыл грудь...

И тогда солнце Тшу, ослепительное и прекрасное, выскочило из волос на его груди и стало подниматься в бездонную высоту.

Канан-Сиуе натянул свой лук, и стрела пригвоздила солнце к стенам дня.

И до сих пор оно там. С того времени жизнь полна света.

Тела индейцев стали бронзовыми. Созревшие фрукты налились золотом, а цветы заиграли яркими красками. Вода в реках засверкала под лучами солнца. Теща Канан-Сиуе никогда больше не жаловалась. Никогда.

Вот так появился в мире свет...

Мифы
и легенды
о происхождении
людей

В СТАРОДАВНИЕ ВРЕМЕНА

В давным-давно минувшие времена была одна такая долгая ночь, что людям казалось, будто они уже никогда не увидят дневного света.

Ночь была черной как смоль, не было ни звездочки в небе, ни ветерка, ни дождичка, ни единого звука на земле, не благоухали луга и лесные цветы.

Люди пришли в глубокое уныние и пали духом; они не могли приготовить себе шурраско: ¹ ведь в их очагах не плясали языки пламени, и люди довольствовались безвкусной кашей из кукурузной муки; красные угольки, тлеющие в очагах, потухали, и приходилось беречь головешки...

Глазам так опротивела тьма, что они часами смотрели на красные головешки, от которых не сыпались радующие взор искры: человеческие уста не могли раздуть огня.

В такой кромешной тьме ни один смельчак не отважился бы пуститься в путь по полям, ни один красавец конь не пришел бы на родное пастбище — ему не сослужили бы службу ни слух, ни нюх, ни зрение; даже лиса сбилась бы со своего собственного следа.

А древняя ночь все не уходила... все не уходила...

Но во тьме и мертвой тишине время от времени раздавал-

¹ Шурраско — поджаренное на углях мясо.

ся чей-то резкий, пронзительный голос: то была неугомонная птица теу-теу, которая не спала с тех пор, как в последний раз взошло солнце, и которая все время поджидала его возвращения: солнце не могло не вернуться, но оно так сильно запаздывало!..

Да, только теу-теу пела время от времени; ее керо-коро, такое чистое, доносившееся из самой черной черноты, поддерживало надежду в людях, собравшихся около все еще красневших головешек.

Но, кроме этой песни, ничто не нарушало тишины; все замерло и притаилось.

И в последний солнечный день, когда солнце уже садилось там, где жило индейское племя минуанов и где восходит звезда зари, хлынул страшный ливень: это был водяной смерч, потоп, который продолжался бесконечно, он все лил... все лил...

Поля были затоплены, озера вышли из берегов, разлились, и ручьи змеями заскользили по земле, покрытой муравейниками, по болотам, сливаясь в один поток; русла ширились, и вся эта масса воды потекла к речкам, от речек к плещущим ручьям по полям; она затопляла равнины и доходила до вершин холмов. Там было убежище для всякого зверья; от страха все звери смешались: телята и пумы, стада быков и жеребят, куропатки и красные волки; страх заставил их стать друзьями. Не то было прежде!..

На верхушках пальм нашли себе пристанище скопища муравьев; змеи обвивали ветви деревьев, а в гати из ветвей кустарника поселились крысы и прочая мелкота.

Вода, затопившая все норы, не пощадила и нору огромной змеи мбойгуасу, которая спокойно спала, свернувшись в клубок. Тут она проснулась и, извиваясь, выползла из норы.

Потом начался падеж животных, и мбойгуасу приохотилась к падали. Но она пожирала только глаза и ничего, ничего другого не желала.

А вода убывала, падали становилось все больше и больше, и огромная змея наедалась глазами до отвала.

АРЕ И ПТИЧКА САРАКУРА

В стародавние времена землю залил потоп. Спасся от него только один человек по имени Аре. А спасся он так: когда все уже было затоплено и над водой виднелись только верхушки высоких пальм, Аре подплыл к одной из таких верхушек и уцепился за ветку, но ветка была сухая и обломилась; тогда Аре поплыл дальше, держась за ветку, которая служила ему чем-то вроде лодки или челнока, подплыл к верхушке другой пальмы, ухватился за зеленую ветвь, поднялся по ней и расположился на ветвях. Там он провел много дней, питаясь плодами пальмы. Однажды на ветку пальмы села птичка саракура и сказала Аре:

— Земля близко; почему бы тебе не спуститься на землю?

— Не могу: я слишком слаб; если я слезу с пальмы, я погибну.

Тогда саракура сказала:

— Я буду искать землю.

Саракуры принялись летать, держа в клювах корзинки с землей, и разбрасывать землю по воде; земля падала в воду, и вода убывала. Так вода высохла, и Аре спустился с пальмы. Но жил он один-одинешенек среди животных и питался лишь плодами и кореньями.

Однажды саракура сказала ему:

— Почему ты не найдешь себе подругу? На озерном заливе есть мостки; сделай себе плот, а я прикажу уткам отвезти тебя туда, где живут другие люди.

На другой день спозаранку утки взяли плот Аре на буксир и повезли его туда, где жили люди.

У берега озера купалось много девушек; девушки увидели плот и в испуге бросились на берег. Но одна из них бросилась в воду и поплыла к плоту; Аре схватил ее на руки, а утки отвезли плот к его жилью. Другие девушки рассказали людям о том, что произошло, и те пустились в погоню за беглецами, но догнать их не смогли. Аре женился на этой девушке, и у них родилось много детей.

НОЙ МАЖОНГОНГОВ

Сказывают, что однажды Нуа начал мастерить огромную лодку. Он предупредил животных: ягуара, оленя, тапира, капивара-грызуна и всех-всех прочих, как и людей тоже:

— Скоро будет столько воды, что все мы утонем!

— Да не может быть такого! — говорили люди.

Тем временем Нуа продолжал делать свою лодку; а когда она была готова, велел животным войти в нее. Туда же он собрал множество плодовых деревьев: бананы, кашу и другие. Даже сегодня можно увидеть ту лодку. Она превратилась в огромную скалу, что стоит около Рораймы, а рядом с ней растет старый банан.

Когда все было готово, Нуа сказал людям:

— Вы, конечно, можете остаться, но тогда вы все превратитесь в дельфинов, рыб, морских черепах.

Поверили Нуа народы мажонгонгов, макуши, таулипанге, вапишана, сапара, уайумара, маку и некоторые другие, поверили, спрятались в безопасное место и остались людьми. Но все остальные превратились в речных и морских животных, ведь вода в Рорайме стала пребывать и вскоре затопила всю землю. Некоторые из тех, кого предупредил Нуа, сказали:

— Не будем мы возиться и делать лодку, а взберемся-ка лучше на деревья и, сколько бы воды ни прибыло, спасемся.

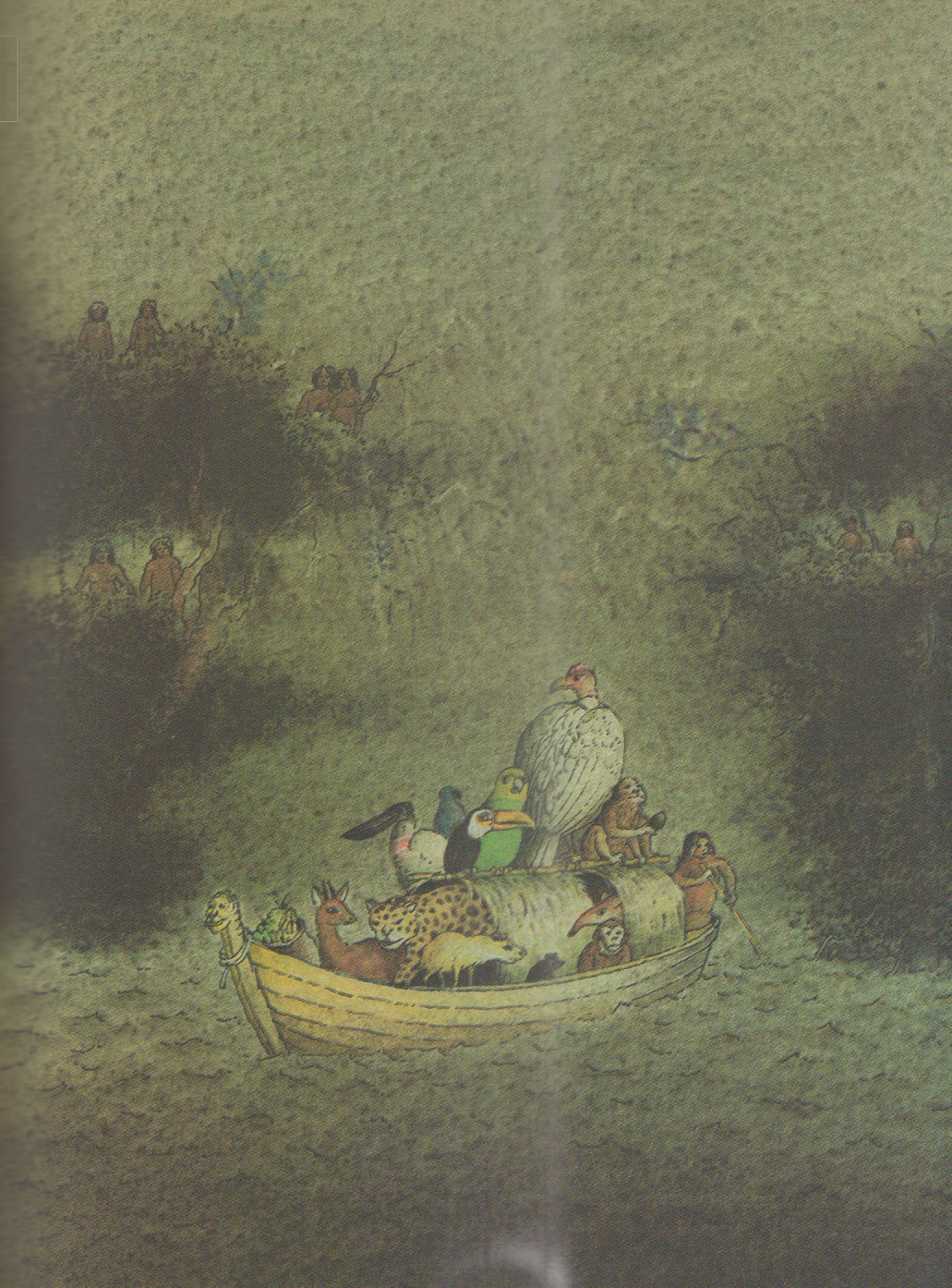
Они стали муравьями и даже бабочками. Люди акутипур забрались на пальму инажа, поэтому до сих пор обезьяны, в которых они превратились, предпочитают плоды именно этой пальмы. И другие люди, взобравшиеся на деревья, сделались разными обезьянами: макаками, уакари, коатами, мирити. Вот почему эти животные так похожи на людей.

Были и такие, что обернулись птицами. Муравьед, а он тогда был человеком, сказал:

— Интересно, в кого превращусь я? Грызун агути, свинка пака, тапир — всех их едят. А я не хочу, чтоб меня ели.

Так он и стал муравьедом — люди ведь не едят мясо этих животных. Другие превратились в ягуара, лисицу и прочих

животных, мясо которых тоже не пригодно для еды. Вот хитрецы! А как же глупы оказались те, что превратились в оленей, пака, агути, тапира! Ставшие птицами улетели на небо: птица мутум, гриф уруббу, цапля и другие. Сказывают, что в небе тогда была дыра — вход для птиц.

И вот вся земля скрылась под водой и наступила ночь. Солнце не показывалось на небе очень долго.

Прошло много времени, и Нуа сказал попугаям ара, агути, оленям, обезьянам — всем животным:

— Когда начнет светать, вы должны запеть!

Акутипуру схватила орех и бросила его вниз. Послышался всплеск: вода стояла еще высоко. Много-много дней подряд бросала обезьяна орех.

Наконец однажды он упал в воду с глухим стуком, и акутипуру поняла, что вода убывает, но продолжала бросать орех до тех пор, пока однажды он не ударился о землю. Пришел конец потопа.

И тут все животные запели. Сначала макака-ревун, потом подхватили петухи и те птицы, что обычно поют на рассвете. И занялся день. Взошло солнце. Нуа позвал уруббу (он тогда был белым голубем) и велел ему проверить, высохла ли земля. Поднялся уруббу в воздух, но тут увидел множество мертвых животных и рыб. Набросилась прожорливая птица на падаль, и стало от нее дурно пахнуть, а выпачкавшись в болотной грязи, она почернела. Так вот голубь превратился в уруббу.

Видя, что посланец долго не возвращается, Нуа отправил за ним маленького голубка. Полетел голубок, но плохому примеру не последовал, а вернулся и рассказал Нуа, что произошло. Тогда Нуа сказал уруббу:

— Очень ты грязен и дух от тебя тяжелый. Убирайся с глаз моих. Будь теперь тем, кем сам пожелал.

С тех пор появился уруббу. Между тем маленький голубь сказал:

— Земля высохла.

Тогда Нуа послал на землю ястреба, цаплю и тапикуру —

птиц, которые с тех пор живут на болотах и питаются падалью и рыбой. И как улетели они, так и не вернулись в лодку.

Следом за ними послал Нуа оленя и предупредил:

— Будь осторожен: сейчас на земле много муравьев. Подожди, пока они исчезнут.

Но олень ответил:

— Ничего, все хорошо будет.

И отправился. В те времена ноги у оленя были толстые, мясистые до самых копыт. Но муравьи обглодали их, и теперь ноги у оленя тоненькие, совсем без мяса. А еще Нуа наказал ему вернуться как можно скорее. Вот почему олень и поныне бегаёт. Всем же остальным животным Нуа сказал:

— Подождите здесь, пока земля высохнет и скроются муравьи.

Но кое-кто, так же как олень, не захотел ждать, например тапир, и у него теперь тонкие ноги: муравьи их объели.

Потом Нуа обратился к тем животным, на которых сейчас мы охотимся:

— Если встретите людей, не убегайте от них. Остановитесь и поговорите с ними по-хорошему, без опаски.

Но макака заметила:

— Да не верьте вы ему! От человека всегда надо убегать!

Последовали они совету макаки, потому-то и сегодня люди на них охотятся и убивают. А послушайся они Нуа, может, и подружились бы с людьми.

КАК РАССЕЛИЛИСЬ
ИНДЕЙЦЫ КАИНГАНГИ,
КАЙЮРУКРЕ И КАМЕ

До потопа жили-были индейцы кайюрукре, каме, каинганги и курутоны. Курутоны были рабами каингангов.

Когда начался потоп, все они пытались спастись на вершине Горы, но обессилели и утонули. Но курутонам, которые были рабами каингангов, все-таки удалось спастись и найти

пристанище на ветвях деревьев. А кайюрукре и каме утонули, и души их переселились в сердце Горы.

Каинганги же, сидя на верхушках пальм, уже готовились к смерти, но внезапно они услышали пение саракур, которые летели, неся в клювах корзинки с землей; землю они бросали в воду, и вода мало-помалу стала убывать. Каинганги кричали саракурам, чтобы те поторапливались, и саракуры попросили уток помочь им. И таким образом они создали плоскогорье на вершине Горы.

Когда же потоп прекратился, каинганги так и остались на плоскогорье.

Курутонам они приказали найти корзинки и тыквы, которые они оставили внизу еще до наводнения. Курутоны отправились в дорогу. Но они были лентяями и вовсе не желали снова взбираться на Гору; так они там, внизу, и остались и никогда больше не вернулись к каингангам. Вот поэтому мы, индейцы племени каингангов, встречаясь с ними, берем их в плен как бежавших рабов.

Что же касается кайюрукре и каме, чьи души переселились в сердце Горы, то они спустя некоторое время начали прокладывать себе пути, и с огромным трудом им все-таки удалось выйти на две стороны. С той стороны, на которую вышли кайюрукре, земля была ровной, камней на ней не было, и благодаря этому кайюрукре удалось сохранить маленькие ступни. С той же стороны, на которую вышли каме, земля была каменистой, и их разбитые ноги сильно распухли в пути; поэтому ступни у каме большие.

В конце концов все индейские племена встретились на огромной равнине, и дети их стали вступать в браки. Прежде всего сыновья кайюрукре женились на дочерях каме, а сыновья каме на дочерях кайюрукре; но так как мужчин из обоих племен было больше, то они женились и на дочерях каингангов. И таким образом кайюрукре, каинганги и каме породнились и стали друзьями.

Когда же мы встречаемся с другими племенами, те заговаривают с нами ссоры. Вот потому мы и живем в лесу порознь.

КАК ЛЮДИ УКРАЛИ ОГОНЬ

В древние времена племя кабаиб сушило пищу на солнце. Огня не было. И вот вождь племени кабаиб, умный и ловкий Баира, отправился в лес, чтобы совершить «проделку». А «проделкой» назывался у индейцев кабаиб такой хитрый поступок, из которого племя извлекало какой-либо полезный урок и узнавало что-либо новое.

Баира зарылся в муравейник и притворился мертвым. Прилетела мясная муха, увидела мертвое тело и поспешила рассказать о находке черному грифу уруббу. Уруббу был хозяином огня и носил его всегда с собой — прямо под крылом, говорят. Выслушав муху, уруббу спустился на землю вместе со всей семьей: женой и детьми. Уруббу был в те времена не просто хищной птицей — он был совсем как человек. Говорят, у него даже были руки. Слетев на землю, уруббу сделал из жердей решетку для жаренья мяса, положил под нее огонь и велел сыновьям стеречь. Сыновья стали стеречь огонь, но вдруг увидели, что мертвец пошевелился. Сказали уруббу. Однако уруббу решил, что сыновьям показалось, и велел им поскорее зарядить свои детские луки маленькими стрелками и перебить всех мясных мух вокруг мертвого тела. А тем временем огонь под решеткой хорошо разгорелся, и тут Баира разом вскочил, схватил огонь и побежал. Уруббу вместе со всей семьей бросился в погоню за воров. Баира спрятался в дупло дерева. Уруббу вместе со всей семьей влез в дупло следом за Баирой. Баира выскочил с другой стороны и опрومتью побежал сквозь густую бамбуковую рощу.

Уруббу не догнал его. Баира пересек рощу и вышел на берег широкой-широкой реки. Люди племени кабаиб — его племени — ожидали Баиру на другом берегу. Много людей ожидало Баиру, очень много. Баира подумал: как же донести до них огонь, который он украл у черного уруббу?

Он позвал водяную змею, положил огонь ей на спину и послал ее на тот берег, к своим людям. Водяная змея — очень шустрая, и она сразу же помчалась стрелой. Однако на сере-

дине реки она спеклась и умерла. Баира взял камбито, длинную палку с крючковатым концом — такие палки были в большом ходу у его племени, — и подогнал огонь к своему берегу. Потом он посылал на тот берег других змей, но все они, доплыв до середины реки, умирали: ни одна не вынесла жаркого груза огня. И Баира каждый раз ловил огонь своим камбито и подгонял к берегу. Потом он поймал рака и положил огонь ему на спину. Рак доплыл до середины реки, но не выдержал жаркого груза огня и умер печеный, совсем красный. Баира снова подогнал огонь к своему берегу. Потом поймал краба и положил огонь ему на спину. Краб доплыл до середины реки, но спекся и умер, сделавшись таким же красным, как прежде рак. Баира подогнал огонь к своему берегу и положил его на спину водяной курочке. Водяная курочка — очень быстрая, и она скоро доплыла до середины реки, но спеклась и умерла. Тогда Баира поймал большую жабу куруру. Жаба поскакала и — прыг-скок — добралась до другого берега, где ожидало племя кавайб. Но она так устала, что была уж совсем полумертвая, и никак ей было не выскочить на землю. Тогда люди племени кавайб взяли камбито и подогнали жабу к берегу. И сняли огонь у нее со спины и отнесли в свою малоку — большой дом, в котором жило все племя.

А Баира стоял на другом берегу и думал, как ему поскорее переплыть такую широкую реку. Но Баира был пажé — чародей: он велел реке сжаться, сделал большой прыжок, перепрыгнул ее и пошел к своим людям.

Так племя кавайб получило огонь и с этого дня стало жарить рыбу и дичь на решетке.

КАК БАИРА ДОБЫЛ СТРЕЛЫ

У Баиры не было стрел. Для того чтобы их добыть, он снял луб с дерева и сплел из него большую змею. Потом влез в лубяную кожу и поплыл под водой к заводи, над которой

стояла малока другого племени. Женщины, находившиеся на берегу, увидели большую змею, закричали и стали звать мужчин. Мужчины пришли и принесли с собой луки и много стрел. И они забросали большую змею стрелами. Когда вся лубяная кожа была покрыта стрелами, а в руках у мужчин остались только пустые луки, Баира нырнул в глубину и поплыл домой. Выплыв на берег, он вышел из кожи большой змеи, выдернул из нее все стрелы и положил их просушиться на солнце. Его друг увидел стрелы, сушившиеся на солнце, и спросил Баиру, где он их достал.

Баира не хотел рассказывать, как ему удалось добыть стрелы. Друг настаивал. Баира сказал, что это очень опасно. Друг обещал, что никому не расскажет.

Баира сказал ему, что надо сплести из луба большую змею и плыть к заводу, где живет другое племя. Друг так и поступил. Влез в лубяную кожу и пустился вплавь. Женщины, увидев змею, закричали и позвали мужчин. Мужчины прибежали с луками и стрелами. Мужчин было много. Они забросали змею стрелами, сказавши: «Та ушла, но эта не уйдет, нет». Одна из стрел попала в голову другу Баиры и убила его. Тогда лучники вытащили змею на берег, разрезали кожу и увидели друга Баиры. Они разрубили его тело на куски и зажгли огонь под решеткой, чтоб поджарить его мясо.

Баира, видя, что друг не возвращается, отправился по суше к малоке другого племени. Подошел и попросил разрешения приблизиться. Ему разрешили. Баира спросил:

— Что вы жарите?

— Большую змею. Тот раз другая приплывала. Мы стреляли, стреляли, но она ушла. Теперь мы жарим эту.

Баира попросил у них мозг, печень, сердце и несколько косточек от черепа змеи. Они дали. Баира сделал маленькую корзинку, положил в нее все это и пошел домой. Там он дунул на сердце, мозг, печень и косточки от черепа своего друга. И кусочки мяса и косточки принялись стонать: О-о! О-о! О-о! И сразу же стал вырастать друг Баиры: сначала голова, потом плечи — и так до пояса. Но он не говорил и не двигался.

Тогда Баира рассердился и разбросал по лесу косточки и кусочки мяса, которые превратились в птиц — гокко, агами и других, а также в зверей — агути и оленей.

ЛЕГЕНДА О БРАТЬЯХ ИТУБОРЕ
И БАКОРОРО, ЗАВОЕВАВШИХ ЗЕМЛЮ
ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Бывалые люди рассказывают, что когда-то, в стародавние времена, от ягуара родилось двое мальчиков-близнецов: Итуборе и Бакороро. Дело, говорят, было так.

Как-то раз, еще затемно, один индеец пошел искать дерево гамелейра, чтоб добыть белый сок этого дерева и прибавить его к соку плодов уруку, которым индейцы обычно раскрашивают тело. Вдруг на него напал ягуар. Они стали бороться и боролись с самого восхода солнца до тех пор, пока солнце не встало на небе высоко-высоко, пройдя уже добрую половину своего дневного пути.

И тогда индеец, теряя силы и чувствуя, что враг одолевает его, сказал:

— Ягуар, ягуар, отпусти меня, я больше не в силах бороться; отпусти меня на волю.

Ягуар отвечал индейцу:

— Хорошо, я отпущу тебя на волю, но только отдай тогда мне в жены твою дочь.

Индеец обещал, и ягуар сказал ему:

— Пошли твою дочь в лес, и пускай идет все прямо, все прямо, до последней пещеры. По дороге ей сперва попадется логово гирара — у него почти вся шкура черная, только морда бурая, а грудь белая; потом повстречается жилище дикого кота — маракажá, у него черные полосы поперек тела; дальше живет малый волк, у него длинный и тонкий хвост; еще дальше — большой волк, у него черные лапы; потом — оцелот, у него шкура в черных пятнах; потом — кугуар, у него вся шерсть бурая, а там, наконец, будет и мое жилище.

Индеец снова пообещал послать дочь, отдышался немного и побрел назад в свою деревню. Едва придя домой, он сказал: — Ягуар победил меня.

А потом позвал дочь и сказал ей:

— Милая дочка, милая дочка, ягуар победил меня и отпустил на волю. И в уплату за эту милость просил, чтоб я отдал тебя ему в жены. Так что ступай в лес и стань женой ягуара. Идти надо все прямо, все прямо, до последней пещеры. Тебе повстречается гирар, у которого почти вся шкура черная, только морда бурая, а грудь белая, — это не тот, ступай дальше. Потом тебе повстречается дикий кот маракажа, у которого черные полосы поперек тела, — это тоже не тот. Потом — малый волк, у которого длинный и тонкий хвост; это все еще не тот. Потом — большой волк, у которого черные лапы, — и это все не тот. Потом — кугуар, у которого бурая шерсть, — и это не тот, ступай дальше. И наконец, тебе повстречается ягуар, у которого шкура желто-рыжая с черными пятнами. Ступай же и помни о том, что я тебе сказал.

Дочь послушалась и пошла по дороге, какую указал ей отец, и шла целый день не останавливаясь. В сумерки вышел ей навстречу зверь и спросил:

— Куда ты идешь?

— Я ищу ягуара.

— Тогда войди в мое логово, потому что я и есть ягуар; видишь черные пятна на моих лапах и на моей спине?

Было темно, и индианка не могла убедиться, правду ли говорит зверь. Она вошла за ним в его пещеру и провела там ночь. Наутро гирар (ибо это был он) сказал своей гостье:

— Я пойду на охоту, чтобы добыть для тебя пищу, и скоро вернусь. Подожди меня.

Было уже светло, и, когда он выходил из пещеры, индианка хорошо рассмотрела его.

«Ты гирар, — подумала она ему вослед, — потому что у тебя черная почти вся шкура, бурая морда и белая грудь. Я не останусь с тобой. Я уйду».

И она снова пустилась в путь. Когда стемнело, попался ей навстречу дикий кот маракажа и сказал:

— Кого ты ищешь?

— Я ищу ягуара, чтобы стать его женой.

— Прекрасно, тогда войди в мою пещеру: видишь мои клыки и мою пасть? Такие бывают только у ягуара.

Стояла густая тьма, так что индианка не различала ни пасти, ни клыков зверя. И она вошла за ним в его жилище и провела там ночь. Утром дикий кот сказал:

— Не уходи, я пойду на охоту и вернусь.

Индианка посмотрела на него, когда он уходил, и подумала вслед ему: «Ты — маракажа, потому что у тебя полосатая шкура».

И она снова пустилась в путь в поисках ягуара.

Когда настала ночь, повстречался ей малый волк и спросил:

— Куда ты идешь?

— Разыскиваю ягуара.

— Я и есть ягуар: разве не видишь, что я во всем похожу на ягуара?

И она пошла в его логово и провела там ночь. Когда рассвело, малый волк сказал:

— Подожди меня, я добуду пищу и вернусь.

Индианка взглянула на него, когда он выходил, и вслед ему подумала: «Ты — малый волк, потому что у тебя длинный и тонкий хвост, я не останусь у тебя».

И она пошла дальше в поисках ягуара. Она шла целый день, и уже за полночь встретился ей большой волк и спросил:

— Куда ты идешь?

— Ищу ягуара.

— А я и есть ягуар: взгляни на мои когти и на мою шерсть: разве я не такой, как ягуар?

Индианка провела эту ночь в логове большого волка. На рассвете сказал большой волк:

— Останься, я поохочусь и вернусь.

Но она его рассмотрела, когда он выходил, и сразу же по-

думала ему вослед: «Нет, ты — волк, ведь у тебя черные лапы. Поэтому я не останусь с тобой».

И она отправилась в путь, чтоб отыскать ягуара. Весь день она шла, и, когда уже стало темнеть, повстречался ей оцелот и спросил:

— Эй, куда идешь?

— На поиски ягуара.

— Ягуар — это я. Разве не видишь, какие у меня клыки и какая шерсть? Точно как у ягуара.

И молодая женщина осталась на ночь в пещере оцелота. Поутру он сказал ей:

— Останься, я добуду пищу и возвращусь.

Индианка посмотрела на него внимательно, когда он уходил, и сказала себе: «Нет, ты — оцелот, потому что у тебя серая шкура в черных пятнах».

И она сразу же пошла дальше. Вечером, когда совсем стемнело, вышел навстречу ей кугуар и спросил:

— Куда же ты идешь?

— Я иду искать ягуара.

— Я и есть ягуар; посмотри на мои когти, на мою шкуру: они совсем как у ягуара.

И он повел индианку в свое логовище, где она и провела ночь.

Когда рассветало, кугуар сказал:

— Ты не уходи, я пойду добуду пищу и вернусь.

Молодая женщина внимательно посмотрела на него, когда он уходил на охоту, и вослед ему подумала про себя: «Нет, ты — кугуар, у тебя бурая шерсть. Я не останусь с тобой».

И снова она побрела дальше в поисках ягуара. Брела она целый день и уже на закате встретила ягуара, который спросил ее:

— Куда идешь?

— Иду искать ягуара, чтобы стать его женой.

— Это я! Пойдем со мною.

И он увел ее в свою пещеру, где она провела ночь. На рассвете ягуар сказал:

— Не уходи, я иду на охоту, чтобы добыть еду для себя и для тебя. Я скоро возвращусь.

Индианка посмотрела ему вслед, когда он выходил из пещеры, и подумала: «Ты правда ягуар, потому что мой отец сказал мне, что у тебя желтая шкура в черных пятнах. Я останусь с тобой». И она стала женой ягуара. Через некоторое время, когда уже приближался срок родин, ягуар сказал:

— Я ухожу на охоту. Если тебя что-нибудь рассмешит, не смейся, иначе грозит тебе великая опасность.

Молодая жена осталась одна и вскоре услышала какой-то странный голос: гадкий и смешной, такой смешной, что невозможно было не засмеяться. Она долго сдерживалась, но под конец не стерпела и слабо улыбнулась. И сразу же начались у нее дикие боли, и она упала мертвая. Этот голос принадлежал большой гусенице маругоддо, злой ведьме, которая нарочно всех смешила, чтоб погубить.

Когда ягуар вернулся и увидел, что женщина умерла, он разодрал ей живот и вынул двух близнецов, которым дал имя Итуборе и Бокоро и поместил в большую пустую тыкву. Потом плотно заткнул тыкву и ушел.

Через несколько дней он пришел посмотреть на детей и увидел, что дети развиваются хорошо. У Бакорора кожа была в поперечных полосках — одна полоска рыжая, другая темно-бурая, а ноги черные по самые икры, и руки — черные по самые локти. Два треугольные черные пятна шли от головы: одно — по груди, другое — по спине; подбородок и губы также черные, и огненно-красная полоса полукругом спускалась со лба к носу. У Итуборе кожа была такая же, как у брата, только поперечные полосы более узкие и шли чаще. Ягуар снова заткнул тыкву.

Прошло еще немного дней, и он второй раз пришел взглянуть на сыновей. Теперь он решил, что они уже большие, что можно выпустить их и дать им поесть. Так он и сделал: выпустил детей, повел в свою пещеру и накормил. Дети поели и спросили:

— Отец, отец, где мать?

— Ваша мать умерла, потому что засмеялась, когда услышала голос маругоддо.

Узнав об этом, оба брата решили убить маругоддо. Они разожгли огромный костер и бросили в него ведьму-гусеницу, чтобы она сгорела. И побежали домой. Вдруг раздался сильный треск. Это кости маругоддо трещали и лопались на огне. Бакороро захотел узнать, что происходит, и сказал:

— Отец, отец, я хочу поглядеть, что там такое.

— Сын мой, сын мой, не гляди.

Но сына разобрало такое любопытство, что он не послушался отцовского совета и, высунув голову из пещеры, стал смотреть. И в эту минуту снова послышался взрыв и треск, и острые осколки костей маругоддо ударили Бакороро прямо в лицо с такой силой, что он тут же ослеп. Отец закричал ему:

— К воде, к воде! Бросайся в воду!

Бакороро бросился в воду и вышел оттуда с красивым лицом и новыми черными глазами.

Итуборе позавидовал прекрасным глазам брата и сказал:

— Отец, отец, я тоже хочу взглянуть, как горят кости маругоддо.

И сказал ему отец:

— Сын мой, сын мой, не гляди.

Но сын не послушался и высунул голову из пещеры, так что ему тоже ударили в лицо осколки костей маругоддо, лопавшихся на огне.

И он тоже ослеп, и отец ему тоже крикнул:

— К воде, к воде! Бросайся в воду!

Итуборе бросился в воду и вышел оттуда с красивым лицом и с новыми черными глазами, как у брата.

Когда маругоддо сгорела дотла, ягуар и его сыновья зажили весело и спокойно. Но вскоре они заметили, что многие звери едят людей, и решили этому помешать.

Ягуар сказал детям:

— Гарпия пожирает людей. Если вам удастся покорить эту хищную птицу, земля будет у вас во власти и великий народ подчинится вам.

Тогда старший брат Бакороро сказал младшему брату Итуборе:

— Брат мой, брат мой, ступай к отцу и попроси его, чтобы он сделал нам веревку, которую можно обвязывать вокруг головы.

Итуборе попросил отца. Таковую веревку и по сей день носят на голове наподобие тюрбана индейцы племени бороро.

И снова Бакороро сказал Итуборе:

— Брат мой, брат мой, скажи отцу, чтоб он сделал нам тяжелую палицу из дерева и маленькое копьё из бамбука, с острым костяным наконечником.

Итуборе сказал отцу:

— Отец, отец, нам нужны палица и копьё.

И ягуар сделал палицу и копьё. Такое оружие и по сей день употребляют индейцы племени бороро.

Тогда Бакороро повязал веревкой голову брату, обернув ее несколько раз, и попробовал кольнуть его копьём, сказав:

— Когда будет больно, кричи.

Итуборе сразу же стало больно, и он закричал. Тогда братья попросили отца, чтоб он сделал им веревку намного длиннее и толще.

Отец сделал, и Бакороро снова повязал голову брату и попробовал кольнуть его копьём. На этот раз тюрбан был настолько велик, что Итуборе не было больно. Тогда они вместе пошли к дереву, на котором жила свирепая гарпия. Земля под деревом вся была усеяна человеческими костями.

Бакороро сказал брату:

— Я спрячусь здесь, а ты трясى дерево, пока гарпия не свалится тебе на голову и не схватит за волосы. Тогда ты обними ствол и кричи.

Итуборе стал трясти дерево, и гарпия упала на него, схватилась за веревку, которой была обвязана его голова, и хотела уже подняться в воздух и унести его с собой, когда Итуборе обнял ствол дерева и закричал. И тогда Бакороро быстро выскочил из своего укрытия и ударил палицей по

голове гарпии с такой силой, что птица замертво свалилась на землю. И пока она издыхала, Бакороро сказал ей:

— Людей ты больше есть не будешь. Пищей твоей станут коати, обезьяна, водяная свинка капивара, муравьед, олень, дикая курочка. Вот что ты будешь есть.

Так оно и случилось. С этого дня ни одна гарпия не ест людей. Потом они отправились сражаться с исполинским аистом жабуру.

Братья решили убить его, ибо в те времена он пожирал людей. Но он бегал так быстро и делал такие большие шаги, что поймать его было совершенно невозможно. Тогда братья задумали вырыть на пути жабуру глубокие ямы и перевить их лианами, но гигантская птица перепрыгнула самые большие ямы и самые запутанные лианы. Тогда братья решили сделать изгородь из колючих лиан, чтоб загородить дорогу птице. Жабуру натолкнулся на эту гору из шипов, стал рваться, запутался, поранился, и тогда братья подошли и добились его своей палицей. И когда исполинская птица была уже при последнем издыхании, братья сказали ей:

— Ты больше не будешь пожирать людей, а питаться будешь с этого дня только рыбой.

В те времена попугаи перикито также питались человеческим мясом. Поэтому Бакороро сказал младшему брату:

— Брат мой, брат мой, скажи нашему отцу, чтоб он сделал нам стрелы с тупым наконечником. С такими стрелами нам будет удобно охотиться на попугаев, потому что мы сможем их оглушить и взять живыми, а если убьем, так их яркие разноцветные перья не запачкаются в крови и потом послужат нам для украшения. Попроси у отца, Итуборе, ты его любимый сын, он не откажет тебе.

Итуборе попросил, и ягуар сделал для своих сыновей стрелы. Такими стрелами и сейчас пользуются для охоты на попугаев индейцы племени бороро и других племен.

Братья взяли стрелы и пошли на охоту. Мимо как раз пролетала стая попугаев. Они убили много попугаев из этой стаи и, когда те замертво упали на землю, сказали им:

— Вы, попугаи, с этого дня не будете больше есть ни людей, ни животных. Отныне пищей вашей будут только плоды земли и то, что цветет.

И с того дня попугаи перестали питаться человеческим мясом, а едят только кокосовые орехи, съедобные клубни на корнях растений, плоды и фрукты, а также цветы.

Потом братья пошли войной на зубастых рыб, пожиравших любого человека, как только он войдет в воду. Чтоб победить их, братья придумали одну хитрость.

Они завернулись в циновку из волокон растений и бросились в воду. Рыбы сразу же облепили их со всех сторон и вцепились своими острыми зубами в циновку. Но зубы их запутались в волокнах циновки, и так они и остались, словно их приклеили. Когда циновки были настолько облеплены рыбами, что уж ни одной больше не могло поместиться, братья поплыли к берегу, вышли из воды и убили рыб. Потом они снова завернулись в циновки и вошли в воду и повторяли свою хитрость до тех пор, пока не перебили всех рыб. Когда последние рыбы издыхали, они сказали им:

— С сегодняшнего дня вы больше не будете есть людей, а станете питаться только другими рыбами.

Потом братья пошли войной на змей, пожиравших людей, и всех их перебили.

И над каждой змеей повторяли они то, что произносили ранее над убитыми птицами и рыбами:

— С сегодняшнего дня ты не будешь больше есть людей.— И каждой рассказали, чем она должна питаться.

После того как они убили самую страшную змею, они сложили боевую песню, которую и сейчас поют в индейских селениях.

ТИРИ И КАРУ

Сарарумá, злой дух, зажег на земле такой пожар, что только одному человеку удалось уцелеть, да и то потому, что он догадался залезть в яму и при этом забрать с собой еды на

несколько дней. Чтобы знать, кончился пожар или нет еще, он время от времени высовывал из своей ямы веточку, держал несколько минут на воздухе, а потом втягивал обратно к себе в яму. Два дня подряд веточка возвращалась к нему красная и горячая, а на третий день вернулась черная и холодная. Поняв, что пожар кончился, человек вышел из своей ямы и увидел, что земля стала совсем голой. И он побрел куда глаза глядят, бездомный и голодный. Так ему повстречался Сарарума и сказал:

— Это я был причиной всего этого бедствия. Но мне жаль тебя. Возьми.

И он дал человеку горсть семян и велел бросить их в землю. Человек бросил семена, и вдруг, как по волшебству, возник вокруг них лес, в котором росло много плодовых деревьев и водилась всякая дичь, годная в пищу. Потом, неизвестно откуда, появилась рядом с человеком женщина, и он взял ее себе в жены, и у них родилось много сыновей и одна дочь.

Когда настала для девушки пора любить, то как-то раз, бродя, по своему обыкновению, по лесу и оплакивая свое одиночество, набрела она на прекрасное дерево уле и загорелась страстью к нему. И тогда дерево превратилось в мужчину, с которым она и стала проводить ночи. При первых лучах солнца он исчезал, снова превращаясь в дерево уле.

Она рассказала обо всем матери, и та посоветовала ночью связать юношу. Дочка последовала материнскому совету. Видя, что он связан, Уле обещал жениться и был выпущен на свободу.

Они стали жить вместе и наслаждались самым полным счастьем, как вдруг однажды муж пошел на охоту и не вернулся: его растерзал ягуар. Жена узнала об этом от братьев и пошла с ними вместе искать тело мужа, но нашла только окровавленные куски, разбросанные по земле. Тогда она сложила куски вместе, чтобы еще раз взглянуть на своего мужа. Горестно стояла она над ним и глядела ему в лицо, как вдруг он воскрес и сказал:

— Кажется, я долго спал!

И они пошли домой в большой радости. Но по дороге Уле захотел пить. Он подошел к ручью, нагнулся и увидел в воде свое отражение: одной щеки у него не хватало. Тогда он простился с женой, сказавши, что ему стыдно показываться ей в таком уродливом виде. Он сказал ей, чтобы она шла домой одна и по дороге ни в коем случае не оборачивалась, какой бы шум ни услышала за спиной.

Жена пошла одна и несколько раз слышала у себя за спиной шорох и шелест, и все не оборачивалась. Но вот ей послышалось, будто лист упал с дерева совсем рядом; она не выдержала и обернулась. Не к добру: она сбилась с пути и заблудилась в густом лесу. Долго бродила она взад-вперед, ища дороги, и так забрела в жилище Матери Ягуаров. Та приняла ее ласково, но велела спрятаться, чтобы сыновья, когда вернутся, не нашли ее и не съели.

Когда сыновья вернулись и понюхали воздух, то сразу же догадались, что в доме спрятался кто-то чужой. Принялись искать и в конце концов вытащили женщину из ее укрытия. Они уже совсем собрались ее съесть, но старая ягуариха помешала.

Тогда ягуары заставили женщину искать муравьев у них в шерсти. И велели, чтоб она всех муравьев изловила и съела. Хоть женщина и очень боялась ягуаров, но все-таки есть муравьев не смогла. Тогда старая ягуариха дала ей щепотку тыквенных семян и посоветовала грызть, чтоб обмануть ягуаров.

Женщина так и сделала: поймает муравья, бросит в сторону, а в рот положит семечко и грызет — ягуары думали, что это она муравьев ест. Трех ягуаров удалось обмануть, но четвертый заметил уловку женщины, пришел в ярость, бросился на нее и загрыз. Потом он разодрал ей живот и вынул ребенка, который вот-вот должен был родиться.

Мать Ягуаров пожалела ребенка, как прежде женщину: она положила его в котелок, сказав сыновьям, что сейчас его сварит, а сама потихоньку вынула, положив на его место кусок мяса, и спрятала.

Так, в строгой тайне, на попечении старой ягуарихи мальчик вырос и стал большим и сильным. Имя ему дали Тири.

Как-то раз Мать Ягуаров сказала Тири, что лесная свинка пака поела у нее все тыквы. Тири пошел на тыквенное поле и, когда пака приблизилась, пустил в нее стрелу, да так неудачно, что стрела пролетела мимо и только оторвала у паки хвост. С тех пор все эти грызуны рождаются без хвоста.

Раненая пака обернулась и сказала Тири:

— Ты живешь в дружбе с теми, кто убил твою мать; почему же ты хочешь убить меня? Ведь я не сделала тебе ничего дурного.

Тири попросил паку объяснить ее слова и рассказать ему всю правду.

Тогда пака повела его в свою нору и там рассказала, как ягуары убили его отца и мать. А его они, видно, оставили в живых для того, чтоб он служил им как раб, сказала пака.

Услышав такие слова, Тири решил убить ягуаров. Он подстерег их, когда они возвращались с охоты и троих ему удалось убить. Однако четвертый, у которого было две пары глаз, увидел мертвых братьев раньше, чем Тири успел пустить стрелу, и взобрался на дерево, воскликнув:

— Пальмы, лианы, укройте меня!.. Солнце, луна, звезды, спасите меня!

Луна, услышав эту мольбу, спряталась, и с тех пор ягуары выходят на охоту только ночью и тень их отражается на луне.

Тири обладал сверхъестественной силой и мощью.

Видя, что Мать Ягуаров осталась одна и что некому теперь на нее работать, он в одну минуту очистил от леса большой участок земли и посадил там полезные растения.

Теперь Тири чувствовал себя хозяином природы, но вскоре одинокая жизнь наскучила ему. Как-то раз он нечаянно ударил ногу о дерево, да так сильно, что содрал ноготь на большом пальце. Он поднял ноготь, положил в душло того дерева, о которое ударился, и пошел дальше, но вдруг услышал за спиной человеческий голос. Он обернулся и уви-

дел, что его коготь превратился в человека. Тири назвал его Кару.

И стали они жить вместе, в большой дружбе. Случилось, что как-то раз пошли они в гости к одной птице, и хозяйка поднесла им чашу хмельного напитка. Чаша была вечная — сколько ни пей, она всегда наполнялась до краев. Тири взял чашу, да как-то неловко, и уронил на землю. И столько пролилось из чаши, что все вокруг затопило и Кару утонул.

Когда земля просохла, Тири взял кости Кару и оживил своего друга. И снова стали они жить одни, да скоро заскучали, не видя вокруг себя других людей. Тогда они нашли себе подруг среди животных и стали жить с ними вместе. И родилось у каждого по сыну и по дочке. Дочки, правда, родились с глазами под грудью, но Тири сразу же переставил их на лицо, на то место, где и сейчас у людей находятся глаза.

Сын Кару умер, и отец зарыл его поблизости.

Через некоторое время Тири сказал Кару, чтоб он вырыл своего сына из могилы, но только ни в коем случае не ел. Кару повиновался и, разрыв могилу сына, увидел только корень маниоки. Клубни были большие, хорошие, и Кару съел их. Тут же он услышал гром, и голос Тири сказал:

— Кару, ты ослушался меня и съел своего сына. В наказание за это ты теперь будешь смертен и все другие люди будут смертны и осуждены на тяжкий труд и страданье.

Прошло еще некоторое время. Как-то раз, когда Тири тряс какое-то дерево, к его ногам упал птенец дикой утки, и он приказал Кару поджарить его и съесть.

Кару повиновался, и Тири сказал ему:

— Этот птенец был твоим сыном, и ты съел его.

У Кару от огорчения сделалась рвота. И тогда вылетели из его рта попугаи, туканы и другие птицы.

Однажды Тири и Кару пошли навестить Мать Ягуаров, но, увидев, что у нее рот в крови, Тири подумал, что она, верно, напала на людей и кого-нибудь съела.

Он стал угрожать ей и сказал, что убьет, если она не откроет правду. Он срезал у нее шерсть на голове и совсем было

собрался ее убить, но ягуариха стала просить пощады и обещала все рассказать.

— Я правда съела человека, — созналась она, — но только он был мертвый, его ужалила змея, которая живет вон в той норе.

И она показала нору змеи. Змея эта жалила каждого, кто только осмеливался показаться в тех местах.

Тири сказал Матери Ягуаров:

— Ты с этого дня будешь есть только тех, кого убили другие; и так будет со всеми, кто принадлежит к твоей породе.

И он превратил ее в черного грифа — урубубу.

Вот почему у всех урубубу голова плешивая.

Потом он приказал птице акауан из семейства соколиных убить и съесть змею.

И тогда из ямы, где жила змея, вышло племя инков, племя шириана и другие индейские племена. Столько вышло народу, что Тири испугался и засыпал яму.

Яма, из которой вышли племена, заселившие землю, находится возле высокой скалы по имени Маморé, к которой никто не может подойти, потому что вход в яму сторожит огромная змея. Скала эта находится близ слияния рек Сакта и Сорé, в верховьях реки Маморе.

Тири сказал всем этим народам:

— Надо, чтоб вы разделились и заняли всю землю. Для этого я посею раздор между вами.

И сразу же дождь стрел полился на землю, и все вооружились.

Долго сражались племена между собою, пока Тири не успокоил их, но с тех пор остались они разделенными, чуждаясь друг друга и ненавидя.

Теперь здесь делать было больше нечего, и Тири решил уйти в другие места. Он не знал, куда идти, и послал птицу на восток, но птица вскоре вернулась, потеряв часть своих перьев. Тири решил, что на востоке земля быстро кончается, и послал птицу на север. Повторилось то же, что и раньше.

Тогда он послал птицу на запад, и птица через некоторое время вернулась оттуда в сияющих новых перьях. Туда Тири ушел, чтоб никогда больше не вернуться.

КУПЕ-КИКАМБЛЕГ,
ЛЮДИ С ОГНЕННЫМИ ВОЛОСАМИ

В самой восточной части света, там, где родится солнце, живет племя людей с огненными волосами. Солнце родится так близко, что они просто задыхаются от жара его пламени. Как они ненавидят солнце! Каждое утро, как только всходит оно, охотники пускают в него стрелы, но при этом отворачивают лицо, потому что не могут выдержать его ослепительного света и жгучего тепла. Но солнце подымается очень быстро, так что их стрелы никогда не успевают долететь до него.

И вот люди с огненными волосами решили срубить столб, на котором держится небо, чтобы небо упало и солнцу некуда было подыматься. Они принялись долбить и стругать и работали целый день, так что подпорка стала совсем тонкой. Тогда они решили бросить работу, потому что очень устали. Отдохнули немного и вернулись к работе. Однако, пока они отдыхали, обтесанная часть подпорки выросла снова и столб сделался такой же толстый и крепкий, как был раньше. Они и сейчас еще его рубят.

КУПЕ-ДИЕБ,
ЛЮДИ С КРЫЛЬЯМИ ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ

В серганах Сан-Висенте, протянувшихся близ реки Арагуая, есть гора по имени Морсега, что означает «Летучая мышь». В той горе есть огромная пещера с низким входом и с узким отверстием у самого свода, похожим на оконце. Там в незапамятные времена жили Купе-Диеб — существа с телом человека и с крыльями летучей мыши.

Как-то раз один индеец племени апинажé подстрелил оленя поблизости от горы Морсега и решил заночевать здесь, потому что было уже поздно. Но пока он спал, Купе-Диеб налетели темной тучей и разmozжили ему череп своими топорами. Видя, что охотник не возвращается, его родичи пошли по его следам и нашли мертвое тело. Возле него на земле отпечатались следы многих ног, но все они сбились в кучу вокруг убитого и ниоткуда не тянулись и никуда не вели. Словно убийцы не приходили и не уходили.

После этого случая люди племени апинаже избегали приближаться к тем местам, особенно ночью, а уж отдыхать здесь и совсем боялись. Но вот как-то раз двое охотников оказались возле горы Морсега, когда уже совсем стемнело. С ними был мальчик. Они решили сделать привал и переночевать здесь, у подножия горы. Около полуночи услышали они пенье, доносившееся откуда-то из скалистых недр. Мальчик очень испугался, убежал и спрятался в густой зелени, далеко от места ночлега. Вскоре Купе-Диеб налетели, шурша черными крыльями, и убили обоих охотников. Но мальчик из своего укрытия видел все. Он побежал домой в деревню и рассказал о том, что случилось.

Тогда воины племени апинаже со всех четырех деревень собрались вместе и двинулись против Купе-Диеб, решив перебить их всех до одного. Подойдя к скале Морсега, они загродили вход в пещеру, сложив перед ней целую гору сухих веток. И пока одни готовили костер, другие решили обойти скалу кругом, чтоб найти оконце пещеры. Однако это оказалось труднее, чем они полагали. И они все еще блуждали вокруг да около, не найдя чего искали, когда их товарищи уже зажгли огонь у входа в пещеру. Почуввав огонь, Купе-Диеб встрепенулись, и сбившимся роем, шумя крыльями, вылетели через верхнее оконце, и полетели к югу так быстро, что стрелы индейцев апинаже не успели ни сбить, ни хотя бы поранить ни одного из рукокрылых людей. Купе-Диеб улетели на юг, и говорят: они и сейчас живут где-то там, в той стороне.

Когда костер иссяк и дым рассеялся, воины апинаже проникли в пещеру, где на земле нашли множество топоров, забытых Купе-Диеб при побеге. В самой глубине пещеры, за большим камнем, они увидели мальчика лет шести с крыльями летучей мыши. Он был словно в дурмане от густого дыма, заполнившего пещеру, и, видимо, пытался спрятаться. Сначала воины хотели убить мальчика, но один индеец пожалел его и решил взять с собой.

Когда апинаже, возвращаясь из своего похода, остановились передохнуть и постлали себе на земле постели из пальмовых листьев, они устроили подстилку также и для маленького Купе-Диеб. Но он ни за что не хотел ложиться, и все плакал и смотрел в небо. Поскольку его никак невозможно было заставить лечь, его новый хозяин подумал, что тут должна быть особая причина. И он вспомнил, что в жилище Купе-Диеб не было на земле никаких постелей, не было и столбов, чтоб подвешивать сети или гамаки, а были только балки под самым сводом. Тогда он срезал палку и устроил перекладину между двумя соседними маленькими деревцами, уложив палку на кривые сучки. Как только рукокрылый мальчик увидал это, так тотчас же вскарабкался на деревце и повис на перекладине, зацепившись коленками, головой вниз. Он вобрал голову в плечи, скрестил свои руки-крылья, прикрыл ими лицо и заснул спокойным сном.

Этот мальчик недолго прожил среди индейцев племени апинаже. Он скоро умер. Как-то раз его нашли на земле: он пел. «У-ра! Клуна клосире! Клуд песетире!» — пел мальчик, а потом раскрыл крылья-руки и обхватил ими шею. Когда индейцы спросили его, зачем он так делает, он отвечал, что так танцует его племя. Индейцы апинаже и сейчас еще поют песню, которую пел мальчик Купе-Диеб.

*Мифы
и легенды
о происхождении
животных*

КАЙЮРУКРЕ СОТВОРИЛИ
ОДНИХ ЗВЕРЕЙ, А КАМЕ — ДРУГИХ,
ЧТОБЫ МЕЖДУ НИМИ ШЛА
БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

Вот что произошло после потопа, когда кайюрукре и каме пошли по горным тропам.

В первую же ночь своего путешествия кайюрукре развели огонь и из золы и угля сделали ягуаров и сказали им: «Вы будете пожирать людей и лесных зверей!» И ягуары убежали.

Угля было очень мало, а потому тапиров они сделали из золы и сказали им: «Вы будете есть дичь!» Но слух у тапиров плохой; они не расслышали и спросили, что им есть. Кайюрукре, которые уже делали других зверей, сердито сказали: «Вы будете есть листья и ветки деревьев!»

На этот раз тапиры услышали и пошли путем-дорогою. Вот почему они питаются только листьями, веточками деревьев и плодами.

Следующему животному кайюрукре не успели приделать язык, зубы и когти: начался день, а днем кайюрукре не могли заниматься этим делом; и вот они поспешно вставили животным в рот тоненький прутик и сказали:

— Раз у вас нет языка, будете есть муравьев!

Вот почему муравьед — животное несовершенное.

На следующую ночь кайюрукре создали много других животных; создали они и пчел, которые дают людям мед.

А каме создали других зверей, чтобы между ними шла борьба за жизнь. Так появились на свет пумы, ядовитые змеи и осы, которые не дают меда.

Покончив с этим делом, кайюрукре и каме возвратились к каингангам.

КАК МБОЙГУАСУ
ПРИСТРАСТИЛАСЬ ПОЖИРАТЬ
ПАДАЛЬ

Тело каждого животного наливается соком той пищи, которой оно питается.

Молоко молодой коровы, которая щиплет только цветы клевера, — пахнет свежестью; кабану, который ест мясо, не хватит и двадцати алкейре¹ маниоки, чтобы отбить его запах; и даже кровь унылой цапли и хитрого ибиса пахнет рыбой. То же происходит и с человеком, хоть это и не зависит от того, что он ест: в его глазах отражается его душа. Человек с ясными глазами красив и великодушен, но будь осторожен с тем, у кого глаза красные, будь вдвойне осторожен с тем, у кого глаза желтые, и берегись того, у кого они пятнистые или тусклые!..

Все сказанное относится и к мбойгуасу, которая сожрала столько глаз.

Все глаза — а сколько, сколько их было! — все глаза, которые сожрала огромная змея, отражали свет луча заходящего солнца, которое они видели в последний раз перед тем, как для них наступила вечная ночь... И эти глаза — а сколько же, сколько же их было! — с капелькой света были проглочены змеей; сначала их была горсточка, потом кучка, потом множество, потом целая гора...

А так как у мбойгуасу не было шкуры, как, например, у вола, ни чешуи, как, например, у золотой макрели, ни перьев, как, например, у страуса, ни панциря, как у броненосца,

¹ Алкейре — старинная мера сыпучих тел и жидкостей, равная 13,8 л.

ни толстой кожи, как у тапира,— тело ее было совсем, совсем прозрачным и светилось тысячами тысяч огоньков: то были частички глаз, сохранившие капельку света. И случилось так, что в конце концов мбойгуасу превратилась в свет, в огонь без пламени, в голубовато-желтоватый, холодный и печальный луч, образуемый глазами, которые она проглотила, когда они еще светились...

Мбойгуасу превратилась в свет, и потому-то люди, которые теперь видели змею в другом обличье, не узнавали ее. Люди не узнавали ее и, думая, что это другая, совсем другая змея, стали называть ее бойтата, огненная змея бойтата.

И частенько голодная бойтата заползала на фермы. Тогда-то и пел лесной разведчик — птица теу-теу.

И люди с изумлением и любопытством смотрели на огромное прозрачное тело змеи бойтаты, огненной змеи, длина которой превышала три ласо¹ и которая тускло светилась в траве... И люди начинали плакать. Они плакали, теряясь перед лицом опасности, и слезы их сверкали так же ярко или даже еще ярче, чем глаза, а бойтата мечтала сожрать живые глаза людей, потому что мертвые глаза стали вызывать у нее отвращение...

Но, как уже было сказано, в темноте был виден лишь тусклый свет, исходивший от тела бойтаты, и это о ее приближении предупреждала своей песней теу-теу всю землю, окутанную ночью мглой.

Время шло — бойтата умерла, умерла от слабости, потому что глаза, которые она проглотила, наполнили ее утробу, но не питали ее: не может дать питания свет глаз, которые очутились в утробе, когда еще были живыми...

В ярости раскачивалась змея в куче падали, над тронутыми тлением телами, над их изуродованными останками, над распущенными волосами, над разбросанными там и сям скелетами, и вот тело ее рассыпалось в прах, как превращается в прах любое земное существо.

¹ Ласо — мера длины равная 15—25 м.

И случилось так, что свет, пребывавший в ней, освободился с ее смертью.

И тут произошло то, что должно было произойти: наконец-то солнце появилось снова!

Да, оно появилось, но появилось не внезапно. Прежде всего когда оно показалось, туман стал рассеиваться и появились звезды, которые затем растворялись в красном небе; потом оно становилось все светлее и светлее, и вдруг где-то вдали появилась полоска яркого света... затем — световая вспышка... и вот встало, встало солнце, оно достигло зенита и стало клониться к закату, как прежде, и на этот раз оно навсегда поделило поровну время дня и время ночи.

Все смертные жители земли собрались у истоков своей жизни, чтобы родиться заново, и только свет, исходящий от бойтаты, остался одиноким и никогда не слился с возродившимся светом.

Свет, исходящий от бойтаты, навсегда остался мрачным, и в тех местах, где больше падали, он наиболее тусклый. А зимой, парализованный холодом, он не появляется и спит, а может быть, прячется.

Но весной, когда становится жарко, для него наступает трудное время.

Бойтата, свернувшаяся спиралью, клубком, — бойтата, огненная змея! — начинает катиться по полям, по равнинам, по горам до тех пор, пока не наступит ночь!..

Это желтовато-голубоватый огонь, который не сжигает сухую сорную траву!.. Не согревает родниковую воду, — он скручивается, извивается, несется, делает прыжки, падает, лопается и гаснет... и снова появляется как раз тогда, когда этого меньше всего ожидаешь, и снова начинается все сначала!

Проклятый! Сгинь!

Тот, кто увидит бойтату, может ослепнуть... Если ты наткнешься на нее, у тебя есть только два средства, чтобы спастись: или спокойно стоять на месте, зажмурившись и затаив дыхание, до тех пор пока она не уползет восвосяи; или

же, если ты едешь на лошади, раскрути лассо, набрось на нее и волоки ее за собой!

Бойтата появляется с железным кольцом на шее, но внезапно, катаясь в сорной траве, она срывает с себя кольцо и ползет, разбрасывая светящиеся искорки, чтобы снова исчезнуть и снова где-то ползать при помощи легкого ветерка.

Благоразумный пастух! Гони свое стадо подальше от тех лугов, где гнездится бойтата: обильное пастбище может стать бедой для тебя...

Я сам это видел!

ЛЕГЕНДА О КЕРУ-КЕРУ

Без хозяина жила
Встарь земля. В степях зеленых,
Сидя в седлах, как на тронах,
Правили степей сыны.

Вкруг них свитой табуны
Диких лошадей кружили:
В пампе все свободны были;
Ни богаты, ни бедны —
В пампе были все равны.

Никому не подчинялись
Пастухи — попробуй, тронь!
Но и слуг не знал гаушо:
Веселили ему душу
Лишь копьё, шары да конь...

Но однажды злая власть
В пампу когти запустила,
Солнце трауром закрыла,
Сея всюду кровь и страх;
На невольничьих судах

К нам везли рабов в цепях...
Но, отринув рабства бремя,
Вдел гаушо ногу в стремя,
И без жалоб на судьбу
Поднялся он на борьбу.
В битве за свободу пало
Храбрых пастухов немало,
Но зато свободу власть
Не смогла у них украсть!

И по всей зеленой пампе
Высились и тут и там
Острия пастушьих копий —
Памятники храбрецам.

Керу-керу — птицы пампы
Те места — юдоль печали —
Скорбной стайей облетали
И парили вновь и вновь
Над землей, впитавшей кровь.
И, влекомы чудной силой,
Сели россыпью унылой,
Каждая у острия
В битве павшего копья
Над безвременной могилой...

И с тех пор, застыв миражем,
Керу-керу ни на час
Скорбных не смыкает глаз
У могилы вечным стражем;
И когда в ночи безгласной
Вдруг раздастся крик ужасный,
Керу-керу скорбный крик, —
То встает на бой кровавый
Дух, почивший здесь со славой, —
Дух гаушо — в этот миг.

Промелькнет в низине топкой
Керу-керу тенью робкой —
Страж бессменный здешних мест,
Излучая свет надежды
Им, навек сомкнувшим вежды,
Спящим вечным сном окрест.

МИФ О ПОПУГАЕ, КОТОРЫЙ КРИЧИТ:
КРА, КРА, КРА

Попугай, который кричит: кра, кра, кра, был когда-то мальчиком и очень любил поест. Он был ужасно прожорлив, и у него была дурная привычка проглатывать пищу не жуя.

Как-то раз мать взяла плоды мангабы и стала жарить их в горячей золе. Сын увидел и схватил одну мангабу прямо из огня и тут же стал есть. У мангабы мякоть клейкая и долго держит тепло. А мальчик схватил ее прямо из огня, так что сразу обжег себе все горло, стал задыхаться, кричать и кашлять: кра, кра, кра... стараясь выплюнуть эту горячую мангабу. Но он ведь ее уже проглотил, так что как тут выплюнешь? Так он и хрипел: кра, кра, кра, до тех пор пока у него не выросли крылья и лапы, как у попугая. И он превратился в попугая, и сейчас еще, когда вы проходите по лесу, то можете услышать, как он кричит: кра, кра, кра.

ЛУННАЯ КРОВЬ

Сказывают, что жила среди индейцев тарианов одна девушка, на которую, почему — неизвестно, совсем не обращали внимания юноши. Ниньо (так ее звали) понимала это.

И вот каждый вечер она уходила к водопаду и там коротала ночи. Когда же восходящее солнце только-только озаряло небо, она возвращалась в деревню.

Мужчины, приходившие по вечерам к водопаду ловить рыбу, старались обойти эту девушку как можно дальше.

Однажды ночью, когда Ниньо спала, с неба упала на лицо ей прохладная капелька, от этого девушка проснулась и, хотя до рассвета было еще далеко, встала и пошла в деревню.

В то самое утро увидел ее один возвращавшийся с рыбной ловли юноша, увидел и обомлел: Ниньо показалась ему ослепительно прекрасной. Стал он всем рассказывать, какой красивой да пригожей сделалась девушка, прежде столь невзрачная. Но над ним смеялись и говорили:

— Это твои глаза приукрасили ее и заставили похорошеть.

Но в то утро удивилась, увидев дочь, даже мать Ниньо и спросила:

— Доченька, что ты сделала со своим лицом?

— А что, мама? Что у меня с лицом?

— Ты стала такой красавицей!

— Да ничего я не делала. Правда, этой ночью спала плохо. На лицо мне упала капля дождя, и я после этого заснуть не могла: было так холодно.

Мать взяла ее на колени, как маленького ребенка, и принялась приговаривать:

— Доченька, как же ты хороша! Разве что луна с тобой сравнится!

Чуть позже еще один юноша увидел Ниньо и сердце его тоже загорелось: «Да это настоящая красавица!»

Стал он рассказывать друзьям о красоте девушки, но те не поверили, а только смеялись и говорили:

— Не иначе, эта дурнушка всех нас теперь околдует, и мы по ней сохнуть будем.

Надо сказать, что как раз в тот день был праздник у одной девушки. И у нее собирались гости, чтобы потанцевать.

Настушила ночь, и праздник начался. Похорошевшая вдруг Ниньо танцевать не умела: юноши ведь не обращали на нее внимания и никогда танцевать не приглашали. Но на этот раз она тоже пошла, чтобы поздравить девушку. Вошла

Ниньо в дом и всех юношей будто с ума свела. Каждый хотел привлечь ее внимание, выказать девушке свою любовь, а она на них и глядеть не глядела.

На следующий день утром ушла Ниньо с матерью работать в поле. А юноши собрались и стали меж собой разговаривать:

— Видали, как быстро она нас приворожила! Еще вчера мы и смотреть на нее не хотели, а сегодня глаз не отрываем! Колдунья она, не иначе, вот и обернулась красавицей! Ну можно ли было даже подумать, что из-за Ниньо с ума сходить будем! Теперь уж она вволю над нами посмеется. Видите: даже из дому чуть свет ушла. А мы-то глаза пораскрывали! Вот ты хочешь ведь взять ее в жены! И ты. И ты, конечно, не прочь. Да и я только и мечтаю, чтоб взглянула на меня, да поласковее.

А Ниньо тем временем говорила матери:

— Лучше бы уйти нам, Наан, в другую деревню, там я нашла бы себе мужа. Здешние-то юноши не любят меня. Мне уж давно пора замуж, а из них ни один за мной даже не поухаживает. Кто захочет жениться на мне? Никто. Да даже если и объявится охотник, я ему не поверю: бросит он меня на следующий же день. Хватит с меня тоски и печали. Давай, как только появится молодой месяц, спустимся по реке да так, чтобы никто нас не видел. Прибьемся к другому племени, упросим вождя и останемся с ними жить.

— Хорошо, дочка. Так и сделаем.

Домой они вернулись уже за полдень. Юноши, казалось, обжигали Ниньо пылающими взглядами, но она даже глаз не поднимала.

Да, свела их с ума новая красавица. А как вечер спустился, принесли они музыкальные инструменты, стали на них играть и танцевать. Потанцевать собрались все-все девушки, кроме Ниньо: она с матерью ушла на другой конец деревни, так что все поиски были напрасны.

Когда же утром мать с дочерью вернулись, один юноша подошел к Ниньо и сказал:

— Радость моя, почему ты не хочешь танцевать с нами? Почему убегаешь?

— Сейчас вы все вдруг вспомнили обо мне, зовете танцевать,— отвечала девушка.— А давно ли избегали меня и смотрели с отвращением? Что это вам пришло в голову разыскивать меня теперь? Я ведь осталась все та же. Мое сердце глухо к вашим словам, я не могу забыть, как вы относились ко мне. Забудьте меня и оставьте с моей печалью, я уж свыклась с ней.

Юноши, окружив Ниньо, молчали, только тот, что говорил раньше, снова обратился к девушке:

— Ниньо, не будь такой жестокосердной. Вспомни: ведь мы одного племени!

Ниньо рассмеялась и сказала:

— Теперь у вас находятся для меня самые ласковые слова, а всего несколько дней тому назад вы отворачивались, чтобы не видеть меня, когда я выходила из дому. Забыли уже? Как дети, не помните, что натворили, и приходите ко мне с красивыми словами. Подсластите получше ваши речи, но обращайтесь их к другим женщинам. А я та же, что и прежде.

Юношам казалось, что у них сердце разрывается. Они оставили Ниньо и, поговорив, решили пойти к ведуну-паже и спросить его, каким же колдовством могла свести их с ума эта девушка.

Поведали они паже про свою беду, а ночью тот правду-то и выведал. Капля лунной крови упала на лицо девушки, и оттого-то красота луны засияла на ее лице. Потом он решил разведать, как сделать, чтобы Ниньо стала благосклонней к юношам деревни.

И обнаружил, что бессилен!

На рассвете паже рассказал юношам все, что ему удалось узнать.

Мужчины онемели. В отчаянии смотрели они друг на друга. Наконец один, Фуи, сказал:

— Я попробую смягчить сердце Ниньо. С сегодняшне-

го дня я стану ее тенью. Сначала она, конечно, будет сердиться, но потом выслушает меня и сердце ее смягчится.

Ведун смеялся, слыша эти речи.

Три луны ходил Фуи за Ниньо и все пытался с ней заговорить. А она молчала. Но из-за преследования Фуи и Ниньо, и ее мать не могли уйти из деревни и уплыть вниз по реке.

Когда взошел молодой месяц, юноши снова отправились к ведуну и попросили у него колдовского средства, чтобы смягчить сердце Ниньо.

— Хорошо,— сказал паже,— есть у меня один амулет, и каждый из вас должен будет пройти с ним мимо Ниньо. А как пройдет, сердце ее и смягчится, она пожалеет вас и заговорит. Ну-ка, встаньте вокруг меня! Сейчас я достану амулет. Кто первый его схватит, первым и пройдет перед Ниньо.

Неожиданно выхватил ведун из-под кожи броненосца длинную полую кость, поднял ее вверх и дунул в один конец. Все видели, как из другого конца трубки вылетел и упал около них шарик.

Тут же началась драка: каждый хотел завладеть амулетом. Юноши толкались, били друг друга, ставили подножки, бросали на землю. И так, незаметно оказались у реки. Амулет же нечаянно столкнули в воду, и он утонул. Бросились юноши в реку, обшарили ее всю, но понапрасну. Целых три дня ныряли они в глубину, осматривали все камни, надеясь на удачу.

А тем временем Ниньо с матерью потихоньку спустили на воду каноэ и были таковы. Когда же юноши вернулись с реки, Ниньо и ее матери и след простыл. Долго искали их везде и всюду, но не нашли. А женщины, когда их спрашивали, отвечали: «Я не знаю».

Снова отправились мужчины к ведуну, чтобы он указал, куда скрылась Ниньо. И паже ответил:

— Если бы вы прислушались к тому, что говорят люди, не пришлось бы вам идти ко мне снова. Ниньо отправилась к другому племени и там стала женой сына вождя. Что вы теперь можете сделать?

— Мы отправимся искать Ниньо и убьем ее мужа,— ответили юноши.

— Что ж, делайте как знаете. Племя, где живет теперь Ниньо с мужем, расположилось в устье реки.

Воодушевившись, Фуи воскликнул:

— Так пойдемте же скорее! Перебьем их всех и вернем Ниньо!

Мужчины согласились и в тот же день сели в каноэ и пустились вниз по реке. А их жены остались на берегу, растерянно глядя им вслед.

Так они простояли до следующего дня, когда к ним пришел паже и рассказал, что за безумие овладело мужчинами их племени. Потом добавил:

— Не плачьте, завтра же ночью я сделаю так, чтобы и на вас упали капли лунной крови и вы стали красивы, как Ниньо.

На следующую ночь паже привел женщин к водопаду и велел им лечь навзничь, лицом к небу.

В полночь женщины почувствовали, как на них падают капли лунной крови. А на следующий день оказалось, что они стали прекрасны, как сама луна.

— Теперь и вы красивы, как Ниньо,— сказал паже.— На ваших лицах отблеск луны. И не стоит лить слезы из-за глупых мужей. Если б они любили вас, то не бросились бы в погоню за Ниньо. Вот увидите, многие из них погибнут.

И в самом деле, женщины были теперь очень хороши собой, в них засветилась красота луны.

А как жила Ниньо? Стоило ей появиться в деревне у устья реки, как все юноши этого чужого племени уже были без ума от нее и каждый мечтал сделаться ее мужем. Среди них был сын вождя, и Ниньо стала его женой.

Паже племени, зная, что девушка убежала от своих родителей, решил удостовериться, не преследуют ли ее, и, поворожив, он действительно увидел, что вниз по реке спускается множество людей. Тогда он приготовил колдовской настой, полил им берег, где причаливали лодки, и везде, где только

могли появиться незваные гости. А потом сказал жителям деревни:

— На берег не ходите, там я приготовил угощение для тех глушцов, что плывут к нам.

Услышала эти слова Ниньо, забилося ее сердце, и отправилась она в полночь посмотреть, что же произойдет. Ниньо пошла берегом реки, и только приблизилась к тому месту, где паже полил землю, как в глазах у нее потемнело, и она упала без памяти. А мужчины, которые приехали за ней, вышли из лодок и, едва ступили на берег, как тут же превратились в летучих мышей, сов и прочих ночных птиц. Те же, кто коснулся речной воды, стали выдрами, скатами, рыбами. И когда взошло солнце, только их каноэ покачивались у берега да по земле были раскиданы стрелы, луки, разные вещи.

Муж Ниньо и ее мать, видя, что девушки нет дома, принялись искать ее повсюду, спрашивать людей. Но никто не знал, где Ниньо.

А ночью паже, понюхав плод парика, понял, что Ниньо на дне реки. Он увидел, как девушка вышла на берег, а Царица Вод, пораженная ее красотой, взяла ее за руку и увела за собой в глубину.

Безлунными ночами Ниньо поднимается из реки вместе с Царицей Вод. Они выходят на остров Журупари и поют там дивными голосами. А потом исчезают в волнах.

СМЕРТЬ МЕРИ

Однажды Мери-Солнце позвал своего младшего брата Ари-Месяца пострелять из лука, чтобы решить, кто из них искусней в этой забаве. Ари согласился, и принялись они состязаться, хвастаясь друг перед другом своей ловкостью. Но Мери был сильнее и ловчее, он стрелял лучше и посмеивался над промахами брата. Тогда Ари рассердился и принял вызов всерьез. Ему хотелось показать, что и он хороший стрелок, а кончилось все тем, что Ари смертельно ранил брата Солнце.

Опомнившись, Ари постарался помочь Мери чем только мог, но все напрасно: Мери умер. Ари долго не мог оставить брата, все надеялся, что Мери оживет, но этого не случилось. И тогда Ари, плача, ушел в лес.

В отчаянии он брел без дороги, наугад, пока не пришел в деревню индейцев из племени птиц. Но его встретили плохо. Не захотели жители деревни помочь Ари, а принялись швырять в него камни, сучья да объедки. Только один из них все время говорил:

— Осторожнее! Может, он дух из преисподней.

И люди из племени птиц вняли его словам и решили оставить Ари в покое. Ушел он из деревни и построил себе хижину в лесу. Целыми днями думал Ари о погибшем брате. Однажды, увидев, как мимо хижины пролетает стая попугаев ара, позвал их, надеясь что-нибудь о нем разузнать. Ара ответили, что Мери будет вслед за ними.

Прошло несколько дней, мимо хижины пролетала стая зеленых попугаев, Ари и их спросил о брате, но получил тот же ответ.

Наконец показалась стая куддоро — черных попугаев, а с ними и оживший Мери. Увидев Ари, Мери покинул своих спутников, принял человеческий облик, но так, чтобы брат его не узнал, и зашел в хижину. Стали они беседовать, и Мери, видя Ари таким худым, бледным и грустным, спросил его, что с ним случилось. Тут Ари и рассказал, как дурно с ним обошлись в деревне и как голодал он. Тогда Мери велел брату взять лук и стрелы и они пошли к реке. Выйдя на берег, Мери велел брату:

— Стой здесь и будь настороже. Если мимо проплывет рыба, пусти в нее стрелу. А я пойду поброжу по берегу.

Мери отошел подальше и, когда брат уже не мог его видеть, обернулся рыбой с золотистой чешуей. Ари послушался брата. Ему не пришлось долго ждать; и как только появилась золотистая рыба, а плыла она медленно-медленно, — пустил Ари стрелу и вытащил добычу из воды. Тут появился Мери, он спросил:

— Ты убил ту красивую рыбу, что плыла мимо?

— Да,— сказал Ари,— вот она.

Они вернулись в хижину.

Ари был так беден, что у него в доме даже ножа не нашлось, чтобы почистить и выпотрошить рыбку. Тогда Мери сказал ему:

— Сходи-ка к своему деду, аисту жабуру, и попроси у него нож.

Ари хотел было отказаться: он боялся идти к птицам, но потом все-таки пошел. И опасался он не зря: жабуру плохо принял Ари, швырнул ему нож, не переставая ворчать и грозиться. Когда Ари уже уходил, аист вслед ему крикнул:

— Верни нож побыстрее, да принеси еще рыбий жир и голову!

Вернувшись в свою хижину, Ари рассказал Мери, как обошелся с ним дедушка-аист. Ничего не ответил Мери, а когда они почистили рыбу, велел Ари отнести нож обратно, но тот ему сказал:

— Мне страшно идти туда снова. Кто знает, что сделает дедушка...

Но Мери ободрил брата и сказал:

— Когда придешь, брось нож на пол, чтобы жабуру его подобрал, ведь он сам также поступил с тобой. Иди и не бойся.

Ари ничего не оставалось, как пойти. Придя к аисту, он бросил нож на землю, старик страшно разозлился и погнался за Ари, а тот, перепуганный, задыхающийся, прибежал к себе домой. Увидев брата, Мери вышел и встал у входа в хижину. Когда же появился жабуру, Мери сказал:

— Вот как здорово... Ты пришел, чтобы бросить нож в Ари, не так ли? Ну, так бросай скорей. Посмотрим, как это тебе удастся.

Старый жабуру оторопел, испугался и даже попытался улыбнуться, он заговорил самым сладким голосом, каким только мог:

— Что ты, Мери! Я вовсе не сержусь на Ари... И уж совсем не собирался причинить ему зло!

И удалился, смущенный, а Мери обратился ко всем, кто обижал его брата, он сказал:

— Вы такие плохие, что даже жить рядом с вашей деревней я не хочу. Мы с братом уйдем на другой берег реки. И они отправились на другой берег.

Некоторое время спустя Мери, решив отомстить за брата, наслал на людей-птиц ветер и дождь, которые затушили все костры в деревне. Индейцы умирали от холода и попросили у Мери-Солнца огня, чтоб согреться, но Мери им ответил:

— Приходите за огнем сюда. Сколько понадобится, столько и возьмете.

Но индейцы, страшась Мери, ответили:

— А ты перебрось нам огонь через реку.

Взял Мери уголь от костра и бросил его, но так, что он упал в реку и потух.

Видят индейцы, что делать нечего, придется им самим отправляться за огнем, бросились они в воду и поплыли к тому берегу, где жили братья. Мери дал жителям деревни по угольку, а чтобы угольки эти не потерялись и не погасли, пока люди будут переправляться через реку, привязал их к голове каждого. Тем, кто был добр, он сделал повязку посвободнее, а злым привязал угольки крепко-накрепко.

Индейцы вошли в воду и поплыли к своему берегу, стараясь держать головы повыше, чтобы не погасить тлеющие угли. Тут-то Мери и наслал на них сильный ветер, который раздул пламя. Вспыхнули волосы у индейцев. Почувствовав ожоги, они принялись срывать повязки. Добрые их сорвали легко, им лишь слегка опалило волосы. А злые, у которых повязки были завязаны крепко, не смогли от них избавиться, и огонь сжег им волосы и опалил шеи. Мери и Ари, видя все это, смеялись до упаду.

Вот почему у кондоров, урубубу и жабуру лысые головы. А добрые птицы сохранили перья на голове.

МУЖ ЗВЕЗДЫ

Легенда индейцев умутина,
населяющих верховья реки Парагвай

Как-то вечером мужчина, которого звали Сапало, прилег на циновку возле своей хижины и стал смотреть на небо. Увидел он на небе красивую звезду и захотел, чтобы она спустилась к нему в образе прекрасной женщины. И тут же задремал, устав за день. Вдруг кто-то разбудил его, и он проснулся в испуге. Перед ним стояли две женщины.

— Кто вы? — спросил он их.

— Мы те, кому ты приказал спуститься, — ответили женщины.

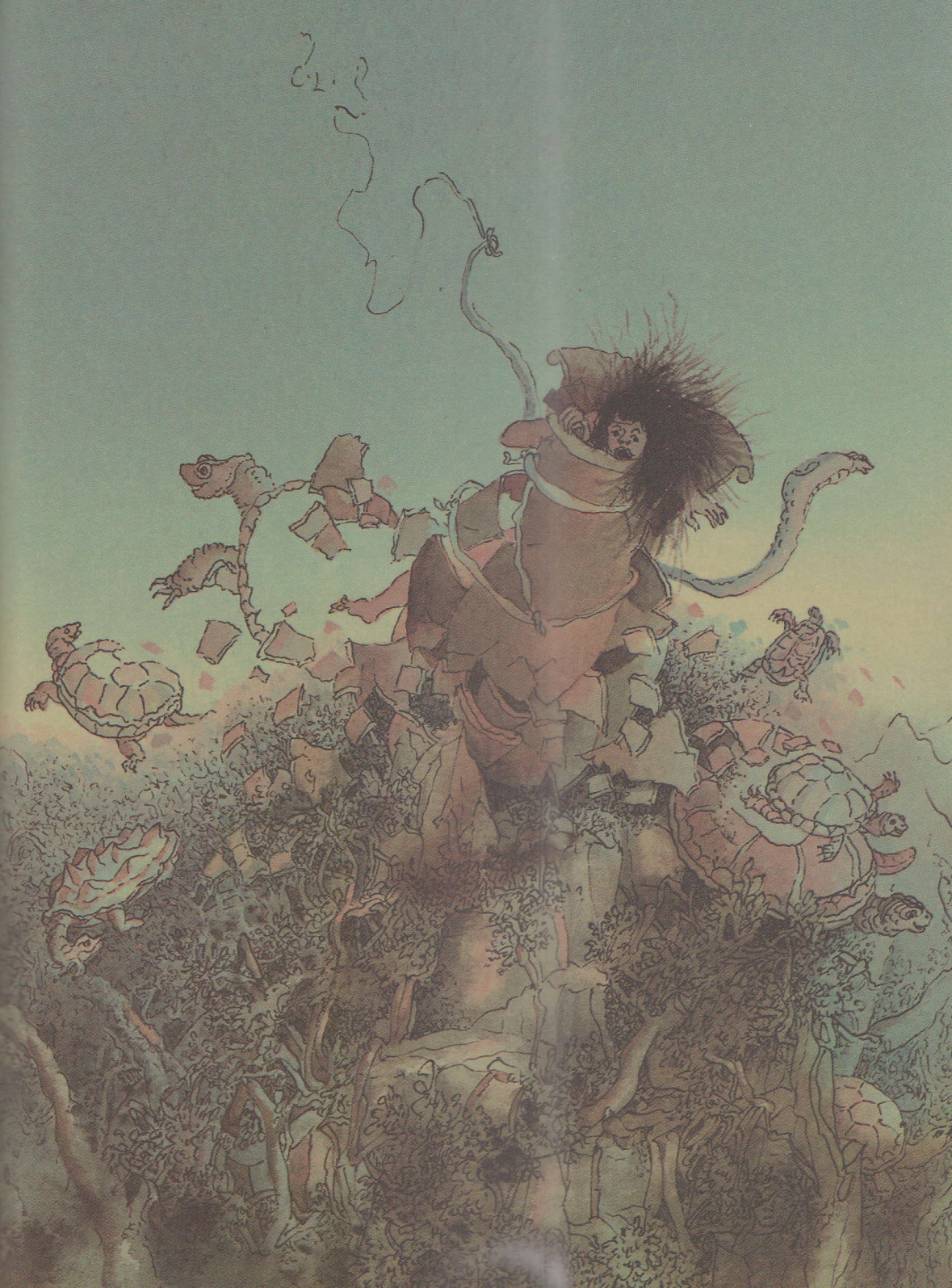
Обе остались с ним. И обе были так прекрасны!.. Сапало отправился на охоту и принес им много дичи. Но женщины отказались есть мясо, сказав, что ничего подобного они никогда не ели, а всегда питались смолой мастикового дерева. Да и животных таких они тоже никогда не видели.

И когда на следующий день он окунул перья птицы мутума в смолу, чтобы сделать себе красивый браслет, женщины набросились на смолу и съели почти всю. А потому Сапало пришлось отправиться вместе с ними на поиски мастикового дерева. Но он не нашел его. Тогда женщины, увидев пальму бакабу, увешанную плодами, заставили Сапало взобраться на дерево, да и сами последовали за ним. Тут дерево стало расти. Сапало попытался спрыгнуть с дерева, но женщины предупредили, что если он это сделает, они выстрелят из лука ему в ягодицы.

И пришлось ему подниматься все выше и выше, пока не исчез он из виду. Женщины поднимались вслед за ним. А дерево все росло и росло. Наконец они достигли неба.

На небе Сапало почувствовал себя очень плохо. Он ничего не ел, ведь все вокруг питались лишь смолой мастикового дерева. Видя, как он мучается, изготовили небесные существа прочную веревку из волокна пальмы тукума и прикрепили к ней огромный глиняный кувшин, чтобы тот мог спу-

ститься в нем на землю. И стали опускать его, а когда веревка, на которой держался кувшин, кончилась, привязали к ней еще одну. А спустя некоторое время небесные жители закричали, спрашивая Сапало, достиг ли он земли.

— Нет еще,— ответил тот.

Тогда, привязав новый кусок веревки, опустили они его еще ниже. И опять поинтересовались, на земле он или нет.

— Пока нет,— ответил мужчина.

Однако, когда до земли оставалось совсем немного, небесные жители веревку отпустили. И кувшин разбился вдребезги. Осколки его превратились в разных черепах, а веревка превратилась в кобру. Так появились на свете черепахи и кобра, которых раньше не было.

Мужчина же на небе так исхудал, что едва держался на ногах. И, возвратившись в родные места, всем рассказывал, что звезды питаются одной смолой, смолой мастикового дерева.

*Мифы
и легенды
о происхождении
растений*

НЬЯРА

Легенда, бытующая среди индейцев
племени кайнганг, живущих
в штате Паранá

Мои предки питались фруктами и медом, а когда того и другого не хватало, страдали от голода. Один седовласый старец, по имени Ньяра, пожалел их и однажды приказал своим зятьям и сыновьям, чтобы они вырубали бамбуковые заросли и деревья. Когда все было сделано, он попросил детей привести его на выжженную пашню; придя туда, Ньяра опустился на землю и приказал своим зятьям и сыновьям: «Теперь несите длинные лианы».

Когда лианы были перед старцем, он сказал: «А теперь накиньте лианы мне на шею, туго затяните и волоките мое тело по земле то в одном, то в другом направлении, — пока я не умру. Потом захороните меня посреди пашни и идите себе в деревню. Пройдет три дня и три ночи, а когда вы вернетесь сюда, то увидите, что земля дала всходы, и, если вы будете каждый год засеивать пашню семенами взрослых на ней растений, вы знать не будете, что такое голод».

Тут родственники старца, разумеется, зарыдали, говоря, что никогда этого не сделают. Однако Ньяра сказал им: «То, что я приказываю сделать, — для вашего же блага. И если вы не выполните мой приказ, то будете жить в вечной бедности, а многие из вас умрут от голода. К тому же я очень стар и устал от жизни». Тогда, не переставая стелать и ры-

дать, они исполнили то, что приказал им старец, и отправились в лес, чтобы поесть диких ягод. Прошло три дня и три ночи, и когда они вернулись на пашню, то обнаружили, что вся она покрыта растениями с острыми листьями, называемыми маисом, бобами и клубникой. А когда семена их созрели, созвали родственники Ньяры своих родных и близких и со всеми поделились семенами.

Поэтому и вошло у нас в обычай три-четыре дня после сева проводить в лесу, есть ягоды и охотиться. Маис выращен на нашей земле, — белые люди нам его не завозили, нет. И зовем мы его ньярой, в память о старце с таким именем, который, принеся себя в жертву, дал жизнь этому зерну.

ЛЕГЕНДА О МАНИОКЕ

У Затимаре и его жены Кокотеро было двое детей: мальчик Зокоойе и девочка Атиоло. Отец любил мальчика и совсем не замечал девочку. Если она окликала его, он отвечал ей только свистом. Никогда не сказал он ей ни единого слова.

В отчаянии Атиоло стала просить мать, чтобы та зарыла ее живой: так, мол, будет лучше для всех. Кокотеро долго не соглашалась исполнить странное желание дочери, но наконец уступила ее мольбам. Она зарыла дочь на лугу, за изгородью, но Атиоло сразу же попросила вырыть ее, потому что тут, сказала она, слишком жарко. И она стала умолять зарыть ее в открытом поле. Мать исполнила и эту просьбу дочери, но и в открытом поле Атиоло не захотела оставаться. И она попросила мать, чтоб та вырыла яму в густом лесу. Мать снова послушалась, вырыла яму и перенесла туда дочку: там Атиоло решила остаться. И она сказала матери, чтоб та уходила, и посоветовала не оборачиваться, если услышит крик.

Кокотеро шла долго, и все вокруг было тихо. Но вдруг она услышала крик дочери. Кокотеро не выдержала и быстро обернулась. И увидела: на том месте, где она зарыла дочь,

вырос высокий зеленый куст. Она повернулась и пошла назад, но как только она подошла поближе, куст сразу же ушел наполовину в землю и превратился в маленькое, слабое растение. Кокотеро выколола траву на могиле дочери. Маленькое растение на глазах становилось все пышнее и пышнее. Через некоторое время Кокотеро вырыла кустик: у него оказался толстый корень, которому Кокотеро и ее муж дали имя Ожакоре, а племя пареси впоследствии стало называть Кете. Это была маниока, которую с тех пор всегда употребляют в пищу люди племени пареси и других индейских племен.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
РАСТЕНИЯ ПИРИПИРИОКА

Легенда индейцев манау,
населяющих берега Рио-Негро

Рассказывают, что давным-давно, когда не было еще в мире зла, а животные умели разговаривать, появился среди них юноша. Земля уже была населена людьми, так что животные решили, что он пришел от людей.

А еще рассказывают, что однажды на берег реки отправились купаться девушки. Здесь-то им и встретился тот самый юноша. Когда они к нему подходили, он удил рыбу. Заметив их, он сразу обратил лицо к небу и закрыл глаза.

А так как ни одной из них еще не доводилось встречать столь красивого юношу, то девушки тут же окружили его и стали расспрашивать:

— Откуда ты родом, прекрасный юноша? Ответь нам! Мы тебя здесь никогда не видели, а могли бы весело проводить время вместе.

Юноша не двигался. Он застыл как изваяние. Тогда одна из девушек подошла к нему и, дотронувшись до его плеча, сказала:

— Открой же глаза и назови свое имя, ведь если ты этого не сделаешь, мы силой уведем тебя в деревню!

Юноша сразу вскочил, открыл глаза и, обведя девушек взглядом, произнес:

— Я Пирипири.

Едва выговорив свое имя, он бросился вперед и, разорвав круг девушек, прыгнул в воду, увлекая за собой трех подружек, чьи платья запутались в леске его удочки. И закричали с берега девушки:

— Не исчезай, Пирипири, ты нам так понравился!

Они подождали, пока он вынырнет, но речная гладь оставалась спокойной. Пирипири так и не появился.

А от той девушки, что прикоснулась к его плечу, вскоре стал распространяться приятный аромат. Аромат этот смешался с ветром, и ветер принес его в деревню.

А Пирипири, пробыв какое-то время под водой, все же показался на поверхности. Он помог девушкам выбраться на берег и, покидая их, сказал:

— Не надо сходить по мне с ума: моя мама не хочет, чтобы я женился, пока пью ее молоко.

Тогда одна из тех девушек спросила:

— А где живет твоя мама? Мы хотим обнять ее, хотим сказать ей: «Ты — счастливая женщина, но кто же зародил в тебе такого сына, прекрасного, как Солнце, ароматного, словно цветок?»

И ответил Пирипири:

— Не могу я ничего рассказать вам, потому что это тайна. Наступит день, когда солнце померкнет в небе, а вода станет белой как молоко — вот тогда люди и узнают, кто я. А сейчас идите себе в деревню, но не говорите людям, что это я сделал вас такими благоухающими.

В это мгновение тело Пирипири обволокли клубы дыма и скрыли его от женщин. Когда Пирипири исчез, они закричали как безумные:

— Не убегай от нас, Пирипири!

С этими криками они двинулись в деревню. По дороге спрашивали у тех, кого встречали:

— Вы не видели Пирипири?

И все им отвечали:

— Мы не знаем, кто такой Пирипири.

Тогда девушки поясняли:

— Пирипири — это юноша, прекрасный, как Солнце, и ароматный, словно цветок.

Тем временем в деревне мужчины тоже почувствовали этот приятный запах. Они говорили:

— Похоже, что мы вдыхаем аромат цветка умиризейро.

Придя в деревню, девушки тут же рассказали, что с ними приключилось. А юноши совсем теряли рассудок, стоило им оказаться рядом с девушками, от которых исходил необыкновенный аромат Пирипири.

Женщины, не источавшие благоухания, стали завидовать им и решили: «Давайте объединимся в поисках Пирипири. Он должен всех нас сделать ароматными, если ему дорога жизнь. Распространимся же по земле и по небу, проникнем в глубину реки и темноту ночи, чтобы найти его».

Так они и сделали.

Прошло несколько лунных месяцев, и та из девушек, что наблюдала за пещерой, увидела Пирипири, направляющегося в ее сторону. Она тут же легла на землю, и Пирипири ее не заметил. Он громко свистнул, и тогда из пещеры, рядом с которой спряталась девушка, вышла ему навстречу олениха. На глазах у девушки Пирипири превратился в олененка и, войдя в пещеру, стал сосать олениху. К вечеру олененок и его мать приняли человеческий облик и направились в глубь пещеры. Когда девушка перестала различать их силуэты, она пошла в деревню, где и рассказала о том, что видела.

Теперь девушки знали, где они могут поймать Пирипири, и договорились пойти туда на следующий день. На рассвете они нарумянились семенами растения урукú, чтобы выразить свое любовное томление, и отправились к пещере. Добравшись, девушки спрятались у входа. Едва стемнело, они увидели Пирипири. Он шел, весело напевая, и мелодия его песни разносилась по всему ущелью. Вдруг девушки заметили, как из пещеры навстречу Пирипири выбежала олениха.

Приблизившись к нему, она высоко подпрыгнула, превратившись в ястребицу, и, схватив Пирипири, полетела с ним, рассекая воздух, на другой берег реки.

Увидев, что мать Пирипири уносит его, девушки бросились на землю и заплакали. Они слышали, как мелодия его песни постепенно затихала. Теперь Пирипири с матерью находились на противоположном берегу, и девушкам пришлось ни с чем вернуться обратно. Тут они вспомнили, что в деревне живет знаменитый колдун, тотчас разыскали его и попросили:

— Милый дедушка, сделай так, чтобы Пирипири стал к нам равнодушен, ведь только ты можешь лишать людей покоя.

Колдун им ответил:

— Я не знаю, кто он, этот Пирипири, поэтому не могу сделать так, чтобы он стал к вам равнодушен.

Тогда девушки сказали:

— Пирипири — это юноша, прекрасный, как Солнце, и ароматный, словно цветок.

— А где он, этот Пирипири?

— Сейчас он на другом берегу реки. Мать унесла его вчера с собой.

— А кто же его мать?

— Она то олениха, то ястребица.

Услышав это, колдун погрузился в молчание. Потом он посмотрел на солнце и сказал:

— Расскажите мне, где живет Пирипири, я хочу снять с него чары, чтобы расколдовать его.

— Он живет в пещере, что находится у подножия горного хребта.

— Ну, хорошо. Здесь действительно неприятно пахнет. Я оставлю то, что снимает волшебные чары и привлечет олениху с сыном. Только покажите мне эту пещеру, и вы сегодня же сможете поймать Пирипири.

Девушки тотчас же повели колдуна к пещере Пирипири. Вскоре колдун отыскал там волос оленя и сказал:

— Вот теперь, когда у меня есть волос, появится и его хозяин.

Он потер волосок о чешую ската, обмакнул в пчелиный воск и произнес следующее:

— Сегодня еще до полуночи хозяин этого волоска должен здесь появиться.

Колдун вернулся в деревню, а девушки остались ждать появления Пирипири. Они договорились, что Пирипири схватят самые юные, те, которых месяц еще не коснулся, остальные будут ловить его мать. Около полуночи, когда вышла луна, они увидели у входа в пещеру две фигуры. Подпустив их поближе, девушки попытались схватить их, но они исчезли. Только повеяло ароматом Пирипири. Необъяснимый страх объял девушек.

Потом они заметили неподалеку от пещеры мать-олениху с олененком. Приблизившись, девушки стали окружать их, думая, что это Пирипири со своей матерью. Вдруг одна из девушек сказала:

— Нет, это не Пирипири с матерью, от них воняет чесноком, как от кобры. Отпустите их!

И олениха с олененком ушли своей дорогой.

Пирипири не появился до рассвета, и девушки вернулись в деревню. Снова разыскав того колдуна, они сказали ему:

— Ты обманул нас. Пирипири так и не появился. Только олениха с олененком проходили мимо, но от них несло как от кобры.

А колдун ответил:

— Так разве я обманул вас? Вы же сами говорите, что туда пришла мать-олениха со своим сыном. Разве это не мои чары привели их к вам? Если вы по-прежнему хотите расколдовать Пирипири, то обратитесь к моему сыну Супи, я уже слишком стар.

Тогда девушки спросили:

— А ты знаешь, где живет твой сын Супи?

— Знаю.

— Почему же он нас избегает?

— Супи избегает вас, так как боится, что вы ему причините вред. Я хочу его исцелить от всего земного, тогда он сможет заменить меня. А вы, что вы сделали с ним? Все вы требовали его любви, он почувствовал ваши недобрые мысли и скрылся.

— И где же он сейчас?

— На вершине Серры-де-Арубане.

— А как нам переговорить с ним?

— Я сам разыщу его. Но предупреждаю: ни одна из вас не должна выказывать ему свою любовь, иначе вы его потеряете.

И девушки обещали:

— Мы все сделаем так, как ты велишь.

Тогда колдун сказал:

— Ждите меня здесь. Я пойду за Супи.

Он ушел, а девушки принялись жалеть себя:

— Ну, какие же мы несчастные! Нам нельзя любить Супи, самого красивого юношу наших земель! Страсть женщины принесет ему горе: ведь если он полюбит одну из нас, то отец его ослепнет. Бедный Супи, несчастные мы, несчастные! А теперь еще и Пирипири! Как прекрасен его взгляд, как весела его песня! А он убегает от нас! Он тоже нас боится. Пусть он останется! Супи отдаст его нам, и тогда мы завоюем его сердце.

Когда солнце уже садилось, они увидели, как Супи и его отец спускаются к ним с Серры-де-Арубане. Девушки обрадовались, что им удастся увидеть Супи и с его помощью поймать Пирипири. Подошел же к ним один Супи. Он сказал:

— Отец прислал меня к вам. Говорите скорее, что вы хотите, потому что я спешу вернуться обратно.

Девушки ответили:

— Супи, мы хотим, чтобы ты отдал нам Пирипири. Пирипири так нам понравился, но он исчез...

— Ах, так вам, оказывается, нужен Пирипири?

— Именно он!

— Так, так... Сегодня в полночь Пирипири с матерью придут ночевать в пещеру; они должны проснуться на рассвете, чтобы успеть переправиться на другой берег реки. Когда ночная птица мурукутуту́ запоет в вечерней тишине, я начну окуривать пещеру, чтобы Пирипири с матерью крепко уснули, а вы могли схватить их. Ну, теперь вы знаете, что вам делать, и я могу уйти. Встретимся у пещеры.

С этими словами Супи исчез в направлении Серры-де-Арубане. Девушки приготовились следовать за ним. Тот, кто услышал бы их разговоры, узнал бы, как Пирипири окажется у них в руках.

В полночь девушки были у пещеры. Там они встретили Супи. Взгляд его был прикован к луне. Когда спустилась ночь, они услышали знакомый напев. Нанев этот обрадовал девушек. Но вдруг песня затихла. Две человеческие фигуры вошли внутрь пещеры. Супи не шевелился, девушки не дышали. Тут они увидели пламя костра и перед ним возникли Пирипири с матерью, которые располагались спать на мхе. От их тел исходил приятный запах. Когда Супи понял, что они уснули, он повернулся к девушкам и сказал: «Ну вот вам Пирипири со своей матерью!» И исчез.

Оставшись одни, девушки тихонько подошли к спящим. И увидели, что мать Пирипири так же прекрасна, как и он. Тогда самые юные девушки, которых месяц еще не коснулся, набросились на Пирипири, другие схватили его мать и связали обоих. Пирипири приоткрыл глаза, обвел девушек взглядом и, усмехнувшись про себя, снова закрыл их. Когда мать Пирипири почувствовала, что люди связывают ее, она попробовала сесть и возмутилась: «Кто вы такие, что смеете досаждать нам? Что надо вам от меня и моего сына? Вы похожи на назойливых мух, что пристают ко всем». Девушки думали, что Пирипири спит, крепко связанный, а тот неожиданно произнес:

— Мама, мне приснилось, что туча мух напала на меня и тащила куда-то. А я будто взмахнул руками и стряхнул их.

В тот момент, когда Пирипири говорил: «я будто взмахнул руками», он на самом деле, расправив плечи, тряхнул руками, и связывавшая его веревка порвалась.

Девушки хотели было снова связать Пирипири, но, увидев его гладкое тело, замерли. Аромат Пирипири пьянил их. И сказала его мать:

— Запомни, сын мой: если ты позволишь хоть одной из них прикоснуться к своему телу, — ты погибнешь! Прикосновение женщины, которая разделит с тобой ложе, принесет тебе несчастье! Беги же скорее от этих мух, укройся на небесах!

Услышав, что говорит мать Пирипири, девушки возмутились:

— Нечистая сила! Еще вчера мы видели, как ты превращалась в самку оленя, а теперь волнуешься, как бы твой сын не сделал кого-нибудь из нас женщиной!

Тут Пирипири рассердился и сказал:

— Так зачем же вы пристааете к сыну оленихи? Оставьте меня! Не докучайте больше!

Слова эти огорчили девушек, и они замолчали. Вдруг в тишине раздался голос:

— Пирипири, соберись с духом и беги от этих безумных. Настанет день, и станешь ты веселым как птица, и жена у тебя будет столь же прекрасная, как ты сам. А сейчас — беги!

Девушки повернулись в ту сторону, откуда слышались эти слова. Приглядевшись, они увидели огромного ежа, притаившегося за одним из наростов на стволе дерева, и сказали ему:

— Это ты про нас говоришь? Ну, погоди! Когда будет пойман Пирипири, мы и с тобой разделаемся!

Пригрозив ежу, обернулись девушки к Пирипири, но тот исчез, оставив в руках одних точильный камень, а в руках тех, кто хотел схватить его мать, по клоку ваты.

Испугались девушки, подбежали к ежу и закричали:

— Ах, это ты, проклятый обманщик, помог им скрыться! Ну, ты у нас заплатишься за свои козни!

И только собрались схватить ежа, как он превратился в белую летучую мышь и улетел, тихонько над ними посмеиваясь. Девушки просто онемели, застыв в оцепенении.

Когда они пришли в себя, то покинули пещеру и отправились на поиски Супи. Они поведали ему, что произошло, все по порядку. Супи внимательно выслушал их, а потом сказал:

— Видите, сколько глупостей наделали вы всего за несколько часов! Если бы вы были поумнее, то Пирипири был бы давно у вас в руках! Ведь стоило одной из вас прикоснуться своими волосами к его телу, как он сразу потерял бы рассудок! А теперь он относится к вам с недоверием, и обмануть его будет очень трудно. Придется нам ждать новолуния.

Девушки молча, не сводя взгляда с Супи, выслушали его. Глаза их блестели. Вдруг самая красивая из девушек, по имени Пурэ, спросила:

— Ответь нам, Супи, почему ты прячешься от нас, как дикий зверь? Кто еще может полюбить тебя так, как любим мы, — всем сердцем? Ты же издеваешься над нами и уходишь в горы, смеясь над нашим несчастьем. Ты видишь, сколько усилий мы тратим, чтобы завоевать любовь Пирипири, а ведь ты сам мог бы утешить нас.

Супи слушал молча то, что говорила Пурэ. Когда она кончила, он сказал:

— Ты права, Пурэ. Но меня твои слова не трогают, потому что сердце мое далеко отсюда. Если я полюблю вас, это принесет горе моему отцу: он сразу ослепнет, да и я тоже. Поэтому я скрываюсь в горах. Душа моя принадлежит звездам, она летает в порывах ветра. Сейчас же перед вами — лишь моя оболочка. А теперь, когда вы узнали мою тайну, перестаньте домогаться моей любви!

С этими словами он исчез. Все вокруг погрузилось в глубокую тишину.

Только с берега, где Пирипири обычно удил рыбу, доносился веселый напев, нарушающий тишину ночи.

Прошло несколько дней, и вот около полуночи, когда появилась луна, перед девушками предстал Супи и сказал:

— Глубокой ночью, когда луна осветит небосвод, вы все должны быть на берегу. Слушайте внимательно: я появлюсь там вместе с Пирипири. Притаитесь и не шумите, иначе он заподозрит что-то неладное. Пусть у каждой из вас будет в руках длинная прядь волос, чтобы можно было поймать Пирипири.

Когда луна была совсем высоко, девушки отправились к реке. Супи уже был там и удил рыбу. Вскоре рыба блеснула на крючке, Супи вытащил ее и закопал в песок, потом присел рядом. И вот потихоньку рыба эта стала превращаться в человека. Когда луна осветила лицо этого юноши, оказалось, что это Пирипири. Девушки бесшумно приблизились, и подойдя к Пирипири, обвязали его своими длинными волосами. Пирипири не двигался. Взгляд его был устремлен ввысь, и он пел. Этот веселый напев постепенно замирал вдали.

Тогда девушки сказали Супи:

— Мы связали Пирипири. Но он ничего не чувствует. Поет себе и все.

Супи ответил:

— Так оно и должно быть. Когда Пирипири поет, душа его принадлежит звездам. Поэтому не прикасайтесь к нему во время пения, иначе душа его встрепетается, покинет тело и окончательно переселится на небо. А вот когда он кончит петь, вы сможете увести его домой.

Объяснив девушкам, что надо делать, Супи отправился в деревню. Всю дорогу он посмеивался.

Женщина по природе своей нетерпелива, а потому девушки вскоре принялись звать Пирипири.

А Пурэ сказала:

— Подруги мои, мне кажется, Супи рассказал нам неправду о Пирипири. Он обманывает нас. Поэтому я хочу разбудить Пирипири, чтобы поговорить с ним.

И Пурэ дотронулась до плеча Пирипири, чтобы сказать ему что-то на ухо. Пирипири тотчас замолчал. Луна потемнела, резко подул холодный ветер. Девушки и не заметили, как их обьял сон. Проснулись они, когда луна уже ис-

чезла с неба. И стали искать Пирипири. Но на том месте, где он стоял, они обнаружили лишь какое-то растение. Когда солнце осветило все вокруг, Пурэ сказала:

— Подруги мои, Супи издевается над нами: вместо Пирипири он оставил нам это растение. Пойдем к нему и скажем, что нехорошо так насмехаться над нашим несчастьем. Разыскав Супи, они закричали:

— Ну что, Супи, тебе опять удалось обмануть нас? Зачем ты вырвал Пирипири из наших рук! Почему на том месте, где он стоял, появилось какое-то растение? Ах, Супи, ты издеваешься над нашим горем! Смотри: мы плачем! Верни же нам Пирипири, чтобы утешились наши сердца!

Тогда Супи спросил девушек:

— А что вы сделали с Пирипири? Почему он вдруг исчез?

Пурэ ответила ему:

— Ты же видел, как он стоял там, напевая. Когда начало рассветать, я захотела увести Пирипири в деревню. Вот я и решила тихонько сказать ему об этом. Нечаянно я дотронулась до его плеча. Он сразу замолчал. И тут всех нас кто-то вдруг усыпил. Когда мы проснулись, Пирипири уже не было. Только на месте, где он стоял, выросло дерево, такое же ароматное, как он сам.

Тогда Супи опечалился:

— Бедный Пирипири, несчастный! Не пришло еще твое время любить. Рука женщины погубила тебя. Теперь он там, на небе, где-то среди Трех Марий созвездия Ориона. И смеется над нами!

Пурэ слышала, как Супи разговаривал с собой, и перебила его:

— Так что же, Супи, он не вернется больше?

— Да, Пирипири больше не вернется. Теперь он живет на одной из самых красивых звезд. Там тоже есть прекрасные девушки, которые захотят выйти за него замуж.

Тут Пурэ, почувствовав, что силы покидают ее, зарыдала, а вслед за ней заплакали и остальные. Супи же спустился к

реке, присел рядом с растением, выросшим на том месте, где стоял Пирипири, и произнес:

— Ничего не осталось от человека по имени Пирипири. В память о нем выросло это растение, такое же ароматное, как он сам. Я-то знаю, Пирипири, что ты там смеешься над нами, людьми этой земли. Сегодня беспокойно у меня на сердце. Ведь это я, Супи, направлял действия девушек. И все ради того, чтобы избавиться от их безумной страсти.

Супи еще не кончил говорить, а девушки уже были рядом с ним, Пурэ спросила:

— А что нам теперь делать с этим растением?

И Супи ответил:

— Ведь это Пирипири превратился в растение, пахучее, как он сам. Если женщина хочет стать веселой, стройной и ароматной словно Пирипири, пусть омоет свое тело настоем из листьев и корешков пирипириоки.

Услышав, что говорит Супи, девушки тотчас же принялись обрывать листья растения. Только Пурэ, беседовавшей с Супи, ничего не досталось.

Супи тоже выдернул отросток, намереваясь посадить его рядом с растением.

Так как Пурэ осталась с пустыми руками, она снова обратилась к Супи:

— Послушай-ка, Супи! Только мне не досталось пирипириоки. Я не хочу стать посмешищем в глазах других: ты посадишь для меня растение!

И она бросилась, чтобы обнять Супи. В это мгновение Супи исчез, а Пурэ упала в объятия огромной жабы, оказавшейся на его месте.

Супи бежал к деревне. За ним пустились и девушки.

На рассвете следующего дня все они вернулись с реки стройные, пахучие и веселые. Мужчины спрашивали их:

— Что это с вами сегодня случилось? Все вы такие красивые, ароматные и веселые!

А девушки отвечали:

— Мы искупались в настое пирипириоки.

КАК ПОЯВИЛАСЬ ПАЛЬМА ПАШИУБА

Легенда, бытующая среди индейцев-йауна,
населяющих берега реки
Апанорис

Когда-то давным-давно из страны Солнца, возникающего из бескрайнего водного пространства, пришел мальчик; он пел так чудесно, что со всех концов стали стекаться люди, чтобы послушать и посмотреть на него. Звали мальчика Миломаки.

Но кому доводилось услышать его песни, возвратившись домой, умирали, стоило им съесть какую-нибудь рыбу. Тогда родственники погибших схватили Миломаки. К тому времени он уже стал юношей. Развели они огромный костер, чтобы сжечь его как колдуна, умертвившего их близких. Однако Миломаки до последней минуты продолжал петь свои прекрасные песни, а когда языки пламени объяли его тело, он пропел: «И вот я умираю, мой сын, я покидаю этот мир...»

Тело Миломаки напряглось, приняв весь жар пламени, но все звучал его чудесный голос: «И вот исчезает тело мое, теперь я мертв...»

И тело его превратилось в пепел. Он умер, поглощенный пламенем. Но душа Миломаки воспарила на небо. И случилось так, что в тот же день из праха его вырос продолговатый зеленый росток, увеличивающийся не по дням, а по часам. Он тянулся все выше и выше и чуть ли не на следующий день превратился в высокое дерево. Так появилась первая пальма пашиуба. Раньше таких пальм не было. Из дерева пашиубы люди начали изготавливать большие флейты, воспроизводившие прекрасные мелодии песен, которые пел в былые времена Миломаки.

Даже в наши дни, когда в сельве созревают фрукты, мужчины всегда играют на флейте, танцуя и соблюдая воздержание, в память о Миломаки, давшем жизнь фруктовым деревьям. Однако женщины и дети не должны смотреть на эти флейты,— иначе им суждено умереть.

КУКУРУЗА

В полях становилось все меньше и меньше животных. В реках и озерах все реже и реже можно было увидеть спины серебристых рыб. Деревья уже не приносили плодов, исчезли и большие звери: ягуары, грызуны капивары, тапиры, олени, муравьеды. В вечернем воздухе уже не слышалась перекличка птиц жаку и птиц макуко: фруктовые деревья засохли.

Индейцы, которые в ту пору еще не обрабатывали землю, совсем обеднели. Из их селений ушла радость, которую приносило им изобилие былых времен. Грустно выглядели их хижины. Опечаленные старики целый день спали на циновках, они надеялись, что бог Тупа ниспошлет им бочонок меду. Женщины сидели в кругу на земле и жаловались на свою бедность. Печальные юноши дремали с пустыми желудками. А мужчины от нечего делать бродили по лесам, где уже некого было ловить с помощью лассо, ловушки или капкана. Зачем они были теперь им нужны? Время стерло следы на охотничьих тропах — следы, оставленные в другие месяцы, в другие, более счастливые времена.

Люди так ужасно страдали, что однажды на лесной поляне два друга-индейца из племени гуарани решили попросить помощи у Великого духа — у Ньяндейары. Оба хорошо знали, что для того, чтобы дух внял их мольбам, необходимо принести жертву. Но какую? Они готовы были пойти на самые страшные испытания, лишь бы не видеть, как их племя, их родичи умирают от истощения оттого, что у них нет пищи.

Приняв такое решение, оба индейца растянулись на выжженной лужайке и стали ждать. Настала ночь. На землю спустилась тягостная тишина, тягостная, ибо не слышно было голосов живых существ. Внезапно в двух шагах от наших индейцев возник посланец Ньяндейары.

— Чего вы хотите от Великого духа? — спросил он.

— Мы просим какой-нибудь новой пищи для нас самих и для наших семей, ибо дичь, рыба и плоды, видимо, исчезли с лица земли.

— Хорошо, — молвил посланник. — Ньяндейара согласен внять вашим мольбам. Но для этого вы должны бороться со мной до тех пор, пока слабейший из нас не расстанется с жизнью.

Оба индейца приняли это условие и бросились на посланца Великого духа. Сначала слышалось только тяжелое дыхание борцов, глухие удары падающих на землю тел да шуршание песка, разбрасываемого ногами и сыплющегося на траву. Вскоре, однако, слабейший из индейцев поднял руки, схватился за голову и повалился на землю...

Он был мертв. Его друг в глубоком горе похоронил его неподалеку от места схватки.

Наступила весна, и, словно силою волшебства, на могиле погибшего индейца по имени Ауати выросло прекрасное растение с большими зелеными листьями и золотистыми колосьями. В память индейца, который пожертвовал собой для блага своего племени, гуарани называли это растение — свою новую еду — кукуруза ауати.

ТРАВА МАТЕ

Военные гимны раздавались в лесу, и Итабаете шел со своими воинами в поисках места, где можно было бы расположиться большим лагерем. В путь двинулось все племя; глаза людей сияли победным блеском. И только один человек, удрученный годами, не смог пойти со всеми вместе. Плача, остался он на вершине холма и следил глазами за цепочкой воинов, которая змеилась по дорогам. Даже когда племя скрылось в густом лесу, старик индеец все еще стоял безмолвно, как статуя, и со всех сторон его обступили воспоминания о минувших боях. Мысленно он возвращался в те времена, когда рука его была рукой самого грозного воина в племени, когда его стрела была самой меткой, а его глаза — самыми зоркими глазами, которые пронзали безбрежную ночь. Теперь он состарился, ослабел и был вы-

нужден бесцельно бродить по бескрайним лесам. В утешение ему остались лишь воспоминания да красота Иари — самой юной и самой прекрасной из его дочерей, которая осталась глуха к зову множества влюбленных в нее воинов и предпочла остаться со стариком отцом, чтобы усладить последние часы его жизни медом своих улыбок.

Однажды в хижину старого гуарани пришел чужестранец в цветной одежде; глаза его заставляли вспомнить о голубизне небес над дальними краями. Гуарани тотчас же заметил, что человек этот пришел из далеких земель, которые простирались по ту сторону лесов Маракажу, — лесов, в которых в былые времена он, гуарани, с восторгом прорубал тропы при переходах своего племени на новое место. Шкура, служившая дверью его хижины, поднялась, чтобы впустить пришельца. Иари принесла из рощи самые лучшие плоды и самый лучший мед маленьких пчелок. А ее престарелый отец, слегка прищуриль глаза, чтобы лучше видеть далекие времена, богатые подвигами, вепоминал случаи из своей юности, и его самого вдохновляло это повествование об опасных охотах и победоносных сражениях. Отец и дочь сделали все для того, чтобы усладить чужеземцу те часы, которые он проведет в их хижине.

На землю спустилась ночь, и для гостя повесили гамак, который должен был служить ему ложем. Во сне гость слышал нежный голос девушки, которая пела песни гуарани. И на следующий день, когда солнечные лучи проникли сквозь самые низкие ветви деревьев, отец и дочь увидели, что чужеземец уже готов снова отправиться в путь.

— Руки твои щедры, как хрустальные потоки вод, — сказал он старику индейцу. — Сердце твое гостеприимно, как бескрайние равнины Шарруа, где пролегает множество дорог, по которым так отрадно идти путешественнику; твоя дочь чиста, как светлые источники и счастливые утренние зори моей земли. Столь великие добродетели заслуживают награды. Я иду из владений доброго бога Тупы. Проси же у меня чего хочешь!

— Я не заслуживаю, чтобы ты что-либо сделал для меня, господин,— отвечал гуарани.— Но так как Тупа, по бесконечному милосердию своему, пожелал, чтобы ты простер свои руки над этой бедной хижинкой, я попросил бы, чтобы ты вдохнул в меня мужество для тех последних шагов, которые пройду по моему земному пути. Было время, когда я вел по дорогам войны бесчисленное множество воинов; сегодня рядом со мною только моя дочь — единственная отрада последних дней моей жизни. Я желал бы иного спутника, который доставил бы радость моим устам и давал покой сердцу. Спутника, который стал бы моим последним другом, моим верным другом. Тогда Иари могла бы пойти по тропе нашего племени, юноши которого жаждут ее любви, чтобы с нею уверенно идти дорогой победы. Вот о чем я прошу, господин: дай мне верного друга, товарища, который усладит мне горькие часы, часы тоски...

Посланец Тупы улыбнулся. В руках его засияло чудесным светом растение с зелеными листьями, источавшее аромат добра,— быть может, это и был аромат самого Тупы.

— Вырасти эту траву и пей настой ее листьев,— сказал посланец бога.— Пей настой ее листьев, и ты получишь товарища, которого просишь! Эта трава, которую я принес по милости Тупы, разрастается по лесам, неся с собой утешение не только тебе, но и всему твоему племени. А ты, Иари, станешь покровительницей лесов, которые вырастут на вашей земле. Воины изведуют сладость твоих ласк, после того как испробуют этот напиток, и дороги войны станут для них легче, а дни отдыха — отраднее...

И, уже отойдя от хижины, посланец Тупы повторил:

— У тебя будет верный товарищ, старый вождь гуарани... А ты станешь покровительницей своего племени, Каа-Иари...

И с тех пор Каа-Иари стала повелительницей трав и богиней сборщиков трав. Каждый, кто верен ей, получает от нее любую помощь. А если какой-нибудь сборщик трав не удовольствуется ее покровительством и захочет увидеть своими глазами щедрость ее рук, он сможет заключить с ней священ-

ный договор. Он должен будет пойти на страстной неделе в церковь просить руки Каа-Иари и принести клятву, что всегда будет жить в лесу, где растет трава мате, поклоняться только своей богине и никогда не любить других женщин... Потом он оставит в веточке мате записку, в которой назначит день встречи с прекрасной покровительницей лесов. В назначенный день он проникнет в глубь рощи, где Каа-Иари испытает его мужество, насылая на его путь змей и хищников. И если сборщик трав проявит храбрость и силу, преодолев все опасности, он получит от Иари награду.

Вся его жизнь будет заполнена любовью юной богини. Ночи его будут полны наслаждений, а дни — изобилия. Леса, где растет мате, сбросят листву и наполнят отрадой кожаные пастушьи сумки, ему самому не придется ударить и пальцем о палец. Когда мате будут взвешивать, Каа-Иари, невидимая для всех, кроме своего возлюбленного, сядет на охапки травы, увеличивая вес урожая. Счастье сборщика будет бесконечным!

Да, бесконечным... если только он не изменит своей клятве... Ибо если какая-нибудь женщина сумеет совратить его, она своими ласками навлечет на него немилость богини. В один прекрасный день или его найдут в лесу мертвым, и никто не сможет объяснить, почему он умер, или же он будет бегать по лесам жалким безумцем!

Такова месть Каа-Иари! Она не прощает никогда!

КАК ПОЯВИЛИСЬ ПЛОДЫ

В древности, когда мир только еще зарождался, мы были похожи на животных и даже ели, как и они, траву, щавель, зеленые побеги кустарника, ползучие растения. Люди сажали кусты и собирали с них свежие листочки. А больше ничего не было: ни плодов, ни цветов, ни маниоки — в общем, ничего из того, что мы едим сегодня, не было и в помине. Порой разве только ветер, да и то из злого озорства, приносил

на землю обольстительный и аппетитный запах фруктов. Всем, кто чувствовал его, сразу же нестерпимо хотелось отведать неведомое яство. Некоторые, как безумные, бежали на этот соблазнительный аромат. А лукавый ветер был переменчив и обманывал людей. И никому так и не удавалось узнать, откуда исходит этот сладостный дух. Порой казалось, вот он уже здесь, близко — ан нет, возьмет и потянет им совсем с другой стороны.

Не только людей дразнил этот одурманивающий аромат, но и животных, у них тоже слюнки текли.

Сказывают, что в те времена в лесу рос съедобный кустарник, и какой-то зверек постоянно объедал с него зелень.

Хозяин кустов решил выследить вора.

И вот как-то ранним утром увидал он крысу гуабиру, она пробралась в самую гущу кустов и принялась объедать их. Тут хозяин подкрался к воровке и ловко схватил ее — в ту же минуту аппетитный запах ударил ему в нос.

— Так это ты обгладываешь мои кусты? — сердито спросил хозяин. — Вот убью тебя, чтоб неповадно было разорять чужие посадки.

А запах, упоительный запах, стал еще сильнее. И человек решил сменить гнев на милость и предложил:

— Слушай, если ты откроешь мне, где растет дерево, плоды которого ты ешь, убивать тебя я не стану. И ты сможешь приходить на мой участок, когда захочешь.

Тогда, говорят, крыса ответила:

— Ладно! Пойдем к реке. Там на берегу растет огромное дерево с чудесными плодами.

Пришли они к водопаду Уаракаоури, что на Алто-Буопе, и гуабиру сказала:

— Видишь большое дерево? Оно все сплошь усыпано вкуснейшими плодами, но отведать их могут только обезьяны акутипуру. Вот упавший плод — попробуй надкуси его. Ну как, понял теперь, что крадут у нас эти обезьяны?

Бросился тогда тот человек домой и рассказал всем людям про удивительное дерево.

И решили люди срубить его, пока акутипуру не пожрали все плоды.

Когда топоры уже застучали по стволу, послышался гневный голос Уанскена, хозяина дерева:

— Какой глупец разгласил, что плоды съедобны? Они ведь еще не созрели. Остановитесь! Я должен знать, кто посмел это сделать!

Спустился он с дерева и нашел на земле шелуху от маниоки, а на ней увидел следы от зубов обезьян акутипуру.

И сказал:

— А! Так это вы совсем потеряли ко мне уважение! Ну что ж, спали вы на вершине дерева, а проснуться придется у его корней.

Быстро вложил он стрелу в духовую трубку и отыскал в гуще листвы акутипуру.

Светила луна, и светло было как днем.

Уанскен прицелился в ветку, и вскоре прикорнувший на ней зверек свалился вниз. Камень, на который он упал, ушел под землю.

Тогда Уанскен сказал:

— Какой же ты глупец, что испортил плоды, ведь в назначенное время их получили бы все. Ну, да делать нечего. И вам, и людям, как видно, придется поголодать, вот тогда и поймете, как вы сами себя наказали.

И исчез.

На рассвете собрались люди под деревом и до самого восхода луны ждали, пока оно упадет. В середине водопада Уаракапури до сих пор виден огромный камень. Говорят, это остатки того самого дерева. Когда наконец оно упало, все кинулись собирать маниоку, колосья, маис, бобы. Набросились и птицы на плоды разных пальм и орехи. Растащили всевозможные фрукты, бобы — все, что могли подцепить, и животные. Последним, говорят, пришлепся тапир, ему достались только плоды остролиста, но он и их утащил.

Вот как прадедушка акутипуру навредил нам всем и лишил добрых урожаев.

Если бы не он, у нас всегда были бы в изобилии отборные плоды и фрукты.

Ведь они должны были дозреть, а уж тогда щедрый Уанскен подарил бы их людям и нам не пришлось бы в поте лица работать, расчищать вырубку, сажать растения.

Но вмешался акутипуру, и плоды, которые мы могли бы в должное время получить спелыми и сладкими, оказались зелеными и кислыми.

Так была predetermined наша судьба и положено начало тяжкому труду людей на земле.

АМАО (КАМАНАО)

В незапамятные времена объявилась среди живых существ красавица, еще не знавшая мужчины, имя девушки было Амао, а некоторые называли ее Каманао.

Как-то раз вечером вышла Амао на берег реки и присела на землю. Сидела она, сидела и вдруг видит: плывет мимо стайка рыбешек с яркой, сверкающей чешуей. Так понравились рыбки салмлеры Амао, что опустила она руку в воду и поймала одного. Схватила, а салмлер у нее в руках стал расти, расти и сделался большим и сильным, овладел девушкой, а потом бросился в воду и исчез.

С тех пор у Амао начал расти живот, и, когда пришло время, родила она мальчонку. И вот однажды — ребенку тогда было два месяца — отправилась Амао вверх по реке на рыбную ловлю, а сына оставила на камне.

Вернулась Амао в полдень и тут увидела, что мальчик умер. Перенесла она тело ребенка в свое жилище и проплакала над ним всю ночь. А на рассвете услышала его голос:

— Посмотри, мама, как смеются над нами звери и птицы. Это они напугали меня до смерти. Чтоб неповадно им было издеваться над тобой, окури их древесной смолой, и они превратятся в камень.

Больше ничего мальчик не сказал.

Днем Амао похоронила сына, а к полуночи все звери обратились в камень.

Сказывают, что к утру окаменели и жаба, и птица кужубин, и выдра. Только змея, рыба скат, лесная свинка и тапир избежали общей участи, потому что отправились на охоту к истокам реки.

Но Амао поднялась к верховьям и нашла там спящих под большим камнем тапира и свинку. Убила она зверей, а потом разорвала их на кусочки и выбросила в реку; оставила только бедро тапира и ляжку свиньи, положила их на большой камень, и вскоре они тоже обратились в камень.

Змея и скат охотились в глубине реки, потому Амао и поставила сети. А ночью слышит: кто-то бьется в сетях. Пошла она на берег и увидела, что скат и змея попались в ловушку.

Кинула Амао в них кусок смолы, и они тут же окаменели.

Потом Амао возвратилась к своему народу, чтобы обучить его всяким поделкам. Она села у очага и стала показывать, как печь лепешки, делать муку и многое, многое другое.

Обучив всему, Амао исчезла, и никто не знал, куда она ушла.

ЛЕГЕНДА О ВИКТОРИИ РЕГИИ

Случилось это, как сказывают старые ведуны, на заре мира в одном первобытном племени, в середине года, когда двуполое божество Луны было в мужском облике. И Месяц только делал вид, что уходит за горизонт, а на самом деле укрывался среди гор и соединялся там со счастливыми девушками, которых избирал себе в жены на земле.

Старики говорили, что неизъяснимое очарование этих брачных ночей можно себе только вообразить, а человеческий язык не в силах описать их.

Дивные грезы о божественном супруге околдовали светлокожую, золотоволосую красавицу Найу, дочь почтенного

вождя племени. Когда наступала ночь и сон окутывал поселок, а влюбленное божество низко клонилось к земле и будто касалось отдаленных горных вершин, обезумевшая Найа взбиралась на холмы, томясь желанием отдаться искрящимся, светоносным ласкам, о которых поведали старцы.

Они сказывали, что поцелуи двуполого божества претворяли в свет тела избранных девственниц, бледнел от его прикосновений алый цвет девичьей крови, таяла свежая розовая плоть. А божество скрывалось, унося счастливых возлюбленных в сладострастных объятьях, а потом покидало своих невест, уже лишенных смертной оболочки, на брачном ложе высоких облаков.

Так рождались звезды.

Страстно мечтала Найа избавиться от грубой земной плоти ради вечного божественного бытия на небе.

Ночами бежала она за лунным лучом, но все время обманывалась: стоило ей подняться на одну вершину, а ее легконогий возлюбленный уже склонялся над соседней, и с каждым разом он казался ей пленительнее прежнего, но неизменно ускользал от ее болезненной страсти.

В тоске и мучениях увядала Найа. Ведуны паже пробовали излечить девушку, искусно готовили для нее неведомые любовные напитки, заговаривали хворь. Но ничто не помогало. Ничто не могло излечить от любовного недуга. Найа жила одной лишь надеждой на то, что Луна откликнется на ее мольбы, на ее страсть.

Все ночи напролет проводила безумная девушка среди холмов, то распростершись на залитых лунным светом склонах, то карабкаясь вверх, то срываясь порой с откоса, и смеясь, и рыдая, а иногда напевая что-то в бреду.

Однажды, когда безумие совсем затуманило ее рассудок, увидела Найа в безмятежно спокойном зеркале горного озера искрящийся образ супруга своих грез. Влекомая любовью и безумием, обманутая отражением вечно ускользающего возлюбленного, кинулась она в озеро, простирая в тоске руки, чтобы обнять наконец своего желанного.

Много дней потом в сумрачных лесах бесплодно искали пропавшую Найу люди ее племени.

Но в те времена боги были добры и милостивы. И потому породившая реки, рыб и водные растения Луна пожелала вознаградить девушку за страшную жертву. Нет, двуполое божество не вознесло ее на небо, а превратило в «звезду вод», претворив лилию ее души в царственный цветок, дивную торжественную песнь красоты и аромата.

Из белоснежного, измученного тела несчастной индианки возникло таинственное растение; безграничная чистота любящей души распустилась огромным благоухающим цветком, а боль, терзавшая бедную девушку, стала шипами, охраняющими его. Щедрый творец увеличил, как только возможно, листья гигантской водяной лилии, чтобы она могла полнее чувствовать ласки лунного света, нежные прикосновения своего возлюбленного.

Ночами Найа раскрывает легкий наряд длинных лепестков и принимает на брачном ложе недвижных вод опаловые поцелуи лунного света.

Так родилась Виктория Регия.

ЖЕНЫ ВАЙТСАУЭ

Вайтсауэ заподозрил, что жены ему изменяют. Целыми днями они пекли лепешки из мелко размолотой муки, а мужу доставались только простые кушанья из грубой муки и маниоковой шелухи. И вот Вайтсауэ стал следить за женами, чтобы разузнать, для кого готовится лучшая еда. Как-то раз сказал он, что идет охотиться, а сам спрятался неподалеку от хижины в яме.

Напекли женщины лепешек из тонкой муки и, прихватив их, направились к роще. Они и не подозревали, что муж крадется вслед за ними. В роще женщины принялись звать:

— Найтека! Найтека! Найтека!

Они кричали так, пока не появился большой крокодил.

Женщины досыта накормили его лепешками и сладкой маниоковой кашей. А потом принялись ласкать и целовать.

Спрятавшись, Вайтсауэ все видел и тут же придумал, как убить любовника своих жен.

Соорудил он помост на том самом дереве, под которым женщины встречались с крокодилом, нарезал крепких ветвей пальмы бурити и вернулся домой. Там он принялся мастерить из дерева древки для стрел. Жены спросили его:

— Для чего ты все это делаешь?

— Чтобы убить крокодила, — ответил Вайтсауэ.

На следующий день Вайтсауэ отправился прямехонько к тому дереву, на котором сделал помост, забрался на него, притаился и стал ждать появления своих жен. А они, решив, что муж ушел на охоту, спозаранку отправились в рощу. И как всегда, принялись выкликать крокодила:

— Найтека! Найтека! Приходи есть печенье!

Звали, звали, наконец их любимый услышал и пришел.

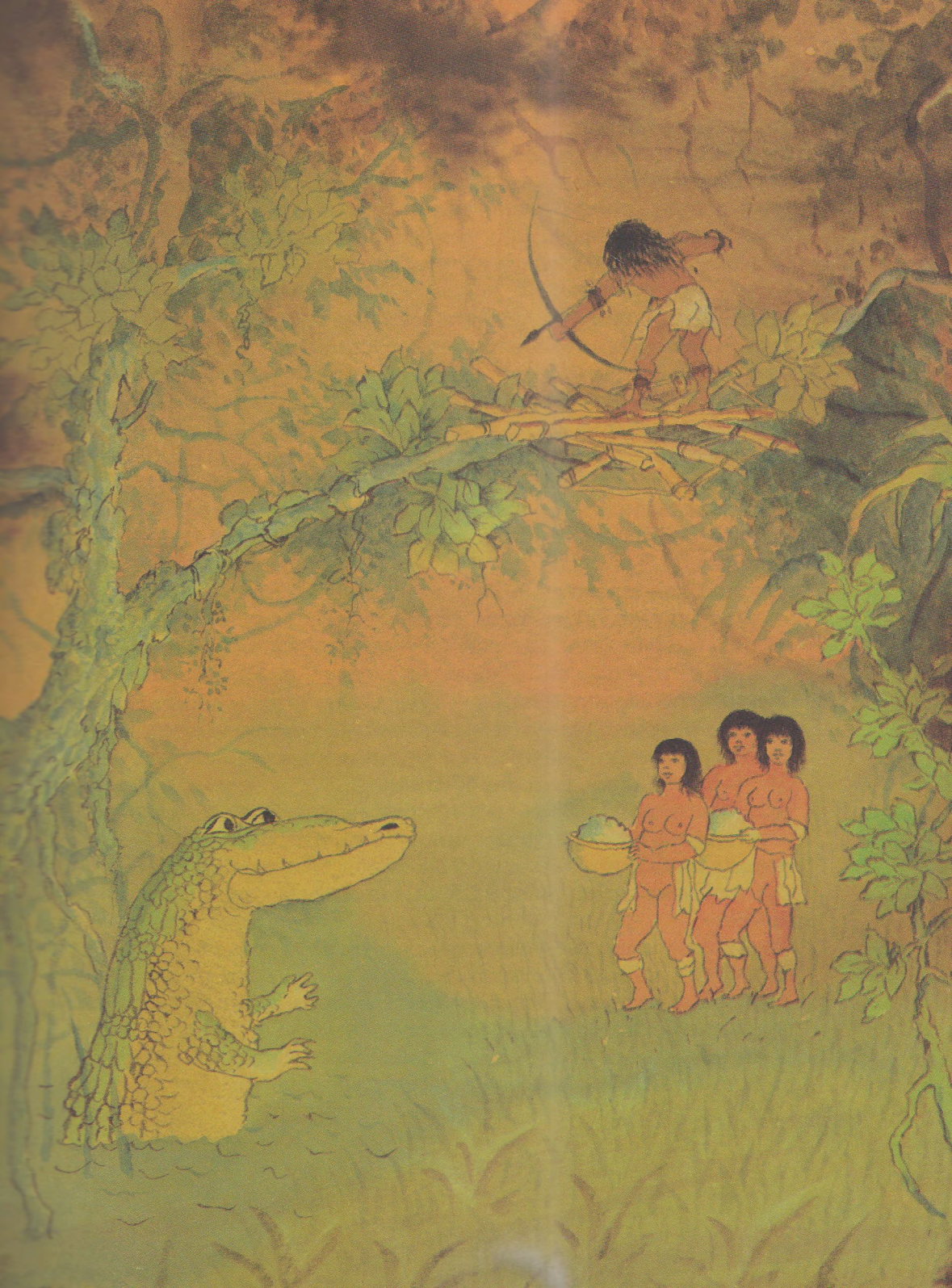
Как всегда, он съел лепешки, вылакал всю кашу, а потом повел женщин под дерево, чтобы ласкать и обнимать их, он ведь не знал, что наверху притаился Вайтсауэ. А тот выстрелил и убил соперника. От неожиданности женщины растерялись и не смогли помешать ему. Вайтсауэ спустился на землю и отлупил неверных жен. Потом он вернулся в деревню, а женщины остались в роще рядом с телом своего возлюбленного.

Вечером Вайтсауэ пришел за женами, но они отказались следовать за ним и остались оплакивать мертвого.

Когда стемнело, женщины запалили большой костер и положили на него тело крокодила, долго оно горело, пока не превратилось в пепел. Женщины собрали пепел и золу и ни за что не хотели покидать рощу. Слуги Вайтсауэ, видя, что жены его не возвращаются в деревню, построили им хижину невдалеке от того места, где был сожжен крокодил.

Женщины жили в роще и каждый день приходили к кучке пепла — это было все, что осталось от их возлюбленного. Пришла пора дождей, и на влажном пепелище поднялось не-

виданное раньше растение. На следующий день там появились еще два неизвестных ростка.

Через некоторое время Солнце и Месяц пришли в ту деревню, и женщины повели их к странным растениям, возникшим из пепла крокодила, чтобы узнать, как они называются. Солнце и Месяц взглянули на растения и сразу узнали их:

— Это стручковый перец,— сказала Солнце.

— А это тыква,— сказал Месяц.

— А вот это что? — спросила одна из женщин, указывая на третий росток.

— Это дерево пеки. Как только оно вырастет, на нем появятся цветы. А когда они опадут, созреют плоды,— объяснил Месяц.

Так и случилось. Дерево выросло, отцвело, и на нем появилось множество плодов. Прежде, чем они созрели, Солнце и Месяц собрались в свою деревню, но предупредили женщин:

— Мы вернемся раньше, чем начнут падать плоды с пеки.

Женщины ждали возвращения Солнца и Месяца, чтобы те рассказали, как дальше быть с плодами пеки.

Когда плоды стали падать, Солнце и Месяц, как было обещано, возвратились.

— Вы уже отведали фруктов? — спросил женщин Месяц.

— Нет, даже не попробовали.

Солнце приблизилось к дереву и, подобрав с земли плод и вынув из него косточку, понюхало его. Но у плода совершенно не было запаха.

— Пеки совсем не пахнет. Давайте сделаем его ароматным.

Солнце очистило несколько плодов и сделало так, что они стали хорошо пахнуть.

— Вот теперь,— велел Месяц,— соберите побольше плодов и сделайте сладкую кашу.

— Только не вздумайте лакомиться плодами,— предупредило Солнце.— А то заболаете.

Конечно, сказано это было только для того, чтобы женщины не стали есть плоды и не забросили готовку. Пока жены Вайтсауэ работали, очищали фрукты, вынимали из них косточки и варили из их мякоти вкусные кушанья, довольные Солнце и Месяц играли на губных гармошках беримбау и пели вместе со всеми мужчинами деревни. Они ждали, когда приготовят новую еду.

Когда каша сварилась, женщины положили ее в тыквенные миски и вместе с лепешками отнесли Солнцу, а уж Солнце распределяло еду между всеми людьми и пело, чтобы отвести болезни. Мужчины отведали каши, и очень она им понравилась.

Но плоды продолжали падать, и женщины снова пришли к Солнцу и спросили:

— На земле лежит столько плодов пеки! Что нам с ними делать?

— Соберите их, истолките и подержите под водой.

Они положили искрошенные плоды в длинные корзины и опустили их в воду. Через несколько дней Солнце сказало:

— Попробуйте-ка сварить кашу из той пеки, что вы держали в воде.

Женщины приготовили еду, и она им тоже понравилась.

А плоды все падали и падали, и женщины только и делали, что измельчали их и набивали корзины, которые стояли в воде.

— Сделайте напиток тукумайю,— посоветовало Солнце.

Женщины послушались его и нашли, что напиток превкусный. Чтобы вволю порадоваться новому напитку Солнце и Месяц, танцуя и наигрывая на беримбау, обошли все дома в деревне. И люди встречали их с радостью.

Только в доме Вайтсауэ было печально. Брошенный своими женами воин не мог радоваться гостям.

И вот, когда праздник закончился, Солнце и Месяц пришли к женам Вайтсауэ и велели им помириться с мужем.

— Мы не любим Вайтсауэ,— ответили женщины.— Пусть лучше он оставит нас в покое.

— Но вы должны снова полюбить мужа. Дурно жить одним, как вы,— предостерег их Месяц.— С мужем гораздо лучше.

А Солнце отправилось к Вайтсауэ и посоветовало ему попробовать самому помириться с женами. И вот Вайтсауэ надел ожерелья, серьги, браслеты и отправился к женщинам. Увидев его, жены принялись плакать и жаловаться, что не любят его.

— Мне не нравится, как вы ведете себя,— сказал Месяц.— Вы все делаете не так. Приготовьте-ка угощенье для мужа. Поговорите с ним. Вот как надо поступать.

Женщины приготовили кашу, как велел им Месяц, но положили туда шелуху от пеки. Солнце увидало это и сказало, что из шелухи кашу готовить нельзя:

— От такого угощенья только заболеешь и вовек не излечишься от хвори.

Тогда женщины приготовили настоящую еду из мякоти пеки. Сварили и угостили мужа.

— Вот это хорошо,— похвалило их Солнце.

Когда Вайтсауэ все съел, женщины заговорили с ним.

А плоды пеки все падали и падали, и женщины снова пришли к Солнцу и Месяцу, а те нарадоваться не могли, как ловко им удалось помирить Вайтсауэ с женами. Женщины пожаловались, что они устали и сыты по горло плодами пеки. Тогда Солнце и Месяц взобрались на дерево, потрясли ветки, и все плоды упали на землю. Спустившись вниз, Солнце сказало женщинам:

— Это дерево снова даст плоды только к следующему сезону дождей. И так будет всегда. Если б оно давало плоды круглый год, люди и смотреть бы на них не могли.

Потом Солнце и Месяц распрощались с Вайтсауэ и его женами.

— Мы вернемся, когда созреет пеки. А вы смотрите, хорошенько помогайте мужу и никогда больше не ссорьтесь.

И они ушли.

ВЕЧНОЕ ОБЪЯТИЕ

Один кабокля поселился с женой на берегу озера в глинобитной хижине, крытой соломой. Жизнь семьи была счастливой, без особых забот и тревог; щедрая природа, окружавшая их, давала все необходимое. Оставалось только взять то, что предлагалось.

Муж охотился, рыбачил и сажал маниоку, а жена готовила вкусные кушанья из маниоковой муки. Вокруг хижины росли целебные травы — они всегда помогали, если кто заболеет.

Так проходили дни, похожие друг на друга и одинаково счастливые. По утрам муж отправлялся на лов рыбы, а когда вечером возвращался, хлопотавшая по хозяйству жена встречала его теплой улыбкой и лаской.

Часто он подумывал о том, как бы взять подругу с собой на рыбалку: и ей развлечение, да и ему приятно иметь спутника, который поможет развеять скуку и скоротать долгие часы терпеливого ожидания. Он даже пообещал жене взять ее с собой, только не сказал, когда это будет.

Однажды проснувшись на рассвете, услышал муж песню тукана, а это было хорошее предзнаменование, и вот он решил, что самое время взять жену с собой на рыбалку.

— Тукан поет. Это добрый знак. Сегодня пойдем на лов вместе.

— Как хорошо! — обрадовалась жена. — Пойду приготовлю, что нужно.

Хотя слова мужа застали ее врасплох, кабокля быстро напекла лепешек, чтобы было чем перекусить, и вскоре они отправились на рыбалку.

Первые лучи солнца застали рыбаков уже в каноэ посередине озера, они направлялись к местам лова.

Оба были так счастливы и увлечены рыбалкой, что не заметили, как вдруг изменилась погода. Небо потемнело, подул сильный ветер. Кабокля уже не мог забросить сеть: на озере поднялись большие волны и легкое каноэ бросало из

стороны в сторону. Сначала женщина пыталась скрыть охвативший ее страх и притворялась спокойной. Старалась не мешать мужу работать, но, почувствовав неминуемую опасность, стала просить:

— Давай пристанем к берегу и переждем непогоду!

Однако о спасении думать было поздно: бушевала страшная буря, слепящие молнии вспарывали небо, порывы ветра вздымали на озере огромные волны.

Прижавшись к мужу в хрупком каноэ, отважно борвшемся с гигантскими валами, кабокла молила богов смягчить свой гнев.

Вдруг небеса разверзлись и изрыгнули пламя, которое охватило рыбака и его жену и превратило их в растения. Она стала масличной пальмой урикури, а он — фикусом.

Но, и став растениями, они не разжали своих объятий. С рождения до смерти фикус обвивает гибкими ветвями ствол урикури.

ГЛАЗА ЯГУАРА

Окуамаато и Икуаман собрали однажды всех зверей и рыб, чтобы вместе попировать и побеседовать. Случилось так, что рыбы Жежу и Матриншан, когда их спрашивали, ничего путного сказать не могли, а болтали только одни глупости.

Сын Икуамана — он был очень смышленным мальчиком — принялся передразнивать Жежу и Матриншана и забавлять этим гостей.

Видя, что ребенок выставляет их на всеобщее посмешище, Жежу и Матриншан очень обиделись и, чтобы погубить его, навели на мальчика порчу. Вернувшись с пира, он заболел и после долгих мучений умер.

Икуаман над телом сына поклялся отомстить за него.

— Я знаю, это Жежу и Матриншан убили моего сына. Я их отправлю!

Отправился он в лес и нарвал там много ядовитых растений тимбо, чтобы месть удалась наверняка. Потом послал за Окуамаато и рассказал ему, что собирается делать:

— Я убью Жежу и Матриншана в отместку за смерть сына.

Созвал Икуаман всех людей и зверей, чтобы они помогли ему, но предупредил, что беременные не смеют коснуться ядовитых растений, иначе те потеряют свою силу.

И вот стал Икуаман ломать связки тимбо, и вскоре ядовитый сок растения покрыл всю поверхность реки, где жили Жежу и Матриншан. Отравленная рыба всплыла кверху брюхом.

А люди, завидев ее, закричали:

— Смотрите: рыбадохнет! Рыбадохнет!

Все принялись собирать всплывшую рыбу с поверхности воды. Причем люди выбирали только большие рыбины, а мелочь склевывали птицы.

Увидев такое изобилие еды, ягуар и ягуариха тоже бросились в воду. Самка забыла, что она в тягости. Ядовитый сок потерял свою силу, и снулая рыба всплывать перестала.

Разгневавшись, что его не послушались, Икуаман убил ягуара, а его глаза посадил в землю в заколдованном саду своей сестры Онхиамуасабе. Из глаз ягуара вырос каштан, за которым Онхиамуасабе ухаживала, как за самым дорогим своим детищем.

СОБЛАЗНИТЕЛЬНЫЙ ЗАПАХ

Одной женщине наскучил ее муж, и вот задумала она известить его. Вырвала из земли колючее растение карагуата, брызнула в ямку немного собственной крови и снова посадила куст. Спустя некоторое время оборвала злая женщина молодые побеги, покрасневшие от впитанной крови, и крошила их мужу в еду. А тот поел и так ослабел, что даже работать не мог.

Между тем их сын видел, что мать подсыпала отцу красных ростков карагуата, и рассказал ему об этом. Разгневался отец и решил отомстить жене. Сказал дома, что идет в лес за медом, скинул альпаргаты, стукнул на счастье одну о другую, чтобы быстрее найти мед,— и отправился.

Вскоре набрел он на дерево каимбе, в дупле которого жила кобра, а пчелы устроили там свое гнездо, убил кобру и выдолбил ствол, чтобы добраться до меда. А потом вспорол кобре живот, достал оттуда детеныша, растолок его и смешал с медом. Это снадобье он решил дать жене, а для сына приберег чистый мед.

Как решил, так и сделал. Поела жена, и тут у нее зачесалось все тело:

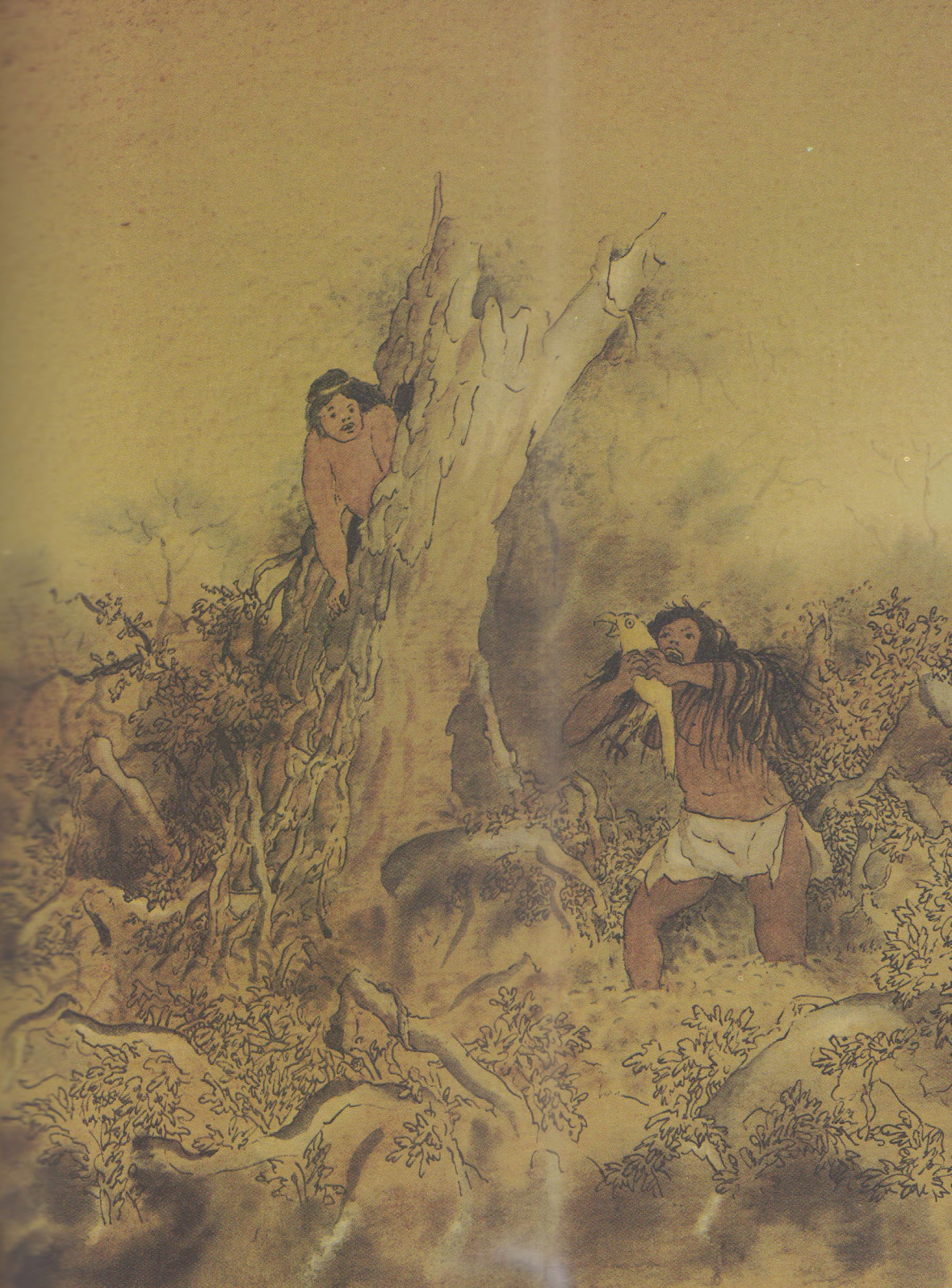
— Ты дал мне отравленный мед,— сказала она мужу.— И за это я тебя загрызу!

Услышав это, муж бросился бежать, а жена за ним и все кричит, что съест его. Вспомнил муж про дерево, с гнездом попугаев, в котором было три птенца, и бросился к нему. Быстро забрался на дерево, схватил самого маленького птенца и кинул его жене. Женщина прямо на бегу сожрала пташку. Потом вернулась к дереву, на котором сидел муж, и попыталась добраться до врага. Тот швырнул ей другого птенца, она сожрала и его, а сама все пробовала на дерево взобраться. Муж бросил ей третьего птенца и, пока она разделялась с ним, умудрился слезть с дерева и убежать.

Как только женщина заметила, что мужа нет на дереве, она тотчас пустилась в погоню. А муж ее бежал напрямик к западне для охоты на зверей. Одним прыжком он перескочил через яму, а жена не смогла перепрыгнуть, угодила в яму, расшиблась и умерла.

Засыпал муж тело жены землей, но не раз после наведывался на это место. Спустя время вырос там маленький кустик. Выдернул мужчина ростки, но они снова пробились. Тогда он не стал вырывать побеги, и вскоре над телом погребенной женщины вырос большой куст с листьями желтого цвета. Тут только заметил человек, что новое растение со-

всем не похоже на те, что росли вокруг. Сорвал несколько листьев, растолок и положил сушиться на солнце.

В полночь, когда все уснули, собрал он сухие листья, положил их в глиняный горшок и зажег. Табачный дым наполнил воздух, тут другие индейцы стали принюхиваться: откуда идет такой приятный запах — и пришли к курильщику. Пришли и принялись спрашивать, где он взял эти чудесные листья, а тот возьми да и расскажи им про куст с желтыми листьями. С тех пор человек курит открыто, и все выращивают новое растение — табак.

*Мифы
и легенды
о демонах
и духах*

ЦАРИЦА ВОД

Жил на свете один очень бедный человек, у которого было небольшое бобовое поле на берегу реки. Но когда поспевал урожай, то ни один боб не попадал в руки хозяина: в первую же ночь все бобы куда-то исчезали. Наконец ему надоело работать неизвестно на кого, и решил он узнать, кто крадет его бобы.

Однажды, сторожа, как обычно, свое поле, он вдруг увидел девушку, прекрасную, как сама любовь. Она шла между стеблей, наклонялась и обрывала все бобы. Подкрался он к ней осторожно и схватил ее за руку.

— А, так это ты таскаешь мои бобы? Теперь ты пойдешь ко мне в дом и будешь моей женой.

Девушка кричала и вырывалась:

— Отпусти меня, я больше не буду рвать твои бобы! Никогда не буду!

Но крестьянин никак не отпускал ее. Наконец девушка смирилась:

— Ладно. Я выйду за тебя. Но смотри никогда не проклинай тех, кто живет под водой.

Крестьянин обещал и привел ее к себе в дом и женился на ней. После свадьбы его состояние начало расти как по волшебству. Он построил себе хороший дом, купил рабов; у него появилось много скота, много угодий, много денег.

Шло время, и его жена становилась все более задумчивой и рассеянной. Ну такой рассеянной, что и представить себе не можете. Словно нарочно. Она забывала дать поесть детям, и они ходили грязные и оборванные. Дома всегда было не прибрано, везде полно мусору. Рабы, без доброго хозяйского глаза, отлынивали от работы, да только и делали, что ссорились между собой. А сама хозяйка, босая, в рваном платье, с растрепанными волосами, целыми днями спала.

Бедняга крестьянин чувствовал себя спокойно, только когда уходил из дому по своим делам. Но стоило ему переступить порог дома, как на него обрушивались ругань и жалобы, и он чувствовал, что сходит с ума.

Плакали от голода дети:

— Отец, я хочу есть... Отец, я хочу есть...

А рабы жаловались друг на друга:

— Сеньор, заступись, такой-то меня обманул. Сеньор, заступись, такой-то меня ударил.

Сущий ад! Он был настолько пришиблен всем этим, что старался пореже бывать дома. Однажды, совершенно измученный такой жизнью, он тихонько сказал:

— Проклинаю тех, кто живет под водой...

А молодая женщина давно ждала этих заповедных слов и давно мечтала уйти отсюда, потому что она была Царицей Вод и ей безумно хотелось вернуться к себе в реку. Она поспешно встала и выбежала за дверь с песней:

За все, что мы тут видели,
Калунга,
За то, как нас обидели,
Калунга,
Кто служит мне по чести,
Калунга,
Со мной идите вместе,
Калунга,
В дом мой родной,
Калунга,
Глубоко под водой,
Калунга...

Забыл ты обещание,
Калунга,
Обрек на поругание,
Калунга,
Живущих под водой,
Калунга,
В реке моей родной,
Калунга...¹

В ужасе закричал крестьянин:

— Не уходи, жена моя, не уходи!

Но разве ее удержишь! Она ушла, и тотчас за ней потянулись дети, рабы, быки, лошади, овцы, свиньи, утки, куры, индюки — все, все. А бедный хозяин, схватившись за голову, кричал:

— Не уходи, жена моя, не уходи!

А она даже не оглянулась и продолжала свой путь, шапая:

За все, что мы тут видели,
Калунга,
За то, как нас обидели,
Калунга...

Вслед за людьми и животными потянулась из дома мебель, посуда, одежда, сундуки и все, что было куплено на ее деньги. А крестьянин бежал сзади, одетый в свои прежние лохмотья, и кричал:

— Не уходи, жена моя, не уходи!

Но все было напрасно. Наконец за нею двинулись дом, телятники, курятники, сарай, хлева, пашни, деревья и все остальное. Придя на берег реки, молодая женщина со всем, что с нею было, скрылась под водой и исчезла.

А крестьянин стал жить бедно, как когда-то, обрабатывая свое бобовое поле. Но Царица Вод больше уже не трогала его бобы.

¹ Стихи переведены И. Тыняновой.

ИАРА — МАТЬ ВОД

Сказывают, что Иара лежит на белом песчаном дне реки и играет с рыбешками матупирис, которые проплывают по-верх ее тела, наполовину скрытого потоком, убегающим к затопленным лесам игапо.

Иара — прекрасная индианка, она поет под сенью пальм, расчесывая свои черные волосы, такие же жгуче-черные, как и ее большие чудные глаза.

Лоб ее венчает гирлянда лиловых цветов, а тонкие алые губы улыбаются так обольстительно и влекуще. Поет Иара, а лесное эхо вторит ее песне.

Когда наступает ночь, голос Матери Вод звенит и льется над исполинской рекой.

Гаснет последний луч солнца. Распускаются, тянутся к небу алые розы и золотистые бутоны жасмина. А Иара все поет и поет. И юноша-индеец страшится подняться к истокам реки. Он дрожит, потрясенный пением Иары, и бежит, чтобы не слышать ее голоса, и шепчет:

— О, Иара!... Она прекрасна... но она несет смерть!

Однажды стая рыб увлекла юношу далеко от дома и ночь застала его на озере...

Оно было так огромно, множество речных притоков впадало в него, и юноша пытался удержать свою лодку на воде, то налегая твердой рукой на весла, то отталкиваясь от берега, чтобы не наткнуться на затонувшее дерево; так он плыл мимо прибрежных зарослей, пальмовых рощ, затопленных лесов.

Но вдруг он услышал песню и увидел, как из воды поднимается головка Иары. Улыбка, взгляд и красота ее ослепили юношу. Выскользнули весла из его рук, и забыл он все: и родной дом, и семью, онемел и оглох, слыша только бие-ние своего собственного сердца; забылся рыбак, и каноэ его само поплыло по течению. Когда же юноша очнулся, в лицо ему дул свежий ветер с бескрайних просторов Амазонки.

А на другой день он проснулся поздно и сразу понял, что все радости жизни для него претворились в печаль; мукой было ему находиться под родной крышей, заботы близких обременяли, и только река влекла его. Пустынные края у ее истоков притягивали юношу.

— Околдовала его Иара! — говорили люди.

Каждое утро, едва солнце вставало над горизонтом, а птицы в рощах приветствовали его дружным хором, легкое каноэ под темным, окрашенным пальмовым соком парусом уже скользило по реке, и юноша-тапуйо жаждал услышать вечернюю песню птицы аранкуа.

Однажды, чтобы скоротать время, решил он поохотиться на морских черепахах. Но стрелы выпали у него из рук и лук опустился.

Шло время, а он, погруженный в раздумье, плыл по течению, отдавшись на волю волн.

Вот уже в гнезда вернулись цапли и гнезда побелели от множества птиц, но аранкуа еще не запела. Юноша чувствовал, как уходит его печаль и возвращается радость: солнце опускалось за деревья, берега Амазонки погружались в темноту, наступал час Иары!

Очнувшись, стал влюбленный потихоньку грести. Выглянув из зарослей тростника, испугал его грызун капивара, вспорхнул с плавучего островка бекас, плеснула рыба в реке — и сердце юноши сжалось в мучительной надежде.

В лесу среди зыбких обманчивых теней вдруг послышалась страстная, чарующая песня. Это Иара жаловалась на холодность юноши. А у него выпали из рук весла, и нет сил отвести глаза от прекрасной Иары, сегодня она как никогда хороша. Рвется из груди его сердце, но на память приходят слова матери:

— Сынок, не дай Иаре околдовать себя! Беги от нее, потому что гибельны ее объятия.

Аранкуа уже не поет. Из лесу доносится только резкий смех ночной птицы урутау.

Ночь уже вступила в свои права. Темнота окутала берега, и юноша грустнее обычного возвращался домой, разрываясь между влечением сердца и наставлениями матери.

Так идут дни за днями. Индеец давно забросил рыбную ловлю, он избегает друзей и родных.

* * *

И вот однажды увидели люди, как плывет по реке его опустевшая лодка. С тех пор никогда уже не вышел рыбак на лов рыбы: увлекла и околдовала его Иара.

Сказывают, что несколько дней спустя нашли на тростниковом острове тело юноши, губы его еще кровоточили от поцелуев Иары.

КАИПОРА

Один человек больше всего на свете любил охоту. С рассвета до заката пропадал он в лесу, в самых глухих уголках, сплетая из жердей ловушки для птиц, роя волчьи ямы, расставляя западни и капканы.

И вот как-то раз, когда он, взобравшись на самую верхушку дерева, подстерегал дичь, из чащи выскочило стадо кабанов. Охотник прицелился и метким выстрелом уложил сразу троих. Но в ту минуту, когда он, в восторге от своей удачи, стал слезать с дерева, издали послышался громкий свист. Охотник вздрогнул и замер на своем настиле из веток, испуганно вглядываясь в темную лесную глубину... Да, сомнений быть не могло: то приближался Каипора, главный леший окрестных лесов,— видно, желал взглянуть хозяйским глазом на свое кабанье стадо...

Все ближе и ближе слышался свист, и уже не только свист, а еще и топот копыт и треск валежника. И вот наконец чаща раздвинулась, и охотник увидел Каипору. Он был маленький, жилистый, черный, как черт, мохнатый, как обезья-

на, и ехал верхом на тощем черном кабане. В правой руке он держал длинную железную рогатину, а левая рука его и вовсе не была видна, как, впрочем, и весь левый бок — виден он был только наполовину, словно другая его половина растаяла в сонном, жарком, сыром воздухе леса. Вонзая острые пятки в бока поджарого кабана, он скакал по своей вотчине с гиканьем и свистом, протыкая рогатиной воздух, поднимая такой шум, что хоть святых вон выноси, и выкрикивая гнусавым голосом охотничий клич:

— Эге-ге! Эге-ге! Эге-ге!

Наткнувшись на убитых кабанов, распростертых на земле, он стал с силой тыкать в них своей рогатиной, приговаривая:

— Вставайте, вставайте, бездельники! Не время спать!

И убитые кабаны вскочили как ни в чем не бывало и убежали ворча. Только последний, самый большой кабан никак не хотел вставать... Каипора пришел в бешенство: он тыкал непокорного с такой силой, колот с таким остервенением, что даже сломал один рог своей рогатины. Тут только большой кабан поднялся, словно нехотя, и, встряхнувшись, поскакал вслед за остальными. Каипора закричал ему вслед:

— Нежности какие! Ну погоди, я тебя проучу! Теперь из-за тебя придется завтра идти к кузнецу чинить рогатину!

И, пустив вскачь своего сухопарого кабана, Каипора умчался, оглашая чащу гнусавым криком:

— Эге-ге! Эге-ге! Эге-ге!

Долго еще сидел охотник на дереве. Когда ни крика, ни топота уже не было слышно и вокруг стояла полная тишина, он слез с дерева и не чуя под собою ног побежал домой.

На следующее утро, ранехонько, зашел он в гости к кузнецу. Ну, поговорили о том о сем, а тем временем солнце уже встало высоко на небе. Тут-то и постучался в двери кузницы невысокий кряжистый индеец в кожаной шляпе, нахлобученной на глаза. Вошел и говорит кузнецу:

— Добрый день, хозяин. Не можешь ли починить вот эту рогатину? Только поживей, а то я уж больно спешу...

— Эх, добрый человек,— отвечает кузнец,— поживей-то никак нельзя, потому как жар в горне раздувать некому. Мехи-то у меня с утра — как неживые.

А наш охотник как взглянул на индейца, так сразу признал в нем вчерашнего знакомого и подумал, что Каипора затем, верно, и переменял свое обличье, чтоб пойти к кузнецу чинить рогатину, которую сломал вчера о бока большого кабана. «Ну, погоди...» — подумал охотник и вскочил с места со словами:

— Я раздую горн, мастер.

— Нешто умеешь? — спросил кузнец.

— А попробую. Пожалуй, тут особой-то учености не требуется,— сказал охотник.

Кузнец разжег горн и велел охотнику взяться за мехи. Охотник приналег на мехи и стал раздувать, но только тихо так: р-раз — два-а; р-раз — два-а — три-и-и,— напевая в такт песенку:

Кто бродит по лесу,
Насмотрится чуда...

Индеец глядел-гляддел, а потом подошел, оттолкнул охотника, да и говорит:

— Пусти-ка, ты не умеешь! Дай-ка я!

И как нажмет на мехи, да и пошел быстро-быстро: раз — два — три; раз — два — три... А сам напевает:

Кто бродит по лесу,
Насмотрится чуда...
... Насмотрится чуда,
Но только об этом
Ни слова покуда!..

Тут наш охотник стал пятиться к двери, выскользнул тихонько на улицу, да и давай бог ноги! С тех пор он никогда уже не убивал кабанов и если что в лесу увидит, то уж держит язык за зубами.

КАИПОРА

Один человек пошел на охоту и заблудился в лесу, целый день бродил он туда-сюда, но дороги домой так и не нашел. Когда стало темнеть, он в отчаянии закричал:

— Боже мой! Неужто мне придется коротать ночь в лесу?!

И тут, откуда ни возьмись, появился старик негр.

— Ты что кричишь? Что ты тут делаешь?

— Слушай, старик, я тут брожу с самого утра. Я заблудился и не знаю, как теперь попаду домой.

Подошел к нему старик и сказал:

— Дай-ка ты мне табачку покурить...

Охотник дал ему табаку. А негр опять просит:

— Дай-ка ты мне еще табачку пожевать...

Охотник дал ему и жевательного табаку. Старик набил кисет, жевательный табак положил в карман и спросил:

— Ну так чего тебе надобно?

— Мне бы домой попасть...

— Поди срежь себе прут...

Охотник срезал себе прут подлиннее, и старик сказал:

— Хватайся за один конец, а я за другой. Закрой глаза и держись крепче.

Охотник сделал все, как велел старик. И почудилось ему, будто они летят. А когда остановились, и охотник открыл глаза, он увидел, что стоит возле своего дома, а старика нигде нет.

ЖУРУПАРИ

Сказывают, что однажды старейшины племени собрались, чтобы попить настой из листьев ипаду — листьев коки, заглушающих голод. И вот, когда они собрались уходить, подошла к ним девушка.

— Зачем ты пришла? — спросили старики.

— Как зачем? Я хочу вместе с вами попить ипаду.

Ничего не ответив ей, старики отправились в лес, а девушка осталась в том доме, откуда они ушли.

После этого она забеременела, хотя и была все время одна.

Дважды старейшины пытались помочь ей разродиться, но ребенок, видно, не хотел покидать материнской утробы. Отчаявшись, ее оставили в покое.

И вот однажды, когда беременная переходила вброд реку, ее укусила в живот рыба трайра, и женщина тут же родила сына.

Сказывают, что старейшины сразу же отняли ребенка у матери и отнесли его далеко в лес, чтобы та не проведала, где он, и не смогла найти сына.

И мальчик вырос в лесу. А став взрослым, иногда выходил к людям. Лица его видно не было, а от тела, рук и головы исходил огонь и раздавался страшный грохот.

Слыша его, старейшины говорили:

— Женщины, отвернитесь, не смотрите на него!

Так появился злой дух Журупари.

ПОХИЩЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ЖУРУПАРИ

Рассказывают, что мужчины из племени тариана семьи Араваков собирались каждый вечер в верховьях реки Папури, играли на музыкальных инструментах и танцевали танец Журупари. И вот женщины решили однажды украсть эти инструменты.

Каждое утро женщины шли в лес и искали место, где мужчины прячут эти инструменты. И так прошло несколько лет. Однажды женщины остались на ночь около дома для танцев Журупари, чтобы посмотреть, каковы все-таки эти инструменты. Каждая из женщин держала факел.

Мужчины принялись танцевать и танцевали до полуночи. Потом некоторые унесли инструменты, чтобы спрятать их в

реке, а другие пошли в лес и положили свои инструменты в дупло дерева. Женщины все видели и, когда мужчины повернули обратно в деревню, бросились за инструментами. Они освещали себе дорогу факелами, но инструменты убежали от них в свете огня. Наконец женщинам удалось окружить дерево. Инструментам уже некуда было бежать, и женщины схватили их. Обрадованные женщины спрятали инструменты в другое место, далеко, далеко. Наутро они собрались вместе, и старшая из женщин сказала:

— Ну, теперь у нас тоже есть свои инструменты. А чтобы мужчины не догадались, кто это сделал, мы сегодня же уйдем к водопаду Уаракапа и нарвем стеблей умари для еды.

Так и сделали.

Вечером мужчины отправились в дом для танцев Журупари, но когда они стали искать свои инструменты, то в дупле ничего не нашли. У них остались только те, что были спрятаны в реке. Мужчины принялись искать повсюду, но все напрасно. Женщин они не заподозрили, так как те ушли с утра к водопаду Уаракапа. Никто из мужчин не умел гадать, и они не узнали, кто унес инструменты.

Поэтому они ничего не спросили у женщин, когда те вернулись.

Через день женщины собрались танцевать танец Журупари. Придя к реке Туи-Игарапе, они взяли инструменты и стали дуть в них, но инструменты не издавали ни единого звука. Женщины переворачивали их, снова дули, но все равно ничего не получалось. Тогда одна из женщин сказала:

— Мы можем обольстить мужчин. Давайте заставим юношей научить нас играть на инструментах.

Женщины вернулись домой, накрасились красным соком растения каражуру и начали заигрывать с мужчинами. А так как слабые головы юношей не могли еще в то время устоять перед женскими уловками, то они согласились научить женщин играть на инструментах Журупари. Поэтому они в тот же вечер пошли к берегу Туи-Игарапе и там стали играть на

инструментах Журупари в присутствии женщин. Но старики в деревне услышали звуки инструментов и принялись испуганно спрашивать друг друга:

— Кто это играет на наших инструментах? Слушайте!

В полночь музыка прекратилась, но женщины уже знали все секреты Журупари.

И тогда женщины стали приказывать мужчинам работать вместо них. И мужчины опечалились, ибо им приходилось теперь выкапывать маниоку, чтобы делать муку, полоть траву, очищая засеянное поле, и качать детей, как раньше делали женщины.

Один из мужчин был почти колдуном. Каждую ночь он гадал, чтобы узнать, кто причинил им такое зло.

Его тень уходила от него искать виновников и не могла поймать их тени. Но благодаря своей тени он узнал, кто в их племени обладает слишком мягким сердцем. Тогда он собрал стариков и сказал:

— Наши волосы уже поседели, и никто из нас не знает, кто рассказал женщинам нашу тайну. Поскольку это не был, конечно, никто из нас, то мы должны теперь обольстить женщин, и они нам расскажут, кто открыл им секрет Журупари.

Мужчины так и сделали. Они обольстили женщин, и однажды те им сказали:

— Когда вы станцуете перед нами танец Журупари, мы вам скажем, кто открыл нам секрет Журупари.

Мужчины согласились и попросили вернуть им священные инструменты, чтобы играть на них во время танца. Женщины принесли им инструменты, и в тот же вечер мужчины отправились в дом для танцев Журупари и начали играть и танцевать. В разгар танца вошли женщины. И вдруг они с ужасом увидели, что у всех мужчин были теперь одинаковые лица. Казалось, что все они — один и тот же человек. От страха женщины онемели и тут же лишились рассудка. Тогда старик, который был почти колдуном, вышел на середину дома и сказал:

— Все те, у кого седые волосы,— из рода Журупари. А юноши больше не будут играть на инструментах Журупари, чтобы не приносить нам несчастья. Посмотрите на наши руки, видите, как они огрубели от работы, которую нам пришлось делать из-за того, что юноши научили женщин играть на инструментах Журупари!

И с тех пор секрет Журупари снова перешел к мужчинам.

ЖУРУПАРИ И ДЕВУШКИ

Легенда, рассказанная индианкой мундуруку

Сказывают, что у одной старухи было трое дочерей. Как-то раз сговорились девушки со своим дядей идти собирать плоды пальмы мирити. Но Журупари проведал об их уговоре, убил по дороге дядю и на рассвете сам пришел в условленное место в его образе.

Не заметили девушки обмана и отправились с ним в лес. Шли они довольно долго, когда одна из сестер спросила, далеко ли еще до пальмовой рощи. Журупари ответил, что она уже совсем близко.

Но рощи видно не было, а они все шли да шли, тогда другая девушка спросила, долго ли еще идти, и Журупари снова ответил, что роща уже неподалеку.

Когда совсем рассвело, они подошли к пещере, где и жил Журупари, и тут одна из девушек, взглянув на ноги дяди, вскрикнула:

— Это сам Журупари! Это Журупари!

Но убежать сестры уже не могли. Когда вошли они в дом Журупари, он и говорит:

— Вот мы и на месте.

Сказал и ушел, оставив попугая стеречь пленниц, чтобы они не сбежали.

Вернулся Журупари к ночи и велел старшей сестре принести ему огня в гамак, где он спал. Она принесла огонь, а

злой дух схватил девушку и принялся сосать из нее кровь, прямо как вампир. На рассвете Журупари снова ушел в лес.

Только он за дверь, девушки бросились к гамаку — посмотреть, что стало с их сестрой, которая провела ночь с Журупари, но нашли там только обглоданные кости.

На следующую ночь Журупари приказал средней сестре принести огня и тоже сожрал ее.

Когда поутру он опять ушел в лес, младшая сестра заглянула в гамак, но лишь обглоданные кости и нашла. Плача, легла она в гамак рядом с останками сестер и тут увидела девушку пролетавшего мимо фламинго гуарауна и крикнула ему:

— Ах, Гуарауна! Если б ты был человеком, то наверняка бы помог мне вернуться домой!

Спустя какое-то время подошел к ней обернувшийся юношей Гуарауна и велел побыстрее собираться да прихватить с собой кости сестер, пепла и соли немного. Еще велел он ей украсть милонгу — амулет Журупари.

Девушка взяла все, что он сказал, и отправились они в путь-дорогу. Но не успели выйти из пещеры, как попугай принялся кричать:

— Хозяин, твой ужин похитил фламинго!

Услышав это, Журупари бросился в погоню, крича:

— Фламинго! Верни украденное!

Когда беглецы увидели, что Журупари нагоняет их, юноша-птица велел младшей сестре бросить за спину кости, и сразу же за ними встала стена из дыма, она отгородила их от Журупари, и тот поотстал немного.

Они бежали уже довольно долго, когда снова услышали:

— Фламинго! Верни мой амулет!

Тогда фламинго велел девушке сжечь пепел и соль, тут же за их спинами вырос высоченный колючий кустарник. Пока Журупари продирался сквозь колючки, они снова успели намного опередить его. Только когда беглецы были уже совсем рядом с домом девушки, они снова услышали:

— Фламинго! Отдай мой амулет!

Тогда юноша приказал сжечь вместе соль, пепел и остатки костей. И за их спинами разлилась широкая река, которую Журупари не смог перейти. Так они и добрались домой, мать была очень рада, что хоть одна из дочерей жива, ведь она-то решила, что они все погибли. (В этой легенде перепутан дух Журупари с Курупира, у которого вывернутые ноги, и поэтому он не может перейти реку.)

ЛЕГЕНДА О ВЕДЬМЕ-ПРОЖОРЕ СЕЙУСИ

Сейуси — так индейцы племен тупи называют семь звезд, и этим же именем зовут они страшную ведьму, которую вечно терзает голод. Старая Сейуси всегда за кем-нибудь гонится, чтоб его съесть. Она может преследовать человека всю жизнь. Вот послушайте, как преследовала она одного юношу.

Рассказывают, что как-то раз один юноша удил рыбу, сидя на настиле из жердей. Он и не заметил, как Сейуси-прожора подплыла по рукаву реки, таща за собою рыболовную сеть. Она еще издали заметила на воде тень юноши и набросила сеть прямо на нее. Рванула сеть, думая, что юноша уже там, но юноша только засмеялся, глядя на старуху со своего высокого настила, скрытого зеленью.

Сейуси-прожора услышала этот смех и подняла голову.

— Ах, вот ты где! Слезай на землю, внучек.

Юноша отвечал:

— Я-то? Нет, не слезу.

Старуха сказала:

— Смотри, нашлю ос!

И наслала — самых свирепых. Но юноша отломил ветку от дерева и перебил всех ос.

Старуха сказала:

— Слезай, внучек, а не то нашлю муравьев токандира. Это очень страшные муравьи — большие, черные, воору-

женные жалом, как осы; кусают нестерпимо больно, и от их укуса бывает сильная лихорадка.

Но юноша не испугался и не слез со своего настила. Тогда старуха наслала на него муравьев токандира, как и обещала. Муравьи набросились на юношу такой лавиной, что ему ничего другого не оставалось, как прыгнуть в воду, чтоб спастись от них. Ведьме-прожоре только этого было и надо: она ловко набросила сеть на юношу, запутала его так, что он не мог даже пошевелинуться, и утащила в свое жилище. Придя домой, она оставила сеть с добычей у порога и пошла в лес собирать хворост, чтоб разжечь костер.

Когда старая ведьма отошла, из дома вышла ее дочка и сказала:

— Как странно: мать, когда возвращается с охоты, всегда мне рассказывает, какую дичь принесла. Сегодня она не сказала ни слова. Погляжу-ка, что у нее в сети.

С этими словами ведьмина дочка распутала сеть и увидела юношу. Юноша сказал ей:

— Спрячь меня.

Девушка спрятала его, а потом взяла большой деревянный пест, которым старуха толкла зерно, обмазала его воском и, плотно обернув сетью, положила на то место, где только что лежал пойманный юноша.

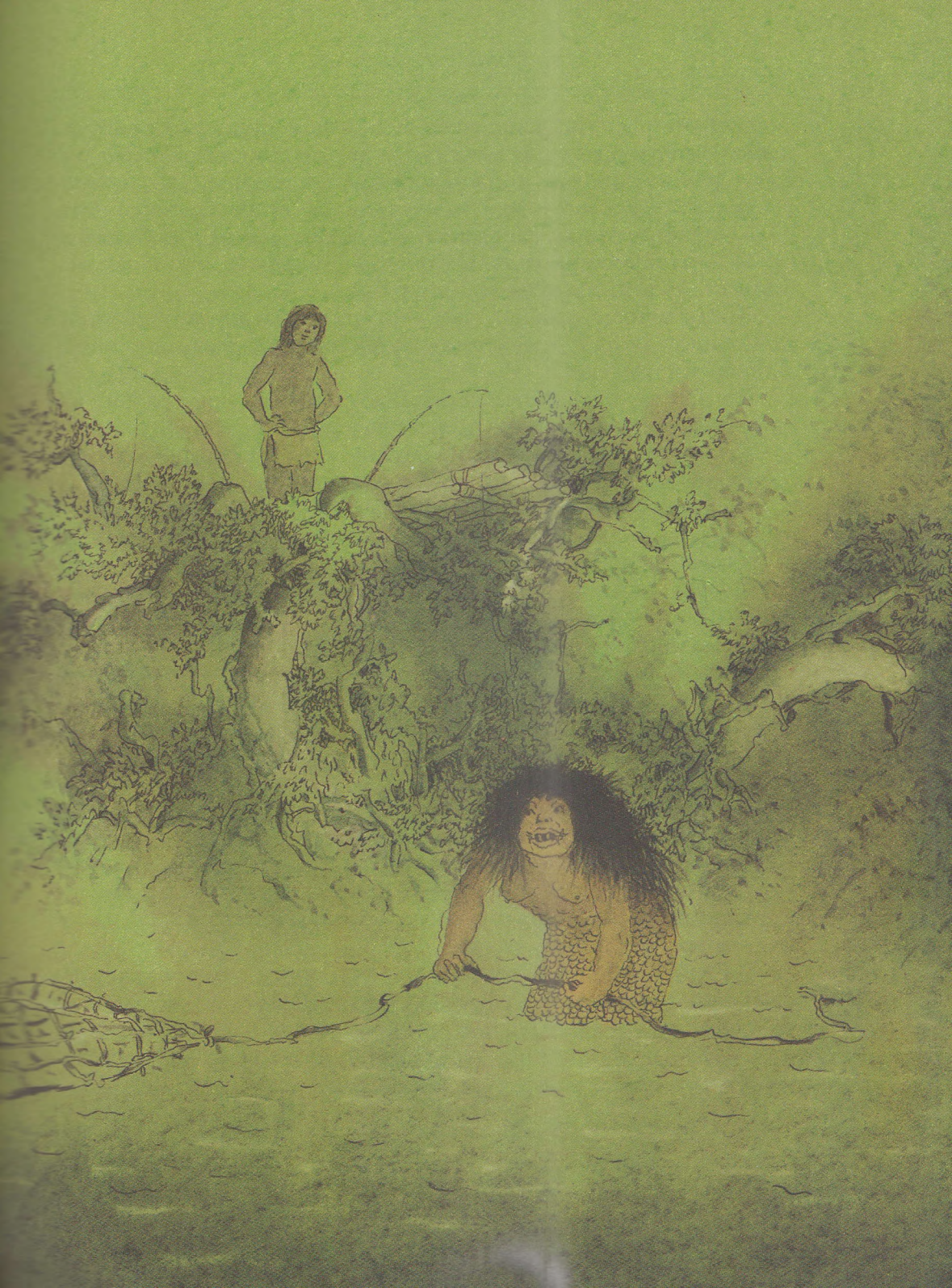
Тем временем старуха вернулась из лесу и разожгла огонь под решеткой для жаренья мяса, установленной на четырех палках с развилкой на конце. Потом подняла сеть с добычей и положила на решетку жариться. Когда пест начал нагреваться, воск растопился и стал стекать вниз, а сгоревшая сеть лопнула. Тут ведьма увидела, что вместо юноши поджаривает пест.

Прожора пришла в ярость и закричала на дочь:

— Если не отдашь мою добычу, я убью тебя!

Девушка испугалась. Она побежала в заросли, где прятался пленник, и велела ему нарезать листья пальм и сплести из них корзины, чтобы затем превратить их в разных животных.

Юноша послушался совета ведьминой дочки и сплел корзины из пальмовых листьев. Не успел он закончить свою работу, как появилась прожора Сейуси и хотела уже наброситься на него, но в это мгновение он крикнул корзинам:

— Оборотитесь тапирами, оленями, дикими кабанами!

И корзины оборотились тапирами, оленями и дикими кабанами. И ведьма всех их сожрала.

Когда юноша увидел, что у старухи осталось уже мало пищи, он убежал к реке и смастерил ловушку, в которую поймалось много рыбы.

Когда старуха пришла к реке, то сразу же увидела ловушку и, войдя в нее, принялась есть рыбу.

Пока она ела, юноша поспешил уйти оттуда. Ведьмина дочка нагнала его на тропинке и сказала на прощание:

— Как услышишь, что птица поет: Кинн-кинн, кинн-кинн,— так знай, что моя мать близко и может схватить тебя.

Юноша запомнил эти слова и пошел дальше. Долго брел он наугад, как вдруг услышал, что в ветвях словно запела птица: Кинн-кинн, кинн-кинн. Тут он вспомнил, что сказала ему ведьмина дочь, и побежал без оглядки.

Бежал, бежал, пока не увидел на дереве целую толпу обезьян, которые ели мед. Он подбежал к ним и крикнул:

— Обезьяны, спрячьте меня!

Обезьяны посадили его в пустой горшок. Старуха Сейуси пришла, не нашла юношу и двинулась дальше. Тогда обезьяны вытащили юношу и отпустили с миром.

И побрел он дальше и долго брел наугад, как вдруг услышал в ветвях: Кинн-кинн-кинн... Тогда он пошел к норе змеи сурукуку и попросил ее, чтобы она его спрятала. Сурукуку пустила его в свою нору, и когда ведьма приблизилась, то не нашла его и ушла ни с чем.

Вечером юноша услышал, как сурукуку советовалась со своим мужем, как им разжечь костер и съесть гостя.

Когда они уже приготовили решетку для жаренья мяса, где-то на ветке закричал сокол маканан, известный охотник за змеями.

Юноша сказал:

— Дедушка маканан, позволь мне поговорить с тобою. Маканан услышал эти слова, подлетел поближе и спросил:

— Что случилось, внучек?

Юноша отвечал:

— Две змеи сурукуку хотят меня съесть.

Маканан спросил:

— А сколько у них нор?

Юноша отвечал:

— Одна всего.

— Подожди,— сказал маканан, влез в нору и съел обоих сурукуку.

Тогда юноша пошел дальше и вышел из лесу на поляну к озеру. Там он увидел гигантского аиста жабуру, который с серьезным и мрачным видом ловил рыбу и складывал в большую камышовую корзину. Юноша подошел к птице и попросил:

— Переправь меня через реку, жабуру.

— Хорошо,— согласился жабуру,— только когда кончу лов.

Когда жабуру наловил достаточно рыбы, он велел юноше влезть в камышовую корзинку и поднялся вместе с ним в воздух, раскинув огромные белые крылья. Так летели они долго, а потом жабуру посадил юношу на дерево, сказавши, что устал и уж дальше взять его не может.

Оглядевшись, юноша увидел неподалеку какой-то дом. Он слез с дерева и направился туда. Подойдя к небольшому маниоковому полю возле дома, он увидел старую женщину с добрым лицом и рядом с нею — маленького лесного грызуна агути. Они ссорились: женщина бранила агути за то, что зверек поедает ее маниоку.

Когда юноша подошел и попросился отдохнуть, женщина повела его в дом. Там она стала расспрашивать его, откуда он пришел и зачем. Юноша рассказал этой женщине все: как он пошел на реку ловить рыбу, как пришла ведьма Сейуси,

как она его утащила в свое жилище. Он тогда был почти еще мальчик.

Женщина взглянула на него: теперь он был почти старик и вся голова была у него седая.

Женщина узнала его: это был ее сын. Так он вернулся в родной дом.

ЧЕРЕП, КОТОРЫЙ КАТИЛСЯ ПО ДОРОГЕ

Легенда, распространенная среди индейцев тэмбэ,
живущих в поселениях штатов
Пара и Марањан

Однажды охотники разбили в лесу большой лагерь. На рашперах жарилось мясо; на вертелы были нанизаны тушки убитых обезьян с раскинутыми лапами, окорока разных животных, скрученные хвосты обезьян гуарибас. Вокруг валялись отрубленные звериные головы, шкуры, кости и внутренности. Охотники ушли, оставив в лагере одного лишь мальчика, который должен был поворачивать куски мяса на рашперах. Вот тут-то и появился в лагере какой-то человек. Он огляделся, обвел хмурым взглядом охотничьи трофеи, сосчитал развешанные гамаки и исчез. Вечером охотники возвратились в лагерь, и мальчик рассказал им о посещении незнакомца, но никто ему не поверил. Позже, когда охотники уже расположились в гамаках на ночь, мальчик еще раз напомнил об этом происшествии своему отцу, который на сей раз забеспокоился. Едва стемнело, отец с сыном отвязали свои гамаки и спрятались в зарослях, неподалеку от лагеря. Прошло совсем немного времени, как вдруг, заглушая крики сов, рычание ягуаров и других зверей, охотящихся по ночам, слышались человеческие стоны и хруст костей.

— Это злой дух леса Курупира и его подручные расправляются с охотниками,— сказал отец сыну.

На рассвете они приблизились к лагерю: от него остались лишь пустые окровавленные гамаки да разбросанные под ни-

ми человеческие кости. А среди костей лежала голова одного из охотников.

Когда отец с сыном собрались уходить, голова вдруг закричала:

— Эй, приятель, унеси меня домой!

Удивившись, мужчина обернулся.

— Эй, приятель, унеси меня домой! — снова попросила его голова охотника.

Тогда отец послал сына вперед, в деревню, а сам, сорвав лиану, обвязал ею голову и так потащил ее за собой по земле. Однако вскоре он испугался и решил оставить голову на дороге. Но стоило ему двинуться с места, как голова покатилась за ним вслед, крича без умолку:

— Дружище, приятель! Погоди немного! Возьми меня с собой!

Ему пришлось замедлить шаг, чтобы голова могла за ним попевать. Между тем человек размышлял, как бы ему избавиться от столь зловещего попутчика. Он попросил голову подождать, пока он сходит в заросли по своим делам. Но, выйдя на дорогу немного дальше того места, где он оставил голову, человек так и не вернулся к ней. Он быстро вырыл на дороге яму, прикрыв ее зелеными ветками, и спрятался неподалеку.

А голова ждала-ждала на дороге мужчину и наконец, не выдержав, закричала:

— Приятель, ты еще не освободился?

— Нет еще! — ответила куча фекалий.

Голова удивилась:

— Это еще что такое? Раньше дерьмо вроде не разговаривало!

Голова покатилась по дороге и спустя какое-то время провалилась в яму. Человек вышел из засады, закидал яму землей и хорошенько утрамбовал. Потом двинулся в деревню.

Когда стемнело, из леса послышались крики, они становились все громче и громче.

— Видать, череп выбрался из ямы,— повторял человек жителям деревни.

Тем временем у черепа выросли огромные крылья и когти, как у гигантского ястреба. Теперь череп летал, а увидев первого встретившегося ему у деревни человека, он набросился и проглотил его. Однако вечером следующего дня наделенный волшебной силой и вооруженный луком и стрелами юноша укрылся в засаде, прямо у того места, где лесная тропа выходила к деревне, и стал ждать появления чудовища. Как только стемнело, оно появилось в воздухе, хлопая крыльями и издавая жуткие крики; потом опустилось на дерево у опушки леса. Теперь чудовище окончательно превратилось в гигантского ястреба. Тут юноша, обладающий магической силой, выстрелил в него из лука так, что стрела надвое раскроила ему череп, выбив оба глаза, и огромный ястреб упал замертво.

КИБУНГО И ЧЕЛОВЕК

Жил когда-то человек, и было у него трое сыновей. Пошел он как-то раз на работу, а детей и жену оставил дома. Откуда ни возьмись, появился кибунго и заревел:

Чей это дом?
Кто живет в нем?

Женщина ему и отвечает:

Живем тут впятером:
Дети, муж и я,
Одна семья,—
Вот чей это дом.

Кибунго обрадовался:

Какой хороший дом,
Всех сейчас сожрем,
Я давно не ел,
Даже похудел.

Заплакала женщина:

Ах, не ешь ты нас, пощади!
Смилуйся над нами, погоди!

Но кибунго проглотил троих детей и хотел уже было приняться за женщину, как вошел ее муж с ружьем, Кибунго очень испугался ружья, кинулся искать заднюю дверь и не нашел: ведь в домах у негров не бывает второй двери. Тут кибунго завыл:

Проклятый дом,
Одна дверь в нем.
Куда податься?
Как спастись?

Муж бросился на кибунго и убил его, а потом вытащил у него из брюха своих детей, целых и невредимых, и стали муж с женой жить-поживать, детей растить и миловать.

Вот и сказка улетела, да нам что за дело: птичка нам еще десяток спела.

КИБУНГО И СЫНОК ЖАНЖАН

Когда-то давным-давно у кибунго была жена, и было у них много детей, но кибунго их всех съел. Но самого маленького, младшего сынка жена кибунго спрятала, чтобы отец его не съел. Звали его Жанжан. И велела мать Жанжану не выходить ни в коем случае, если из лесу придет отец и будет звать его грубым голосом, а откликаться только на ее тонкий голосок. Однажды кибунго вернулся домой очень голодный: и в лесу не поймал ни одного зверя, и в городе не схватил ни одного ребенка, а дома не было никакой еды, кроме его маленького сынка. И вот слабым от голода голосом кибунго позвал:

Выходи, сынок, сюда,
Для тебя тут есть еда!

Жанжан подумал, что это мать пришла из города и принесла ему сластей, и вышел. Кибунго схватил его, и бедняжка Жанжан заплакал:

Так и мама говорила:
Тебя кибунго съест постылый...
Так и мама говорила:
Тебя кибунго съест постылый...

Съел кибунго и последнего сына, а жена его умерла с горя. Вот потому и нет у кибунго ни жены, ни детей.

КИБУНГО И МАЛЬЧИК С МЕШКОМ ПЕРЬЕВ

Жил-был мальчик, который ставил в лесу силки на птиц с той поры, как стал входить в разум. У каждой пойманной птички он вырывал по два пера — одно из крыла, другое из хвоста — и складывал их в мешок. Долго ли, коротко ли, но набрался у него целый мешок перьев. Отец и мать спрашивали его:

— Сынок, на что тебе столько перьев?

— Пусть себе лежат, они мне пригодятся, — отвечал мальчик.

Однажды семья мальчика собралась ловить рыбу на дальнюю реку. Все в доме еще накануне начали готовиться в дорогу: кто стряпал, кто проверял крючки и верши, кто чинил сети. Один мальчик ничего не делал. Когда пришло время отправляться в путь, он взял свой мешок с перьями и закинул его за спину. Отец спросил его:

— Сынок, зачем тебе этот мешок?

— Он мне пригодится, отец.

Когда они добрались до места, все опустили свою ношу на землю, только мальчик не выпускал своего мешка из рук. Наконец все было готово, и началась рыбная ловля. Кто-то сказал:

— Знаете, а здесь водится кибунго...

— Вот еще! Ничего подобного...— отвечали ему.

Так они препирались, водится там кибунго или нет,— как вдруг издалека, из лесу, донесся ужасный рев. Все страшно перепугались.

— Ой, да это же кибунго!

— Я ведь вам говорил!

— Что с нами будет?

— Все пропало, не видать нам родного дома, съест нас кибунго!

Когда все кинулись бежать, мальчик сказал:

— Послушайте меня. Никуда бежать не надо, спокойно стойте на месте и держите крепче улов.

Потом он выстроил всех в ряд, и каждому дал по два птичьих пера — одно из крыла, другое из хвоста, и велел:

— Перо из крыла возьмите в зубы, а перо из хвоста суньте под мышку.

Раздав всем перья, он встряхнул мешок, оставшиеся два пера взял себе и встал в ряд последним. И тут появился злобно ревуший огромный кибунго. Он уже протянул свои страшные лапы к отцу мальчика, который стоял первым в ряду, но мальчик вдруг зашел:

— Не смей отца моего хватать,
Не то тебе несдобровать.

Кибунго зарычал и протянул лапу к матери мальчика, но мальчик зашел:

— Не смей мать мою хватать,
Не то тебе несдобровать.

Так кибунго прошел вдоль всего ряда, но никого из родных мальчика не тронул, потому что стоило ему изготовиться, как мальчик зашел свою песню. А как только кибунго проходил мимо, у каждого вырастали крылья. Когда кибунго дошел до мальчика, тот тоже одно перо взял в зубы, а другое сунул под мышку, и у него выросли крылья. И тогда все они взмахнули своими крыльями: фр-р-р-р! — и полетели домой. А как

только прилетели и сели во дворе перевести дух, то заговорили:

— Ну все, теперь кибунго уж не явится! Пора заняться уловом.

Мальчик тут говорит:

— Придет кибунго, придет.

Призадумались тут все, как бы им покончить с проклятым кибунго. Мальчик и говорит:

— Давайте выроем глубокую-глубокую яму перед дверью и воткнем в нее колья. Потом сделаем пугало и посадим возле ямы. Кибунго кинется на него и свалится в яму на колья. Тут-то мы его и прикончим.

Сказано — сделано. Выкопали яму, воткнули туда колья, прикрыли ее ветками и банановыми листьями, а сверху землей присыпали. Потом соединили накрест две палки, обрядили их в штаны и рубаху, а затем и шляпу приспособили. Когда все было готово, они спрятались.

Скоро послышался рев кибунго, потом он и сам появился, увидел человека у порога, кинулся на него и свалился на колья. Тут все: мужчины, женщины, дети — бросились на него, кто с дубьем, кто с ножом, кто с серпом, и в мгновение ока прикончили кибунго. Ну и ликование же было потом: не страшен больше им был кибунго, лови себе рыбу, где хочешь! А уж как мальчика хвалили! Ведь он не только спас их из лап кибунго, но и подсказал, как с ним покончить.

ДЕВОЧКА И КИБУНГО

В далекие времена, когда кибунго на всех страх наводил, дети по вечерам не смели выходить из дому. Кибунго рыскал возле деревни и страшно завывал: у-у-у, а когда видел ребенка, то хватал его и съедал.

Жила-была одна женщина, и была у нее дочка. Не сиделось девочке дома по вечерам — то к соседям забежит, то родных навестит. Мать ей говорила:

— Не ходи из дому, дочка, поймает тебя кибунго и съест!
Но упрямая, непослушная девчонка пропускала ее слова мимо ушей. И вот однажды ночью кибунго схватил ее, посадил в мешок и понес в лес. Девочка запела:

— Схватил меня кибунго,
Тащит меня в лес,
Помоги мне, мама,
Кибунго меня съест.

А мать ей отвечает:

— Говорила тебе мать,
По ночам не смей гулять!

Услышала это девочка, и давай и давай других родных на помощь звать, но никто не вышел, все отвечали ей то же самое. Плачет девочка, а кибунго ее все дальше тащит. Пронесил он ее мимо домов, где другие ее родственники жили, но никто не стал ей помогать. Тут ее бабушка услышала, как люди кричат:

— Кибунго схватил девочку!.. Тащит ее в лес!..

Старушка кинулась со всех ног к очагу, поставила на огонь горшок и раскалила вертел в углях. Когда кибунго проходил мимо ее дома, девочка запела:

— Схватил меня кибунго,
Тащит меня в лес,
Помоги, бабуля,
Кибунго меня съест.

Но и бабушка ответила ей, как все остальные. Кибунго обрадовался и пошел дальше своей дорогой. А бабушка тем временем схватила горшок с кипятком, бросилась на улицу и плеснула кипятку кибунго на пятки. Кибунго так и подскочил, и мешок с девочкой выронил. Тогда бабушка выхватила из огня раскаленный докрасна вертел и воткнула его кибунго в загривок. Он и сдох. Бабушка взяла внучку к себе и никогда больше не пускала ее к родителям. А у девочки пропала охота бегать по соседям, когда стемнеет.

СЕМЬ ИСПЫТАНИЙ В ЖАРАУ

Уже двести лет я пребываю здесь; я познал учение арабских мудрецов и сделал счастливыми тех немногих людей, которым хорошо известно, что человек является одновременно и властелином, и рабом...

Все эти годы я не спал, я не испытывал ни голода, ни жажды, ни скорби, ни радости...

Не останавливаясь, но и не чувствуя усталости, я хожу по чудесному дворцу, скрытому в горе Жарау, и втаптываю в пыль слитки золота, а они рассыпаются под ногами, как рыхлая земля; дорожки в саду, которые я топчу с отвращением, выложены зелеными, желтыми, ярко-красными, голубыми, розовыми, фиолетовыми камнями... Когда же проходит волшебница, они превращаются в разноцветную радугу, каждый камень — в живой не оставляющий пепла огонек. Колодцы полны дублонов и унций, драгоценностей и доспехов. И все это золото Перу, Мексики и Минас Жераис¹, все сокровища, которые завоеваны королями Португалии, Кастилии и Арагона...

Но я гляжу на все эти богатства с отвращением, оттого, что у меня их так много, и оттого, что я не могу радоваться им как в те времена, когда я был таким же, как все люди, и так же, как все люди, нуждался и умирал от зависти; терпеливо переносил несчастья и не ценил того, что имел, стремясь получить то, что принадлежало другим...

Чары, держащие меня в заточении, дозволили мне сопровождать людей, сильных духом и чистых сердцем, решившихся попытать счастья в этой пещере Жарау, которая стала известна благодаря мне...

Многие, побывав в ней, уходили с изуродованной душой: одни умирали от обуявшего их страха, другие, обезумев, бродили по деревьям, наводя на людей ужас, третьи уходили на равнины и жили там бок о бок с дикими животными...

¹ Минас Жераис — современный штат в Бразилии.

Немногие выдержали выпавшие на их долю испытания. Но те, которые их выдержали, обретали все, о чем просили, а ведь величайшее из всех сокровищ — зачарованная мавританка — выполняет все свои обещания и не берет назад того, что дает...

И каждый, кто приходит сюда, оставляет выкуп за себя самого, чтобы все мы когда-нибудь обрели свободу...

Однако все, кто приходил, были надменны душою; все приходили сюда, влекомые алчностью, или ненавистью, или каким-либо иным пороком; ты был единственным, кто пришел сюда без дурных умыслов, и единственным, кто заговорил со мной, как сын божий...

Доселе ты был первым; когда же эти места в третий раз услышат приветствие христианина, колдовские чары разрушатся, потому что я раскаиваюсь... и подобно апостолу Петру, который трижды отрекся от Христа, но был прощен, я раскаиваюсь и я получу прощение.

На роду написано, что мое спасение придет таким образом; и, когда я буду расколдован, благодаря мне разрушатся и колдовские чары волшебной ящерицы; когда же это случится, пещера исчезнет вместе со всеми сокровищами, всеми драгоценными камнями, всеми монетами, всеми колдовскими тайнами, всеми приворотными зельями, всеми ядовитыми зельями и заколдованным, непобедимым оружием... все, все, все это дымом унесется сквозь отверстие в вершине горы и рассеется в розе ветров...

Ты, ты первый обратился ко мне как христианин.

Хорошо, когда человек силен духом и чист сердцем!.. Такой человек войдет в пещеру, прикоснется к волшебной палочке и выберет, что пожелает...

Человек, сильный духом и чистый сердцем! Перед тобой темное подземелье: входи! Входи! Там дует теплый ветер, который задувает огонь свечи... и налетает холодный, холодный ветер... он леденит, как иней.

Там нет никого... Но если ты хорошенько прислушаешься, ты услышишь человеческие голоса, они переговариваются

между собой... но ты не поймешь, о чем они говорят, ибо говорят они на неведомых тебе языках; это рабы смуглой принцессы, это духи волшебной ящерицы... Там нет никого... Там никого не видно, но, как бы приглашая тебя, чья-то рука хлопает по плечу того, кто войдет сюда смело, и, как бы угрожая, толкнет того, кто в страхе попятится...

Человек, сильный духом и чистый сердцем! Если ты таким войдешь туда и таким пребудешь, ты получишь право желать и ты получишь желаемое!

Но управляй своей мыслью и удержи свой язык, ибо мысль человека возводит его на вершину мироздания, а язык человека принижает его...

Так входи же, человек, сильный духом и чистый сердцем!..

И гаушо спешился; он стреножил своего доброго коня и для вящей предосторожности привязал его к дереву камбуй, которое гнется, но не ломается; он отвязал шпоры, наточил длинный нож, перекрестился и подошел к пещере...

Он был молчалив и молча вошел в пещеру... Зачарованный ризничий встал и тенью растворился в тени деревьев.

Тишина застыла, как парящая в воздухе сова; тишина эта внушала страх...

А гаушо пошел вперед.

Он вошел в подземелье, которое едва виднелось за густым сплетением ветвей; в глубине его было совсем темно...

Он прошел по просторному коридору, который в конце разветвлялся на семь коридоров.

И все шел вперед.

Он пошел по одному из этих коридоров, поворачивая то налево, то направо, поднимался и спускался. И все время было темно. И все время было тихо.

Чья-то незримая рука похлопала его по плечу.

На каком-то перекрестке он услышал стук скрестившихся сабель, знакомый ему звон мечей.

Тут во тьме забрезжил свет, слабый, как огонек светлячка.

Тени людей сражались не на жизнь, а на смерть; ни угроз, ни проклятий не было в их глазах, но яростными были удары, которые они молча наносили друг другу...

Гаушо содрогнулся от ужаса, но тотчас услышал голос существа с бледным и грустным лицом:

— Сильный духом и чистый сердцем...

Гаушо ринулся в самую гущу мечей, он чувствовал их лезвия, их острия, прикосновение тел дерущихся... И все же он гордо прошел среди них, не глядя по сторонам, но слыша вздохи и стоны сражающихся.

Чья-то рука легонько, как бы ласково и дружески, хлопала его по плечу.

В тишине подземелья гаушо слышал только звон своих шпор.

И он все шел вперед.

Он очутился в залитом мягким светом гроте, где совсем не было тени. Здесь, как в гнезде термитов, переплеталось бесчисленное множество дорог, шедших по всем направлениям; когда он пошел по одной из этих дорог, на первом же повороте его окружили ягуары и пумы, жаркое дыхание вырывалось из их открытых пастей, звери выпускали когти и яростно били хвостами...

Но он смело прошел среди них, чувствуя, что их жесткая шерсть касается его; прошел не спеша, но и не медля, и слышал позади рычание, замиравшее и не повторяемое эхом...

Незримая рука того, кого он не видел, но кто, несомненно, шел с ним рядом, все время ласково похлопывала его по плечу, не подталкивая, но направляя его вперед, и только вперед...

Опять показался свет, зеленовато-желтый огонек светлячка...

А гаушо все шел вперед.

Перед ним был спуск; внизу была круглая площадка, вся усыпанная костями. Здесь было множество скелетов, они стояли стоймя, прислонившись друг к другу и согнувшись словно от усталости; на земле валялись оторванные части

скелетов: отвалившиеся черепа с белевшими зубами, с пустыми глазницами; как бы танцующие ноги; позвоночники и ребра двигались — одни ритмично, другие беспорядочно...

Правая рука гаушо поднялась было, чтобы сотворить крестное знамение... но — сильный духом и чистый сердцем, он решительно прошел между скелетами, чувствуя запах тления, который издавали гниющие кости.

И снова ласковая рука похлопала гаушо по плечу...
А он все шел вперед.

Дорога стала круто подниматься вверх, но он преодолел подъем не учащая дыхания; чуть в стороне было некое подобие печи; он должен был пройти сквозь нее, а внутри нее играли буйные, красные языки пламени, словно в печь подбрасывали ветки дерева няндувай; струи воды, бьющие из стен, били в пламя, и шипя, и вскипая, испарялись; дул сильный ветер, вздувавший огонь и воду, и было бы величайшей дерзостью ворваться в этот вихрь...

Но гаушо прошел сквозь него, ощущая жар пламени...

И снова незримая рука похлопала его по плечу, как бы желая сказать: «Молодец!»

А он все шел вперед.

Он потерял счет времени и шел куда глаза глядят; тишина угнетала его; вдруг забрезжил тусклый свет, и в этом свете он разглядел на дороге свернувшееся клубком пятнистое, толстое тело; по земле бил хвост с гремушкой на конце, огромной, как яйцо птицы теу-теу.

Это была гремучая змея, страж той дороги; она поднимала узкую головку и высовывала черный язык, устремив на человека взгляд своих немигающих горящих глаз, черных, как бархатные пуговицы...

С ее двух кривых зубов, длинных, как рога годовалого бычка, капала черная жидкость: то был яд, накопившийся от длительного поста...

Змея — проклятая гремучая змея — извивалась, трещала гремушкой, словно предупреждая об опасности, и высовывала язык, словно дразня.

Обильный пот выступил на лбу у нашего друга... но он пошел вперед, не глядя на змею, но видя, как она поднялась на хвосте и упала на землю, плоская и дрожащая... пошел вперед, слыша треск гремушки, который долго стоит в ушах, и свист, который невозможно забыть...

Это было пятое испытание храбрости, из которого он, сильный духом и чистый сердцем, вышел победителем; и тогда летающая рука погладила его по голове и уже совсем дружески похлопала по плечу.

И гаушо все шел и шел вперед.

Он вышел на луг, поросший пышной травой, от которой веяло сладким, доселе неведомым ему ароматом; всюду росли пышно цветущие, изобилующие плодами деревья, на их ветвях весело щебетали птички с ярким оперением, тут же резвились ручные олениа, распевали птицы капоророки, было здесь множество и других птиц и зверей, радующих глаз, а в центре луга по травянистому склону холма протекал ручеек, сначала тонкий, как ниточка, набиравший силу и затем превращавшийся в речушку и бурливший у широкого песчаного берега, разбрасывая брызги, белые, как серебряная пыль...

Тут он увидел хоровод девушек — одна другой краше! — веселый хоровод, который вышел из рощи, окружил гаушо и стал обольщать его, беднягу, который только и видел, что жен пастухов.

Одни были одеты в сплетенные из цветов гирлянды, другие — в одежды, сплетенные из нитей бисера, третьи прикрывались своими распущенными волосами; одни подносили ему наполненные благоухающим напитком причудливой формы стеклянные сосуды, запотевшие от холода, другие танцевали, покачивая бедрами в такт, словно под музыку, третьи прельщали его красотой своего тела и расстилали на земле мягкие циновки, откровенно и лукаво приглашая его возлечь...

Однако гаушо прошел мимо них, хотя у него стучало в висках: ведь он дышал воздухом, который был пропитан злом...

Гаушо шел все дальше и дальше.

А как только он вошел в рощу, его тут же окружила толпа головастых и кривоногих карликов, из которых один был потешнее другого; все они кланялись, делали пируэты, танцевали фанданго, плясали на канатах, прыгали, как кузнечики, затевали драки и делали такие гримасы, какие могли делать только они одни...

Но гаушо прошел мимо них, даже не улыбнувшись... Это седьмое испытание было последним.

И тогда перед ним возникло печальное, бледное лицо того, кто, несомненно, следовал за ним всюду, хоть и не помогал ему на этом трудном пути, и взял его за руку.

И гаушо пошел за ним.

ДОГОВОР С ЯЩЕРИЦЕЙ

За неким подобием занавеса, словно сотканного из чешуек золотой макрели, находилось большое, залитое светом подземелье. На прозрачной скамеечке, меча разноцветные молнии, сидела древняя старуха, морщинистая и сгорбленная!

В руках ее была белая палочка, которую она то так, то сяк поворачивала, словно играя ею: связывала то, что развязалось, скручивала то, что раскрутилось, словом пряла свою пряжу.

— Хозяйка,— сказала сопровождавшая гаушо тень,— вот кто к вам пожаловал!

— Ну раз ты пожаловал, ты явился, так проси чего хочешь,— отвечала она.

Иссохшая старуха встала, выпрямилась, и суставы ее захрустели; она подняла свою палочку, и тотчас же волшебная палочка излила на нее целый дождь лучей, так в бурю из тяжелых туч льет дождь.

— Ты прошел все семь испытаний в пещере Жарау, а потому я разрешаю тебе из семи радостей выбрать одну,— сказала старуха.— Выбирай! Хочешь быть счастливым в иг-

ре, например, в карты, которые тасуют руками, в кости, которыми правит судьба, на скачках, в лотерее... хочешь?

— Нет,— отвечал гаушо, мгновенно изменившись в лице — его взгляд стал походить на взгляд лунатика, который видит то, чего не видят другие... или на взгляд кошки, которая провожает глазами что-то, незримо проносящееся в воздухе...

— Может, ты хочешь играть на гитаре и петь, очаровывая женщин, которые будут тебя слушать... и мечтать о тебе, и идти на твой зов, так же покорно, как птицы, зачарованные взглядом змеи, и отдаваться твоим поцелуям, твоим желаниям, млея в твоих объятиях?

— Нет,— произнесли губы в ответ на это.

— Может, ты хочешь узнать тайну трав, корней, соков растений? Узнав эту тайну, сможешь врачевать недуги тех, кого любишь, или насылать болезни на тех, кого ненавидишь... сможешь одаривать людей сновидениями, сводить с ума, утолять голод, унимать кровь, покрывать трещинами кожу, разрушать кости... соединять разлученных, находить пропажи, обнаруживать зависть... хочешь?

— Нет!

— А может, ты хочешь, чтобы твой враг не избежал твоего ружья, копья или ножа, не избежал даже в темноте или на далеком расстоянии, даже если он очень проворен или если он предупрежден, даже если он сильнее или хитрее тебя?

— Нет!

— Хочешь повелевать в своем краю, чтобы все безропотно тебе повиновались?.. Или ты хочешь узнать чужие языки, чтобы тебя понимали все чужестранцы?

— Нет!

— А может, ты хочешь стать богачом, получить земли и скот, табуны лошадей и стада коров?

— Нет!

— А может, займешься живописью, будешь писать звучные стихи, повести о страданиях, смешные пьесы или услаждающую слух музыку, чеканить изделия из золота, высекать статуи из мрамора?

— Нет!

— Ну, раз ты ничего не хочешь, раз ты ничего не выбрал из того, что я тебе предложила, разговор окончен, ты свободен. Ступай!

Сетуя в глубине души на себя, гаушо не двинулся с места; он думал о том, чего хотел просить, но не мог.

— Я хочу получить тебя, волшебная ящерица, ибо ты — это все!.. Ты — все то, чего я не знаю, хотя я и догадываюсь, что оно существует вне меня, вокруг меня и надо мной... Я хочу получить тебя, волшебная ящерица!

Тут крошечная тьма, не сравнимая даже с самой темной ночью, опустилась на все вокруг, на воцарившуюся тишину, и какая-то сила толкнула пришельца в стену.

Гаушо сделал шаг, другой, третий и вдруг пошел назад; он поворачивал то направо, то налево, поднимался и спускался и наконец вышел к входу в пещеру, через который вошел.

Он увидел, что конь его спокойно стоит, привязанный к дереву; вокруг те же заросли, вдали — те же открытые пространства, на которых с одной стороны пасся скот: быки, коровы; с другой — меж кустарников текли серебристо-белые воды ручья.

Он вспомнил, что только что не видел, не слышал, не говорил: он спал, но страх не лишил его сознания.

Вспомнил то, что ему предлагали, но он не выбрал ничего, потому что хотел получить все... и в порыве слепой ярости решился снова попытать счастья...

Он вернулся к тому месту, где был вход в пещеру... но наткнулся на стену, а вернее, гору. Твердая земля, непроходимый лес, высокая трава... и ни щели, ни трещины, ни дыры, ни пещеры, ни подземелья, ни грота — здесь не мог бы спрятаться и ребенок — где уж было пройти взрослому мужчине!

Опечаленный и удрученный, гаушо отвязал лошадь, вскочил в седло, но, когда он тронул поводья, ему показалось, что там, где была привязана лошадь, он видит ризничего, видит его грустное бледное лицо, протянутую руку и слышит его слова:

— Ты не пожелал ничего, ты силен духом и чист сердцем, это правда; но ты не умеешь управлять мыслью и удерживать язык!.. Не скажу тебе, хорошо ты поступил или плохо. Но так как ты беден, а бедность это бремя, прими от меня подарок. Этой золотой монеты коснулась волшебная палочка, теперь она даст тебе столько монет, сколько ты пожелаешь, но проси только по одной, никак не больше, и храни ее на память обо мне!

И зачарованный ризничий растворился в тени деревьев.

Гаушо опустил монету в карман своего пояса гуайаки¹ и тронул поводья.

Солнце уже клонилось к закату, и гора Жарау отбрасывала длинную тень, ложившуюся на болотистый луг и заросли у ее подножия.

По дороге домой гаушо проехал мимо небольшого раншо, стоявшего на пологом берегу; дверь дома заменяла шкура; гаушо спешился и вошел в лавку, в которой окрестные жители в обмен на одежду, шкуру или домашний скот покупали крепкие напитки, а так как глотка у гаушо пересохла, а в голове шумело, он приказал подать ему вина.

Он напился, вытащил из гуайаки монету и расплатился; расход был столь невелик, а сдачи так много, что он удивился: он не привык видеть столько денег, да еще своих... Он высыпал деньги в гуайаку, почувствовав их тяжесть и услышав их глухое звяканье, молча вскочил на коня и поехал дальше.

По дороге он думал о том, что ему нужно купить. Думал о сбруе, оружии, одежде, платках, сапогах, о новой лошади, о шпорах и о разных украшениях, он думал, как он будет объезжать окрестности, раздавать щедрой рукой золотые крузудо, и спрашивал себя, может ли волшебная монета одарить его кучей денег, на которые он сможет купить все, что пожелает...

Он приехал в свое селение и, как человек осторожный, никому не сказал ни где был, ни что сегодня делал, сказал

¹ Гуайака — широкий лакированный пояс с карманами для денег, оружия и т. д., который носили бразильцы.

только, что потерял бурого быка, которого пас; а на следующий день, ни свет ни заря, выехал, желая проверить, исполнится ли обещание.

Он купил у торговца щегольской костюм, да еще кинжал, да еще подшивку для брюк с серебряными кольцами, да еще плетъ на большом кольце.

И все покупки обошлись ему в три монеты.

Кровь застучала у него в висках; он до боли стиснул зубы, заморгал глазами, у него даже дыхание перехватило: все еще не веря самому себе, он сунул руку в свою гуайаку под заплатаанным пончо... в нее упала монета, потом другая, потом третья, потом четвертая... Ровно четыре монеты!

Но падали они не по две, не по три и не по четыре, а одна за другой, и всякий раз по одной...

На раншо гаушо вернулся с битком набитым чемоданом, но, как человек благоразумный, никому не рассказал о случившемся.

На следующий день гаушо поехал по другой дороге к другому, более крупному торговцу, у которого было больше разных товаров. На сей раз он сделал список всего, что нужно было купить, и требовал нужные ему вещи по порядку, следя за тем, чтобы надо было платить по одной монете и чтобы успеть вернуть покупку, если вещь будет стоить дороже одной монеты. Это конечно неловко, что правда, то правда, но зато не придется платить лишнее. Всего он заплатил пятнадцать монет.

И опять он сунул руку в гуайаку под своим заплатаанным пончо, и тотчас в нее упала монета... другая... третья... четвертая... пятая и шестая... и так, по одной, все пятнадцать монет!

Торговец брал монеты и клал их на прилавок по мере того, как получал их из рук покупателя; когда же тот расплатился, он сказал, насмешливо и подозрительно:

— Ну и ну! Каждая ваша монета — что твой кедровый орешек: с нее надо ногтями скорлупки очищать!

На третий день по дороге гнали табун лошадей; гаушо остановил его, облюбовал партию, договорился с табунщиком о продаже коней, и, так как не торговался, сделка состоялась.

Вдвоем с погонщиком они вошли в середину табуна — только так они смогли отобрать лошадей; гаушо выбирал то одну, у которой ему нравилась голова, то другую, у которой ему нравились глаза или уши; он вращал тонкое лассо с небольшой скользящей петлей на конце и набрасывал ее на приглянувшегося ему жеребца; если у какой-нибудь лошади ему нравились копыта и она была без изъянов, он отводил в свой загон для скота и ее.

Наметанный глаз пастуха ни разу не ошибся, и тридцать великолепных лошадей были выведены из табуна, за них следовало заплатить сорок пять монет.

И вот пока лошади пили и щипали зеленую траву, гаушо и табунщик отошли в тень фиговой пальмы, что росла на краю дороги.

Не до конца уверовав в чудо, гаушо сунул руку в гуайаку под своим заплатанным пончо... и тотчас в нее посыпались одна монета за другой: одна, три, шесть, десять, восемнадцать, двадцать пять, сорок, сорок пять!..

Удивленный столь необычно медленным способом расплаты, торговец лошадьми не удержался и заметил:

— Друг, твои монеты что орехи жерива: падают по одному!..

Подвергнув таким образом волшебную монету испытаниям, гаушо наконец в нее поверил.

Тогда он арендовал поле и купил десять тысяч голов скота.

Эта покупка стоила ему больше трех тысяч монет наличными.

Целый день потратил бедняга, доставая их одну за другой из гуайаки.

У него болела рука, ныло тело; никто его и пальцем не тронул, а он чувствовал себя так, словно его избили; ни разу в его гуайаку не упали две монеты одновременно.

В ожидании, пока гаушо соберет требуемую сумму, торговец вышел, выпил mate и перекусил; когда же, поздно вечером, он вернулся под навес, гаушо все еще выкладывал монету за монетой!..

Деньги были уплачены, когда уже стемнело.

* * *

Заговорили о богатстве гаушо в народе. Всех поражало, что еще вчера он был чуть ли не нищим, ходил в жалких лохмотьях, которые заставляли богатых людей отворачиваться, а сегодня... Заговорили и о его странной манере расплачиваться: ведь он всегда вытаскивал из кармана одну монету, и никогда, никогда не платил даже двух монет сразу.

Случалось, что ему предлагали купить что-либо и по недорогой цене, однако всякий раз повторялось то же самое. Чудеса, да и только!

Чудом это было и для него самого... он был богат... очень богат... но получал только по одной монете: они сыпались, как орехи с дерева жерива — по одному... Так по одному вылушивают и кедровые орехи...

Чудо, настоящее чудо и для него... он... богат... очень богат... Но все деньги, которые он получал, выручая их при сделках или от продажи чего-либо, исчезали из железного сундука, где он их хранил, исчезали, словно растворяясь в воздухе...

Он был богат... очень богат, и у него всегда хватало денег, чтобы купить то, что ему нравилось: достаточно было сунуть руку в гуайяку, и монеты начинали сыпаться... но никогда ни одна монета не оставалась в его кармане или в сундуке, они испарялись, словно вода на раскаленном кирпиче...

И вот поползли слухи... люди стали говорить, что гаушо заключил договор с дьяволом, что его деньги прокляты, потому что те, кто с ним имел дело, и тот, кто получал от него деньги, впоследствии заключали невыгодные сделки и теряли ровно столько, сколько получили из его рук.

Он покупал и расплачивался у всех на виду, что верно, то верно, торговец предъявлял ему счет и получал деньги, это так, но предпринимаемая сделка заведомо была убыточной.

Сам он тоже продавал и получал деньги, и это верно; но деньги, которые он складывал и хранил, словно уносил ветер, нет, их никто не крал и гаушо не терял их, но они исчезали, словно унесенные ветром.

А слухи все ползли и ползли; теперь уже говорили о том, что тут, конечно, не обошлось без колдовства в пещере Жарау, куда гаушо частенько навевывался, и что там-то, видно, он и продал душу за эти деньги...

И вот заспешили к пещере Жарау: горячие головы на расвете, кто похитрее — с наступлением темноты, ну а смельчаки — либо в полночь, либо с первыми петухами.

А так как в этот путь люди пускались тайком, они, как тени, рыскали в тени деревьев, но так и не находили ни входа в пещеру, ни преграждающей путь стены, и громко зывали к святым...

Гаушо, однако, все стали сторониться, как бешеного быка.

Ему даже не с кем было поговорить: в одиночестве он ел жареное мясо, в одиночестве пил мате, и компанию ему составляли разве что собаки, которые выли то поодиночке, то все вместе.

Поденщики уходили от него и нанимались на работу к другим; торговцы отказывались как покупать у него, так продавать ему, а прохожие обходили стороной, только чтобы миновать его навес.

Приздумался тут гаушо, и крепко, о причине своего одиночества, которое его стало терзать и повергать в уныние.

Сел он на лошадь и поехал в горы. А подъехав к горе Жарау, услышал шум и с болотистого луга, и из зарослей на берегу реки, но, подумав, что это, должно быть, дикие лошади, начал подниматься на гору. Но то не были ни потревожен-

ные дикие лошади, ни убегающий волк, ни рыскающий в горах броненосец; то были люди, люди, прятавшиеся друг от друга и от него.

Подъехал он к так хорошо ему знакомым и памятным деревьям, а подъехав, увидел бледное грустное лицо зачарованного ризничего. И первым, как и надлежало, заговорил, а сказал то же, что и в прошлый раз:

— Благословен господь бог наш!

— И ныне, и присно, и во веки веков, аминь! — ответил печальный ризничий.

Тут гаушо, не сходя с лошади, бросил к его ногам золотую монету и сказал:

— Возьми ее! Я предпочитаю бедность тому богатству, что принесла мне эта монета; она неразменна, это правда, но сдается мне, что на ней лежит проклятье, ибо она всегда одна, и тот, кому она достается, обречен на одиночество!.. Прощай! Храни тебя, бог ризничий!

— Слава богу! — сказал ризничий и, упав на колени, сложил руки, как на молитве.— В третий раз ты призвал имя господне, друг мой! Оно разрушило чары!.. Спасибо тебе! Спасибо! Спасибо!

* * *

И в тот же миг, когда в третий раз прозвучало имя господне, гаушо услышал грохот, страшный грохот, огласивший всю округу; гора Жарау содрогнулась, содрогнулась сверху донизу. И тотчас в вышине, на вершине горы вспыхнул, взвился, засверкал и погас высокий, как сосна, язык пламени, а когда он погас, из горы повалил черный дым, который ветер уносил вдаль, уносил во все стороны широкой равнины; дым клубился, клубы его носились в воздухе, словно одичалое стадо животных, которые не разбирают дороги, потом расслаивался, расплзался, рассеивался.

Ризничий сказал, что это горят скрытые в пещере сокровища.

Шум и грохот стоял над рухнувшей горой: то шумели гнездившиеся в подземелье злые силы, шумели и разбегались, как перепуганные птенцы куропатки.

* * *

Теперь гаушо видел гору насквозь, точно она была прозрачной. Он видел все, что происходило в ее недрах; ее обитатели: борцы, ягуары, скелеты, карлики, прекрасные девушки, гремучая змея — все сплелись в один глубокий, все кружились, все извивались в красном пламени, которое вспыхивало и гасло во всех подземных коридорах, из которых шел дым, шел все гуще и гуще; рев, крики, визг, вой, стоны сливались в гул, который стоял над гребнем горы.

Морщинистая старуха превратилась в ящерицу, ящерица — в мавританскую принцессу, мавританская принцесса — в прекрасную индианку из племени тапуйяс. И тотчас бледное и грустное лицо стало лицом ризничего из церкви святого Фомы, а ризничий, в свою очередь, превратился в бесстрашного жителя Рио-Гранде...

И вот, когда были разрушены чары, которые висели над людьми былых времен, из дальних краев, эта пара, соединенная самой Судьбой и ставшая ее игрищем, — Судьбой, которая распоряжается всеми нами, эта пара, взявшись за руки, подобно влюбленным, отвернулась от места своего заточения и спустилась на равнину, на чистый, ровный, согретый ясным солнцем, зеленый луг, весь усыпанный желтыми маргаритками, фиолетовыми ирисами, белыми ноготками, приглашающий ступить на путь счастья, удачи, покоя...

Гаушо тоже не захотел видеть, что будет дальше; он осел широким крестом сперва себя, потом лошадь, затем тронул поводья и потихоньку с легким сердцем и поющей душой спустился по склону горы.

И хотя он снова стал бедняком, теперь он со спокойной совестью ел мясо, пил мате, отдыхал после обеда, — словом, со спокойной совестью жил!

* * *

Таков был конец пещеры в горе Жарау, которая просуществовала двести лет,— она возникла в одно время с Семью селениями; тогда-то и началась вся эта история.

* * *

Злого духа Аньянга-питана с тех пор тоже больше никто не видел. Говорят, что он скрывается от злости, ведь к нему не перешла сила ящерицы, которая оказалась женщиной.

*Легенды
о колонизации
Бразилии*

ЖЕНЕРОЗО

Когда Ангуера был язычником, он носил это имя; это был высокий, сильный и храбрый индеец, но был он печальным, угрюмым и молчаливым.

Когда священники-иезуиты пришли в горную глушь и сбились с пути, не кто иной, как Ангуера, стал их проводником и безошибочно вывел их на дорогу; когда же они остановились отдохнуть, он крестился.

Крестным отцом его был касике Мбороре — вождь индейского племени, ставший другом иезуитов. И язычнику Ангуере было дано христианское имя Женерозо, что означает: «Великодушный». Вот так, расставшись со своим прежним именем, как змея с кожей, печальный и угрюмый Ангуера стал веселым и жизнерадостным. Он помогал закладывать фундамент всех церквей в Семи селениях. Так он прожил свою жизнь!.. И всегда он смеялся и пел.

Однажды он позвал священника и исповедался ему; тот помазал его елеем, и Женерозо скончался.

Женерозо, видимо, скончался счастливым, потому что на лице его застыла улыбка; все оплакивали его, ибо он снискал всеобщее уважение, будучи человеком жизнерадостным и веселым.

Поскольку душа его отлетела весело, она незримо посещала знакомые дома, гуляла по комнатам и залам и, шутки ради, заставляла потрескивать потолочные балки и доски полов, а также новую мебель и корзинки, сплетенные из тол-

стых ивовых прутьев; если ей попадалась висевшая на стене гитара, она заставляла звенеть струны, чтобы усладить себя воспоминанием о песнях, что пел Женерозо, когда был жив.

Иной раз она принималась насвистывать у дверей и окон этих домов, наблюдая за их жильцами; когда же они собирались у огня, где рисовали или резвились детишки, женщины шили или плели сети, Женерозо, вернее, его душа — тихонько дул на огонь, заставляя его вздрагивать и колебаться, отчего начинали шевелиться отбрасываемые предметами тени.

И долго еще — вплоть до восстания оборванцев — «фарраушильяс», — когда танцевали фанданго в богатых имениях бразильских скотоводов или народный танец шимарриту на бедных раншо, Женерозо незримо при сем присутствовал и отбивал чечетку, ритм которой чувствовался в аккордах гитары. А когда на вечеринках случалось быть хорошему певцу, да с хорошим слухом, он вслед за Женерозо повторял куплет, который стал гимном тех времен:

В Пирапó мой дом родной,
Женерозо меня звать.
Я люблю принарядиться,
С девушками поплясать¹.

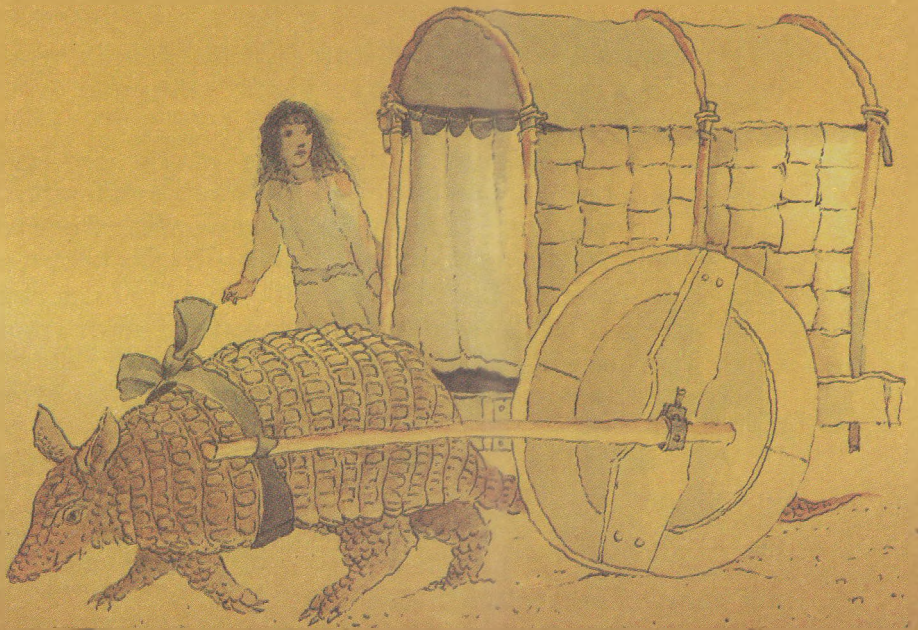
БРОНЕНОСЕЦ ТАТУ-МУЛИТА

Если броненосец тату-мулита
Мальшей своих рождает,
То брата у сестер и сестры у братьев
Никогда не бывает:
Или мальчики одни рождаются,
Или только девочки получаютя.

А повелось так с той поры, когда царь иудейский учинил избиение двух тысяч младенцев, и дева Мария, чтобы спасти младенца Иисуса, отправилась в Египет в повозке, запряженной маленьким осликом.

¹ Перевод А. Косс.

И вдруг нагнала их царская стража. Царь велел стражникам убить младенца Иисуса, а родителей его заковать в кандалы. Но дева Мария своими слезными мольбами смягчила сердце начальника стражи и, чтобы умиловать его, подарила ему ослика.

Пришлось деве Марии и святому Иосифу самим тащить повозку, в которой сладко спал младенец Иисус. Тяжко им было, но они шли и шли вперед...

Тем временем стража собралась поворачивать назад, но ослик возьми и заупрямясь! Как только начальник стражи ни пытался образумить упрямя — и хлыстом его стегал, и древком копья бил, и ножами колотил, — а ослик уперся, и ни в какую!

Уже все стражники вместе за него принялись, а ослик все ни с места!

Разозлился тогда начальник стражи, решил, что обманула его дева Мария, подсунув такое скверное животное, и велел догнать и схватить беглецов.

Дева Мария и святой Иосиф не знали, что происходит позади них, они только слышали ругань начальника и крики солдат, которые пытались усмирить ослика. Родители младенца Иисуса испугались этого шума и изо всех сил стали тянуть повозку побыстрее. Тут проснулся младенец Иисус, он хотел есть, и его надо было накормить, но от горя и усталости у девы Марии пропало молоко...

Откуда ни возьмись, появилась мулита, дева Мария и говорит ей:

— Мулита, детьми твоими заклинаю, дай мне капельку молока для моего мальчика!

Мулита дала капельку молока, но этого оказалось мало, и младенец Иисус по-прежнему плакал от голода. Дева Мария залилась слезами и говорит:

— Мулита, позови своих дочерей, пусть каждая даст по капельке молока, чтобы накормить моего сына!

— Сеньора дева Мария, — ответила ей мулита, — детей-то у меня много, но дочерей мало...

Позвала она своих дочерей, каждая дала по капельке молока, чтобы накормить младенца Иисуса, он насытился и перестал плакать. Тогда все дочери мулиты отправились своей дорогой в пустыню, осталась с девой Марией только мулитамать.

Когда они ушли уже далеко, они увидели вдруг, что их нагоняет стража, а во главе скачет разъяренный начальник!

Вскричала тогда в страхе дева Мария:

— Мулита, помоги мне тянуть повозку!

Мулита помогла, но у мулиты сил маловато, и повозка почти не продвигалась вперед.

А стража-то все ближе и ближе!

Заплакала дева Мария и говорит:

— Мулита, позови своих сыновей, пусть они помогут тащить повозку!

— Сеньора дева Мария,— ответила ей мулита,— детей-то у меня много, но сыновей мало.

Позвала она своих сыновей, которые потащили повозку бегом.

А стража-то все ближе и ближе!

Конечно, теперь, когда повозку тащили сыновья мулиты, она катилась быстрее, но лошади куда сильнее мулит и бегают резво... и вот преследователи уже близко... совсем близко! Но тут поднялась страшная песчаная буря, и как ни ругались стражники и их начальник, пришлось им все-таки отступить.

Когда младенец Иисус оказался в безопасности, сыновья мулиты ушли своей дорогой в пустыню, осталась с девой Марией только их мать. И сказала дева Мария:

— Мулита, в благодарность за молоко твоих дочерей и силу твоих сыновей, отныне ты будешь рожать либо только дочерей, либо только сыновей.

Мулита ответила:

— Все в вашей воле, сеньора дева Мария! Только я прошу у вас такой же милости для своей кумы, жены бременосца тату.

— Быть по сему,— сказала дева Мария.

Тогда мулита побежала в пустыню поделиться новостью со своей кумой. То-то радости было у жены броненосца тату!..

СТЕРВЯТНИК И ЧЕРЕПАХА

Как-то раз устроила дева Мария пир на небесах и пригласила всех зверей. Но как доставить на пир приглашенных? Рыбы могли подняться по радуге. Бабочки, жуки и прочие насекомые могли взлететь вместе с ветром. Птицам-то проще всех оказалось: маши себе крыльями, пока до облаков не доберешься, а там и входи себе спокойно в голубые небесные врата.

Но вот с четвероногими и земноводными было куда сложнее. Долго думали-гадали, судили-рядили, как поступить, и наконец придумали: птицы, собравшись стаями, поднимут в царство небесное кабанов, оленей, ягуаров, морских свинок, выдр, муравьедов и всех остальных.

И побежали цапли разносить весть о празднике и собирать приглашенных. То и дело в лесу поднималась суматоха, слышались крики, вздохи, стоны, смех, и вдруг в небо взмывал какой-нибудь броненосец, весь обвязанный лианами, которые целые стаи птиц держали в клювах. Птицы вовсю старались как следует выполнить порученное им дело.

Толстые капивары и разные рачки не могли взобраться по радуге и метались из стороны в сторону, одолевая всех просьбами о помощи. Тогда длинноногие журавли стали расстилать в низинах пончо, собирать туда неумех и, взяв концы пончо в клювы, переносили их на небо. Так все и шло, пока не появилась черепаха и не подняла шум:

— А кто меня отвезет на небо? А кто меня отвезет на небо?

Никто не хотел поднимать черепаху: уж слишком она большая, тяжелая и нескладная. И случилось так, что там пролетал стервятник (а был он очень зловредный, надо вам

сказать), услышал эти разговоры, сложил свои траурные крылья и сказал:

— Давайте я доставлю эту громадину на небо!

Собрались тут всякие речные обитатели смотреть, как это стервятник повезет черепаху. Стервятник и говорит:

— Влезай-ка мне на спину, кума!

Да разве может черепаха куда-то влезть! И все звери стали помогать ей взобраться на стервятника. Когда им это удалось, все замерли: что-то дальше будет? Стервятник взмахнул своими крыльями, похожими на обтрепанные зонтики, и полетел.

Летел он, летел, но черепаха — наездник неважный: то в одну сторону сползет, то в другую, то на шею стервятнику съедет, то на хвост. Стервятник ей и говорит:

— Сиди спокойно, кума, держись крепче за луку седла. А если будешь дергаться, то...

Через полчаса стервятник, обливаясь потом, понял, что не сможет доставить свою громоздкую ношу на небо. Тогда он резко взмахнул крылом, и — полетела черепаха вниз! Она пробила облака, упала на равнину, а панцирь ее разбился вдребезги.

Стервятник видел это сверху и только плечами пожал:

— Ну и родилась же такая нелепая тварь, что ей и на небо не подняться!

И затрясся от смеха.

Но деве Марии его поступок не понравился, и в наказание она запретила ему отдыхать на живых, зеленеющих деревьях, а в пищу ему назначила одну падаль.

ДЕРЕВО УМБУ В ГОРАХ КАВЕРА

Всякий, кто путешествовал в горах Кавера, должно быть, замечал, что через каждые пять легуа встречается дерево умбу. Умбу — старые деревья, выстоявшие не один век на этой земле.

Старики, живущие в горах, говорят, что деревья эти посадили священники — посадили, чтобы те служили им веками на пути.

По дороге из Касеки в Алегрете эти деревья, благодаря тому, что стоят они на равнине, особенно хорошо видны. Так же хорошо видны они и по дороге из Касеки в Розарио и из Розарио в Карай; идя в этом направлении, ты все время их встречаешь.

Одно такое огромное дерево, которое растет неподалеку от реки Ибикуи, я знаю. Сидя на его корнях и глядя вправо, можно видеть весь Розарио; посмотри налево — и ты увидишь синеющий на горизонте прекрасный горный хребет Кавера. А глядя прямо на гору, увидим другое умбу, которое стоит у раншо, получившего название «Умбу».

Вот так, следуя через горы Кавера, мы встречаем на своем пути умбу; пастухи говорят, что дерево умбу встречается на всем пути до самого Монтевидео.

Умбу — крепкая порода деревьев. Оно не боится прямых лучей солнца. Чем сильнее засуха, тем зеленее листва умбу. Чем сильнее холод, тем пышнее оно цветет.

Некоторые умбу — свидетели исторических событий: под сенью их обсуждались дела огромного значения. В имении «Каменный двор» растет такое могучее умбу, что десять человек, взявшись за руки, не могут обхватить его, в тени его не раз готовил себе шурраско оратор Силвейра Мартинс. А другое дерево горделиво возвышается над Поншо Верде, как символ минувших веков, свидетельствуя о том, что оно видало вождя восстания оборванцев Канабарро, споривших о том, должны ли они умереть или сдать оружие императорскому правительству.

В тени его ветвей укрывались неукротимые воины: сначала те, кто защищал родину от иноземных захватчиков, потом гаушо-монархисты, защищавшие своего монарха и Империю, наконец, сыны этих гаушо, защищавшие свои идеи, которые они считали более благородными. И все они умерли; камень жизни катится то по бесконечно вращающемуся зем-

ному шару, а солнце сегодня освещает черные волосы юноши, завтра высвечивает серебряные нити в тех же волосах, а послезавтра уже не видит этого человека, ибо он заснул вечным сном. В тени умбу мы резвимся детьми и укрываемся от палящего солнца в старости. А умбу остается вечнозеленым, сильным и радостным!

* * *

Одно из таких умбу, затерявшихся в горном массиве Кавера, имеет свою историю, достойную внимания. Мне ее рассказали, и, движимый любопытством, я отправился к этому дереву — доброму другу.

Это старое умбу, кора его сморщилась от долголетия и пережитых бурь, от которых ему негде было укрыться.

Поблизости от него находятся печальные развалины покинутого раншо.

Некогда здесь жила супружеская чета, которая на закате дней и в крайней бедности взяла к себе внучку, оставшуюся круглой сиротой.

Однажды старушка увидела, что девочку бьет смертельная лихорадка, и предложила дереву стать крестной матерью этого ангела, который иначе умрет некрещеным.

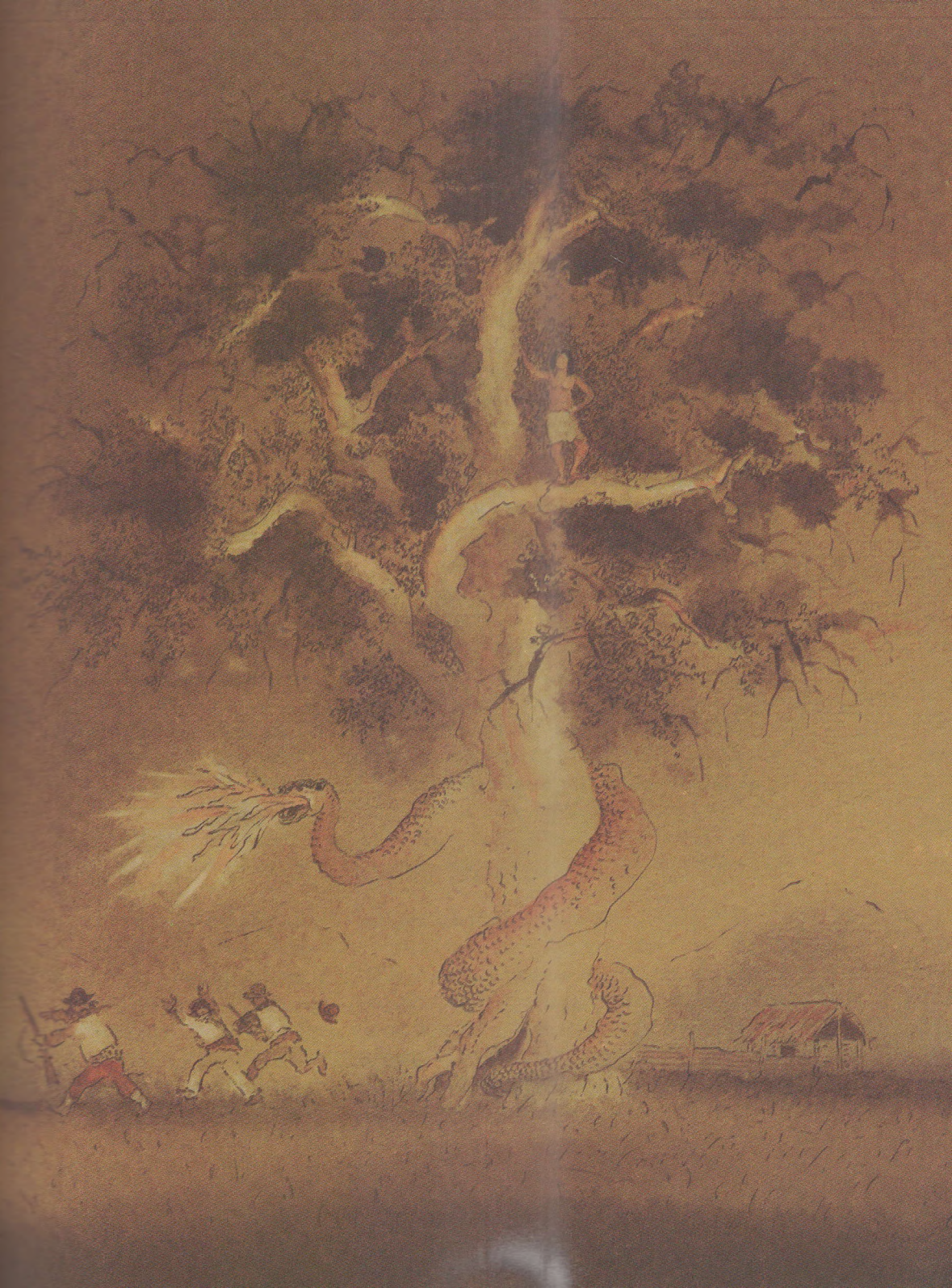
Девочка осталась в живых; она выросла, превратилась в прекрасную девушку, и ее стали помогать парни, проходившие мимо раншо. Дедушка к этому времени умер, и бабушка с внучкой остались в полном одиночестве в этой обширной, пустынной местности.

Обрабатывать землю было некому, в двери дома стучалась нищета; и вот однажды глубокой ночью банда разбойников прискакала на раншо, чтобы похитить девушку.

Старушка на коленях молилась божьей матери, когда в ветхую дверь стали стучаться бандиты, требуя, чтобы им отворили, и угрожая, что иначе они ее выломают!

Девушка плакала и дрожала от страха, но тут оконце, в которое видно было умбу, распахнулось, девушка выско-

чила и нашла убежище в темных ветвях своей крестной матери.

Уже будучи у ворот раншо, бандиты заметили девушку и попытались схватить ее, но, пока она пряталась в земной листе крестной матери, из-под корней дерева выползла змея с горящими глазами и высунула язык.

Пораженные похитители остановились, потом взялись за оружие и открыли неистовую пальбу по разъяренному пресмыкающемуся, но оно бесстрашно защищалось, извивалось, затем скользнуло под корень дерева. Уставшие сражаться и истощившие боеприпасы злодеи увидели в лучах утренней зари огромную, тяжеловесную, сильную, наводящую ужас гадину, по-прежнему готовую охранять девушку, дрожавшую в ветвях дерева-защитника. Наступил день, а с ним и мир; нападающие, подгоняемые стыдом, удрали, оставив свое преступное намерение.

* * *

Благодаря этой легенде благородное умбу стало всеми почитаемым деревом, и мало найдется путников, которые, проезжая мимо него, не сняли бы шляпу.

То, что тихо и молча сделало дерево, вполне могли бы сделать и люди, только, в отличие от дерева, они должны сделать своим орудием не змею, а добро.

НЕГРИТЕНОК-ПАСТУШОК

В те времена земли еще никому не принадлежали, на них не было ни изгородей, ни клейма хозяина, гаушо арканили разве животных — крупный рогатый скот, а на оленей и страусов никто даже внимания не обращал...

Жил в ту пору один помещик, у которого было несколько кожаных сумок, набитых унциями и добрами — старинными португальскими монетами; еще больше было у него

серебра, но при этом был он очень скупым и очень, очень злым.

Никого не пускал он на ночлег, не одалживал прохожему коня; зимой в его доме даже уголька просить было бесполезно, и люди мерзли от холода и ветра, но знали, что двери его дома для них закрыты; летом в тени принадлежавших ему деревьев умбу укрывались от зноя лишь его телята и жеребята, и никто не смел испить воды из его колодца.

Зато, когда наставала пора полевых работ, ни один человек добровольно не приходил к нему на помощь; веселым сельским жителям неохота было иметь с ним дело: он ведь кормил своих работников только шурраско из мяса тощего бычка, непросеянной мукой да горькой травой кауна и не давал ни щепотки табаку... И каждый кусок он сопровождал такими жалобными причитаниями и так над ним тряся, словно с него сдирали кожу.

Прямо в глаза он смотрел только трем существам: своему сыну — то был молодой парень, назойливый как муха; своей гнедой лошади с черным хвостом, черной гривой и черными ногами — своему верному другу, и своему рабу, очень хорошему мальчику, черному как уголь, которого все звали Негритенком.

У него ни имени не было, ни крестного отца, ни крестной матери. Поэтому Негритенок считал своей крестной пресвятую деву — она крестная мать всем тем, у кого своей нет.

Каждое утро Негритенок выводил гнедого скакуна, потом готовил мате, а по вечерам страдал от жестоких забав молодого хозяина, который его мучил и издевался над ним.

* * *

Однажды помещик, долго не соглашавшийся принять участие в скачках с одним из соседей (сосед хотел, чтобы ставка — определенная сумма денег — пошла в пользу бедных, но он — ни в какую! — деньги, дескать, должен получить хозяин победившей лошади), принял предложение. Договори-

лись они так: расстояние тридцать куадр¹, ставка — тысяча унций золотом.

В назначенный день на конском ристалище собралось столько народу, сколько собирается на праздник какого-либо великого святого.

Разделившиеся на две группы гаушо не знали, кому из двух скакунов отдать предпочтение, до того хороши и быстроноги были обе лошади. О гнедом ходила слава, будто он так бежит, что догнать его может только ветер; так бежит, что слышен лишь топот копыт, но не видно, как они бьют о землю... А о сером все говорили, что, чем больше ристалище, тем упорнее он стремится к победе, и что он летит как стрела...

Заспорили, расстегнули свои гуайаки; один ставил сбрую, другой стада, третий необъезженных лошадей, четвертый платок.

— Ставлю на гнедого!

— Ставлю на серого!

Всадники делали первые заезды вольно, потом делали обязательные заезды, а о последнем заезде договаривались между собой, обмениваясь знаками.

Они вскочили на коней, отпустили поводья, плетки взлетели в воздух, и скакуны рванулись вперед, как ураган...

— На равных! На равных! — орали зрители, расположившиеся вдоль ристалища, где быстроногая пара мчалась с одинаковой скоростью, словно была запряжена в одну упряжку.

— Пресвятая богородица, моя крестная, спаси меня! — простонал Негритенок. — Если я проиграю, хозяин убьет меня! Но! Но! Но!

И опускал плеть на тавро, выжженное на коже гнедого.

— Выиграть бы ветряную мельницу для бедняков! — твердил свое второй всадник. — Но! Но! Но!

И пришипоривал серого.

Но добрые кони неслись с одинаковой скоростью, слов-

¹ Куадра — мера длины, равная 132 м.

но запряженные в одну упряжку. Когда оставались последние метры, серый мчался ровным ходом, а гнедой — скачками... но все время шли они вровень, все время голова в голову.

До последней черты оставалось уже совсем немного, когда гнедой внезапно поднялся на дыбы и сделал крутой поворот, а серый промчался мимо и стал победителем! Скакавший без седла Негритенок был отличным наездником и удержался на коне.

— Нечестная игра! — завопил помещик.

— Нечестная игра! — вторили ему его партнеры.

Гаушо разошлись во мнениях, и тут не один храбрец схватился за рукоятку кинжала или выхватил пистолет... Но старик судья, очевидец войны, которую вел Сепе Тиаражу — вождь племени гуарани, был отличным судьей, который повидал виды. Он покачал седой головой и произнес приговор так, чтобы всем было слышно:

— Все было по правилам! Проиграл гнедой, выиграл серый. Проигравший обязан платить. Лично я проиграл сто кобыл; тот, кто их выиграл, пусть возьмет их. Все по правилам!

Никаких доказательств не потребовалось. Раздосадованный, разъяренный помещик у всех на глазах швырнул тысячу унций золотом на пончо своего противника, лежавшее на земле.

Выплата проигрышей доставила всем большую радость: победитель распорядился раздать беднякам скот, молочных коров, лошадей, рулоны материи и оставшиеся деньги. А состязания продолжались, но скакуны были уже другие.

* * *

Помещик вернулся домой; всю дорогу он был задумчив и молчалив. Лицо его было спокойно, но сердце у него билось, как птица в силках... утрата тысячи унций разрывала ему душу.

Как только он спешился, тотчас приказал на этой же тропе привязать Негритенка за руки к столбам, к которым привязывали лошадей, и отхлестать его плетью.

На следующее утро они вместе вышли из дому; когда они пришли на пастбище, помещик обратился к Негритенку с такими словами:

— Вчера ты должен был проехать тридцать куадр; ты проиграл; тридцать дней ты будешь пасти здесь мой табун — в нем тридцать черных коней... Гнедой привязан в загоне, и ты будешь привязан к столбу!

Негритенок плакал, а лошади паслись.

Встало солнце, поднялся ветер, полил дождь, настала ночь. Негритенок, мучимый голодом, обессилел; он привязал к руке веревку и лег, прислонившись к гнезду термитов.

Прилетели совы; они кружили, парили в воздухе и глядели на Негритенка своими желтыми глазами, горевшими в темноте. Одна из них крикнула, и вслед за ней закричали другие, словно смеясь над Негритенком; бесшумно взмахнув крыльями, они вдруг застывали в воздухе.

Негритенок задрожал от страха, но, вспомнив о пресвятой деве — своей крестной матери, успокоился и заснул. Заснул.

Была глубокая ночь, на небе зажглись звезды: появился, приблизился и исчез Южный Крест, появились и исчезли Три Марии, взошла и звезда зари... Тут прибежали хищные красные волки, обнюхали Негритенка и перегрызли веревку, которой был привязан гнедой. Почувяв свободу, он галопом понесся прочь, а за ним — и весь табун помчался в темноту, не разбирая дороги.

Топот копыт разбудил Негритенка; волки бросились прочь.

Запели петухи, но не было видно ни неба, ни света заходящегося дня.

Так Негритенок потерял табун. И заплакал.

* * *

Увидев это, злой хозяйский сын сказал отцу, что лошади исчезли. Тогда помещик снова приказал привязать Негритенка за руки к столбу и отхлестать его плетью. Тут стонущий и плачущий Негритенок вспомнил о пресвятой деве — о своей крестной матери, пошел в домашнюю часовню, взял огарок свечи, горевшей перед образом, и отправился в поле.

Где бы ни шел Негритенок — по холмам и долинам, по берегам озер, по лугам и лесам,— всюду с благословенной свечи капал на землю воск, и в каждой капле зарождался новый свет, и вот этих огоньков стало так много, что они освещали все вокруг. Стадо лежало, быки не рыли землю копытами, а дикие табуны не убегали... Когда же, как и накануне, запели петухи, лошади дружно заржали. Негритенок вскочил на гнедого коня и погнал весь табун вперед, на то пастбище, которое указал ему хозяин.

Вот так нашел свой табун Негритенок. И засмеялся.

Кряхтя и охая, прилег Негритенок, прислонившись к гнезду термитов, и в то же мгновение все огоньки погасли, а он заснул с мыслью о своей крестной матери. На сей раз не прилетели зловещие совы, не прибежали злые волки; как только рассвело, сюда пришел тот, кто был страшнее всех хищных зверей на свете — молодой парень, сын помещика; он пришел и угнал лошадей, которые разбежались, разбрелись по полям; они резвились и катались по земле, а потом скрылись из виду.

Топот копыт разбудил Негритенка, а злой хозяйский сын пошел к отцу и сказал, что лошадей нет, что они исчезли...

Так Негритенок снова потерял табун. И заплакал.

* * *

И снова помещик приказал привязать Негритенка за руки к столбу и отхлестать плетью... Хлестать до тех пор, пока тот не в силах будет ни заплакать, ни пошевелиться,

а тело его покроется рубцами и выступит кровь... Негритенок воззвал к своей крестной матери, испустил вздох, который прозвучал, как музыка... казалось, что он умер.

А так как была уже ночь и помещик в темноте боялся сломать лопату, он приказал не рыть Негритенку могилу, а бросить его около муравейника, и пусть, муравьи, дескать, сожрут его тело и выпьют его кровь... Он раздражил муравьев, а когда разъяренные муравьи покрыли тело Негритенка и начали кусать его, помещик пошел прочь и даже не оглянулся.

Этой ночью ему снилась тысяча человек, и все эти люди были он сам; у него была тысяча сыновей и тысяча негрят, тысяча гнедых коней и тысяча тысяч унций золотом... И все они свободно умещались в маленьком муравейнике...

Пошел тихий дождь; он смочил пастбища, крылья птиц и кожуру плодов.

Господня ночь прошла, и настало пасмурное утро.

И три дня стоял густой туман, и три ночи помещику снился все тот же сон.

* * *

Поденщики исходили всю равнину, но нигде не нашли и следов табуна.

Тогда хозяин пошел к муравейнику: он хотел посмотреть на останки своего раба.

Велик же был его ужас, когда, подойдя к муравейнику, он увидел, что Негритенок, живой и здоровый, стоит и стряхивает с себя муравьев, которые все еще покрывали его тело! Негритенок стоял, а рядом — гнедой конь, и тут же табун в тридцать голов... и еще помещик увидел, что охраняет мальчика крестная мать тех, у кого ее нету, — пресвятая дева; она спокойно стояла на земле, но показывала, что живет она на небе... И, увидев все это, помещик упал на колени перед своим рабом...

А Негритенок, расхрабрившийся и улыбающийся, вскочил на гнедого без седла и без поводьев, облизал губы и погнал табун галопом.

Так в последний раз Негритенок нашел табун. Он уже не плакал и не смеялся.

* * *

По всей округе разнеслись вести о тяжелой жизни и страшной смерти Негритенка, которого сожрали муравьи.

Вскоре, впрочем, поблизости и вдали, всюду, куда дует ветер, стали разноситься вести об этом случае, который представлялся новым чудом.

И вот местные жители, случайные прохожие и те, кто спал в соломенных шалашах, и те, кто спал в хижинах, сплетенных из травы, и те, кто ходил по тропинкам и по большим дорогам, погонщики скота, бродячие торговцы и возницы,— все дружно свидетельствовали, что видели на пастбище табун вороных коней, которых погоняет Негритенок, сидящий без седла на гнедом!..

Тогда люди затепливали свечки и молились богу о душе мученика. И с тех пор повелось так, что, когда какой-либо христианин что-то терял, эту вещь искал и находил ночью Негритенок, но вручал он обретенное только тем, кто затепливал свечку, которую он переносил к алтарю своей крестной матери пресвятой девы — той, что исцелила и спасла его и дала ему табун, который он перегонял и пас так, что этого никто не видел.

* * *

Каждый год Негритенок исчезает на три дня: он скрывается в большом муравейнике, навещая муравьев, своих друзей, а табун его разбредается в разные стороны; кони из этого табуна появляются в табунах разных поместий — один там, другой сям. Но на третий день, когда встает солнце, гне-

дой ржет, призывая своего хозяина, и Негритенок садится на него и собирает свой табун; вот тогда-то из поместий и бегут лошади, а люди ищут, ищут их, но не находят.

* * *

С тех пор и до наших дней расхрабренный и смеющийся Негритенок пасет свой табун; он едет полями, топчет бурьян, продирается сквозь заросли, пробирается по болотам, перебирается через ручьи, поднимается на холмы и спускается в долины.

Негритенок вечно ищет пропавшие вещи и делает так, чтобы их нашли владельцы, если те затеплят свечу, свет которой он приносит на алтарь пресвятой девы — крестной матери тех, у кого ее нету.

И если у кого-то что-то пропадет, он не теряет надежды: он затепливает свечу в кустах или под деревом и просит Негритенка:

— Где-то здесь я потерял... Где-то здесь я потерял... Где-то здесь я потерял...

И уж если пропажу не найдет Негритенок... значит, ее не найдет никто.

ШУРИН СВЯТОГО ПЕТРА

Жил на свете старик, и было у него трое сыновей и одна дочь. В один прекрасный день явился к ним молодой человек и попросил руки дочери. Как только они обвенчались, он забрал ее из дома отца. Он хотел, чтобы жена ничего не брала у отца, и увел ее к себе в чем была, потому что этот молодой человек был святой Петр, и ему не пристало брать себе вещи из дома грешника.

Молодая жена была довольна жизнью, одно только огорчало ее: муж ее, пастух, от зари до зари пропадал со своими овцами и ни одного дня не мог провести дома. Когда

пришел ее проведать старший брат, она пожаловалась ему на свою беду. Он решил дождаться шурина, и когда тот, уже к ночи, вернулся, брат жены сказал ему:

— Шурин, сестра пожаловалась мне, что ты из-за своих овец ни разу, с тех пор как женился, не провел день дома. Давай завтра я пойду пасти овец, а ты оставайся с женой.

Святой Петр согласился. На следующее утро он созвал овец, передал их шурина и посоветовал ему все время следовать за овцами: где они пойдут, пусть и он там идет, где они станут, пусть и он остановится, а когда вечером они направятся домой, пусть и он возвращается. Пошли овцы на пастбище, и шурин святого Петра отправился вслед за ними. Шли они, шли и оказались на берегу широкой реки, через которую вместо моста была перекинута острием вверх серебряная шпага, а уж наточена она была что твоя бритва. Овцы вступили на этот мост и перешли реку, а молодой пастух, увидев такое, сказал:

— Да кто же здесь пройдет! Мне тут не перейти!

Сел он на берегу под деревом, и провел там весь день тихо-мирно. А святой Петр, который следил за ним изда-лека, незаметно прошел мимо него и отправился вслед за овцами. А вечером, как только стадо вернулось к мосту, святой Петр спрятался. Когда стадо переправилось через реку, шурин его пошел вслед за овцами. Святой Петр, уже немного отдохнув, ждал его возвращения. Он спросил у шурина:

— Ну как прошел день?

— Хорошо.

— Ты прошел с овцами до самого пастбища?

— Да.

— А что ты видел по дороге?

— Да ничего особенного.

Святой Петр сказал жене, что ее брат не годится в пастухи, и отослал его домой. На другой день явился средний брат, и с ним было то же, что и со старшим. На третий день пришел меньшей брат, которому святой Петр сказал то же самое, что и двум старшим. Юноша ответил:

— Оставайся дома, зять. Не бойся, все будет хорошо.

Но святой Петр не дал веры его словам и решил проследить за ним, как и за двумя старшими. Когда овцы подошли к реке и перешли ее по острию шпаги, юноша сказал себе:

— Раз вы, овечки, твари божьи, перешли без всякого вреда по острию шпаги, значит, и я перейду, и ничего со мной не случится.

Стоило ему поставить ногу на шпагу, как она тут же превратилась в настоящий мост, и юноша спокойно перешел реку. Когда святой Петр увидел это, он понял, что юноша справится с делом, и пошел к жене домой.

Пройдя дальше, юноша увидел два огромных камня, которые все время стучались друг об друга и высекали огненные искры. Смотреть на это было страшно, но овцы прошли между камнями, и никакого вреда им не было. Хоть и со страхом великим, но юноша прошел вслед за овцами. Затем увидел он, как два громадных льва — чудовища, да и только! — дрались, как бешеные, не на жизнь, а на смерть, выдирая друг у друга куски мяса. Но овцы спокойно прошли между ними, и юноша тоже. Дальше оказался он на зеленом лугу, поросшем буйными травами, и паслись там лошади, худющие до того, что кости у них чуть кожу не прорывали. Потом увидел он поле, покрытое сухой, выгоревшей травой, а паслись на нем упитанные, красивые лошадки. Шел он с овцами, шел, и тут перед ним оказался огромный костер, из которого вырывались такие громадные языки пламени, что каждый из них мог бы спалить весь мир. Овцы прошли через огонь не опалившись, а за ними — юноша. Наконец попали они в большой красивый сад, чудо, а не сад это был, и овцы там остановились и принялись пастись.

Юноша просто остолбенел, увидя столько розовых кустов, сплошь усыпанных цветами. Он сказал себе:

— Пойду-ка я нарву цветов и отнесу сестре.

Начал он рвать розы. Рвал, рвал, потом сложил их в шапку и опять пошел за цветами. Вернулся, глянул в шапку, а там всего пять роз осталось. Закричал он тут:

— Ах ты, господи! Овцы все мои розы поели!

Снова пошел он за розами, опять сложил их в шапку и в другой раз пошел за цветами. Вернувшись, он увидел, что в шапке снова осталось пять роз. Так и бегал он туда-сюда, а овцы тем временем повернули к дому. Схватил он тогда шапку и пять роз и пошел за овцами. Святой Петр был очень доволен, когда шурин его вернулся.

Они поужинали, поговорили о том о сем, и наконец святой Петр спросил шурина, что тот видел по дороге. Юноша рассказал все, как было. Тогда святой Петр объяснил ему, что овцы — это души праведников, река с серебряной шпагой — Иордан, в водах которого Иоанн крестил Иисуса, два камня и два льва — это бранчливые соседи, которые и на том свете не перестают ругаться, тощие лошади на тучном лугу — богачи, которые на этом свете купаются в роскоши, а денег им все равно не хватает, упитанные лошади на выгоревшем поле — бедняки, довольствующиеся малым, костер — это чистилище, сад — райские кущи, а пять роз — это пять ран господа нашего Иисуса Христа.

Сказав это, святой Петр вымыл ноги своей жене, вымыл ноги шурина, посадил их к себе на ладони и поднялся с ними на небо.

*Легенды,
связанные
с историей
страны*

СВЯТОЙ СЕПЕ

В семнадцатом и в начале восемнадцатого века на большой территории Рио-Гранде вдоль реки Уругвай процветала страна индейцев гуарани, обращенных в христианство иезуитами, и называлась она миссией Семи селений.

* * *

Однажды с большой пышностью отмечался день святого покровителя этого народа.

Торжественно звонят колокола на высоких башнях церкви святого Михаила. Город просыпается под бой барабанов. В храме и на площади перед храмом идет торжественная служба. Взволнованные индейцы преклоняют колени, а белые руки священника поднимают к небу святыя дары.

В своей проповеди отец Валда напоминает легенду о Роке Гонсалесе, который первым принес христианство на холмы Кааро и Пирапо.

К вечеру народ собирается перед церковью на праздник. Верхом на роскошных конях выезжают копыеносцы и лучники. Это неверные и христиане. Ведет воинов индеец Сепе Тиаражу. У него мужественное смуглое лицо с высоким лбом, одет он в расшитые золотом штаны и голубую блузу с черным ремнем и перевязью, оружие его сверкает на солнце, а в руках у него белый щит с большим золотым крестом.

Противники бросаются друг на друга почти как в настоящем бою, но неверные отступают, и победа остается за святым крестом.

Потом всадники выстраиваются в одну линию, и начинаются поединки и соревнования.

Тиаражу удается победить всех: промчавшись в облаке пыли, он копьём подцепляет золотое кольцо и преподносит его Жусаре — девушке из индейского поселка, которая видела его славную победу.

* * *

Но хорошие времена скоро придут к концу, потому что по соглашению между Португалией и Испанией индейцы должны покинуть миссию Семи селений.

Жусара, которая поджидала Сепе, говорит ему:

— Мне сегодня снился ангел господень с белыми крыльями и в сверкающей тунике. Он сказал, что настает день, когда скорбь поселится в моем юном сердце.

Падре Валда услышал ее слова и сказал:

— Дочь моя, на этом свете никому не избежать скорбей. Счастье, увы, не всегда будет сопутствовать тебе. Не стоит только заранее сокрушаться.

Пророческие слова девушки глубоко запали в сердце Тиаражу, который еще не полностью избавился от суеверий. И на сей раз предчувствие оказалось верным.

* * *

В просторном зале Кабилдо возле церкви собрались старейшины Семи селений. лица у всех суровые: ведь обсуждается судьба всего народа. На Семь селений двигаются испанские и португальские войска, чтобы силой оружия выполнить дипломатический договор, заключенный между Мадридом и Лиссабоном, о том, что колония Сакраменто переходит Испании, а Семь селений — Португалии. Священники призывают

индейцев мирно подчиниться и отдать свою страну, а самим отправиться на поиски новых земель.

Слова падре Валда смиренны и благоразумны:

— Дети мои, покоримся нашей доле. Провидение сурово испытует нашу веру...

Тут вскочил Сепе Тиаражу:

— Падре, твои слова всегда были для нас законом. Все мы, выросшие под сенью креста, любим и почитаем тебя. Но теперь ты требуешь от нас невозможного. Пусть они разрушат наши города, пусть сожгут храмы, но наши индейские племена покорятся пришельцам, только когда я паду на поле брани. Завтра же я выступаю с пятью сотнями воинов навстречу врагу. Простите мне, падре, послушание! Касики гуарани, я вернусь сюда со своими товарищами!

* * *

Утро застало молодого вождя во главе своего отряда. Тиаражу не говорит ни слова, но сердце его горит любовью к родине. Он идет в бой с врагом, который собирается лишить его народ и его самого исконных земель. Но кавалерия вице-короля окружает индейцев и разбивает их. Слишком безрассудна была эта вылазка, индейцы бегут, а Тиаражу попадает в плен.

Известие об этом скоро достигает Семи селений.

Жусара оплакивает Тиаражу, попавшего в плен. Падре утешает ее:

— Дочь моя, Сепе — храбрый воин, он знает в этих местах каждую тропинку, он смел и ловок, как ягуар. Он вернется. Господь не оставит его — так говорит мое старое сердце.

А в это время Сепе предстал перед португальским полководцем. Офицер требует:

— Целуй руку твоему господину!

— Я никогда не поцелую ничьей руки! Кто хозяин этих земель: я или португалец?

— Ты просто-напросто дикарь.

— Это ты дикарь. Я защищаю свою землю и свой народ. А ты хочешь лишить нас свободы, превратить нас в рабов!

Португальский генерал сменяет гнев на милость и предлагает ему закурить.

— Не нужен мне твой табак, у меня есть свой, и получше твоего!

— Скажи нам, где твои кони, и я отпущу тебя на волю.

— Свобода — не милостыня, я не приму ее из твоих рук. Если я захочу, никто мне не помешает обрести волю!

— Да ну! — хохочут солдаты-португальцы.

— А вот смотрите!

И, испустив страшный крик, который отдался в самом сердце джунглей, Сепе бросается прочь, он несется как стрела, и никто не может догнать его. На неоседланной лошади мчится он, быстрый как мысль, по долинам и холмам к своему дому. В облаке пыли скачет он безумным галопом. Все взволнованы, к ясному небу взвивается крик:

— Сепе! Сепе! Сепе!

Увидев его, падре Валда восклицает:

— Мы все ждали тебя, мой сын, и сердце мое, которое молило о твоём освобождении, не обмануло меня!

— Падре, оскорбили вождя гуарани! Наш народ покрыт позором! Хотя я голоден и изнемогаю от жажды, у меня одно только желание: месть!

— Иди к себе, Сепе, и успокойся.

Сепе открывает дверь, и душа его переполняется нежностью. Жусара ждет его, погруженная в свои мысли. Беглец заключает ее в горячие и в то же время горькие объятия. Жусара почти не может говорить: ее душат слезы...

* * *

Португальцы и испанцы идут навстречу друг другу, чтобы окончательно поделить земли индейцев-христиан.

В португальский лагерь врывается задыхающийся солдат, в руках у него стрела.

Гомес Фрейре, португальский военачальник, осматривает индейскую стрелу и на острие находит послание. В нем говорится: «Сесе Тиаражу готов встретиться с тобой у Пинто Бандейра». Это вызов. А португальцы ждут приказа выступить от испанцев. Но испанцы не торопятся. Наконец португальцы получают от них письмо:

«Ваше превосходительство, испанские войска остаются на своих местах. Главкомандующий приказал сообщить вам, что приготовления к походу в этом месяце не закончатся».

— Что думает обо мне и Португалии этот испанский генерал? Собирайте палатки, мы уходим из лагеря!

И они вернулись в крепость.

Возвращение португальцев в укрепления индейцы восприняли с радостью, как свою победу.

* * *

Декабрь начался спокойно на землях Семи селений, но вдруг мирную тишину пронзил военный клич, который отдался в горах и лесах. Вновь появились такапе, стрелы и перья, вновь пробудилась древняя сила в душах индейцев, на которых опять напали белые.

Две тысячи лет гуарани испускали военный клич. Кажется, сто лет христианства не оставили на них никакого следа.

Внушительный и гордый, Тиаражу верхом на коне, в ярких перьях со сверкающим на солнце копьём о трех остриях подъезжает к хижине Жусары.

Взгляды их встречаются. Сесе берет пояс девушки и обхватывает им свое прекрасное крепкое тело и ее трепещущий стан. Потом все происходит как во сне.

* * *

В ясном утреннем небе над фортом Сан-Гонсало развеваются знамена, и в прозрачном жарком воздухе разносятся звуки битвы. Португальский флаг наконец осенит зем-

ли, давно оспариваемые у испанской короны, и заполощется на границе Уругвая.

Гомес Фрейре де Андраде облечен властью, он — настоящий конкистадор.

Двадцать первого марта на рассвете объединенные силы Испании и Португалии тронулись в путь вдоль пограничной реки.

Перед ними — Санта-Текла, врата Семи селений. Но вместо крепости солдаты видят одни развалины.

И тут-то обнаруживается, что индейцы устроили засаду, ведь им известно о превосходстве белых войск.

На индейцев идет восемьсот драгунов. После первых выстрелов испано-португальского войска на завоевателей обрушивается туча стрел. Сражение идет жестокое и беспощадное, то тут, то там возникает, словно бог войны, Сепе Тиаражу. Его обагренное кровью копьё вонзается в тела португальцев. Оно взвивается в воздухе, словно красное знамя, а по его рукояти течет кровь врагов. Кровью обрызганы перья его убора, в крови его руки.

Ни упоение боем, ни отчаянное сражение не утомляют этого богатыря, привыкшего к самым жестоким схваткам.

Против него выступают десять солдат. Сепе сражается со сверхъестественным мужеством. Но португальский драгун вонзает ему копьё в спину.

Сепе обхватывает руками шею лошади. Он пытается уйти от преследователей. Но он уже не может держаться в стремени. Кровь хлещет из его ран.

К нему подъезжает Виана и разряжает свой пистолет в уже почти бесчувственное тело.

На поле битвы опустилась ночь, индейцы уходят в свои лагеря и видят, как на огненном коне скачет призрачный всадник с красным копьём в правой руке.

Индейцы возвращаются за телом Сепе. Они несут его на плечах. Похоронная процессия в таинственном мраке ночи положила начало легенде. Они хоронят его, и скорбь их равна любви, которую они к нему питали.

Чело Сепе отмечено рукой господней,
И тою же божественною дланью
Сепе был вознесен в пределы славы горней.
Лежало на земле израненное тело,
Сражен герой на поле жесточайшей брани,
Душа ж его к престолу божьему взлетела.
Исполнил вождь Сепе земное назначенье,
И, возносясь в небесные чертоги славы,
Дал он народу своему благословенье,
Как повелел ему благой отец небесный.
Во тьме чело Сепе луною среброглавой
Индейцев озаряет тяжкий путь безвестный.

* * *

Борьба продолжается, индейцы погибают один за другим. Но они умирают с именем Сепе на устах.

Когда их силы истощаются и последние индейцы покидают поле кровавой бойни, на нем остаются почти полторы тысячи воинов, погибших, защищая родную землю.

Ворота в миссию Семи селений открыты. Сопротивление подавлено. Непроходимыми тропами серры Сан-Мартиньо всадники приносят весть о кровавой битве и гибели Сепе.

Падре поддерживает Жусару, которая горько рыдает.

— Сепе умер как герой и как святой! Это он по ночам появляется верхом на огненном коне в небесном сиянии.

— Падре,— говорит Жусара, умирая от горя,— мой сон сбылся.

— Дочь моя,— отвечает ей падре Валда,— со смертью Сепе все кончено. Теперь нам суждена горькая и скорбная участь беглецов.

Но в суровых душах этого народа живет беспримерная любовь к родной земле, они любят ее, как любят своих детей. Как бесчеловечны те, кто вынудил их расстаться с родиной, с хижинами, построенными их собственными руками, с пахотой, где теперь белеют коробочки хлопка, белые, как пшеничная мука!

Но вместе с падре, вселяющим в них мужество, они уходят на поиски новых земель. Безлунная ночь саваном окутала покинутый город. На улицах — гробовая тишина, хижины — словно сомкнутые смертью уста.

* * *

Так погиб Сепе. Это не игра воображения. Он — герой из плоти и крови, первым отдавший свою жизнь за землю Рио-Гранде. Ему следует поставить памятник.

ШЕРЕСАИ, РЕКА СЛЕЗ

В Санта-Текла, возле Баже, оставалась единственная деревня, последний оплот индейцев. Повсюду уже распоряжались злые белые. У индейцев остался только бог и Сепе. В деревне этой правил старый вождь Ибаже, от имени которого произошло название прекрасного ныне пограничного города Баже. Но как же он сражался, этот старый индеец! Он был другом святого Сепе, и этим все сказано!

И вот там, в Санта-Текла, европейцы решили сразиться с индейцами. Два войска схватились в страшной, никогда доселе не виданной битве. С одной стороны были европейские войска, хорошо вооруженные и обученные, к тому же хитрые, как старые лисы. С другой — индейцы под предводительством молодого гуарани, которые тоже сражались со всем присущим им мужеством. Когда схватились оба войска, застонала земля, словно по ней пробежало стадо в тысячу голов. В воздухе пахло смертью.

Но Сепе Тиаражу, гордый вождь индейцев, которого преследовали хорошо вооруженные войска испанцев и португальцев, не мог устоять, и ему пришлось отступить. Окровавленный, страдающий от ран, с болью в душе он отошел подальше от своих воинов и присел под старой пальмой, чтобы оплакать свое поражение. Он горько рыдал и думал: «Это же наша земля, мы ее хозяева». Слезы текли из его глаз, не зна-

комых прежде с соленой влагой, и падали на землю. Земля стала влажной от слез, а они все текли и текли. И на следующий день, когда взошло солнце и осветило конец света, индейский вождь все еще сидел под пальмой, а у ног его тек ручей, воды его пели: «Это наша земля, мы ее хозяева». Когда индейцы проснулись, они омыли руки в новом ручье, и в их душах возродилась надежда. Мир словно просыпался от страшного сна. У индейцев вновь пробудились силы, к ним вернулось мужество и жажда боя. Словно ободряя их, не ко времени зазеленели поля. Индейцы снова ринулись в бой. Но прежде чем покинуть свое место под старой пальмой, Сепе захотел дать имя новой речке, которая родилась от его глубокой любви к родной земле. И, омывая в ней свое оружие, он сказал: «Шересаи... Шересаи», что означает: «Река слез».

И до сей поры, если вы пойдете вдоль реки Сан-Сепе вниз по течению, вы увидите ручей, чьи светлые воды сливаются с водами Сан-Сепе. Это и будет река слез, родившаяся от любви Тиаражу к земле гаушо, которая сейчас принадлежит бразильцам.

ЖЕНА
ИНДЕЙСКОГО ПОВСТАНЦА

Говоришь ты, кабоклинья,
Что, едва настанет ночь,
Чья-то тень вблизи стенает
Так, что вынести невмочь.
Но, чуть кто из дома выйдет,
Тень стремглав уходит прочь:

То ли оборотень бродит
По темнеющим полям?
То ль, не находя покоя,
Чей-то дух стенает там?
Вся семья твоя гадает,
Кто там бродит по ночам...

Сразу видно: вы недавно
Поселились здесь, у нас,
А иначе бы слышали
Здесьних стариков рассказ
О пещере, чья загадка
Скрыта от досужих глаз.

И пещера та, о коей
Мы ведем тут разговор,
Возле твоего же дома,
Через твой проходит двор...
Так послушай же легенду,
Что известна с давних пор.

Стариком одним, повстанцем,—
Он в былые времена
Здесь сражался за свободу —
Мне поведана она;
Может, кто иначе помнит,
Но, ручаюсь, суть верна.

В той таинственной пещере,
Где в тиши журчит родник,
Жили муж с женой, индейцы,—
Так рассказывал старик,—
Жили мирно, прославляя
Каждый час и каждый миг.

Но как начали испанцы
С португальцами сгонять
Пастухов с земель исконных,—
Сепе́, касик, поднял рать.
И ушел, с женой простившись,
Муж с врагами воевать.

Но повстанцев разгромили,
В битве пал их вождь Сепе́...

Горестно притихла селва,
Опечалились ипе,
Провожая вдаль индейцев
По глухой лесной тропе.

Умирал от ран индеец
И молил его к жене
Отнести скорей в пещеру:
Там, в прохладной тишине,
Средь нетесаного камня
Он почует в смертном сне.

Отнесли его в пещеру:
Там, издав последний стон,
Под печальное журчанье
Родника скончался он,
И Пулкерией, женою,
Был в пещере погребен.

Времена те миновали,
И теперь вокруг живет
Не индейский, как когда-то,
А совсем другой народ,
Но Пулкерия в пещере
Бродит ночи напролет.

Разнеслась по всей округе
О Пулкерии молва;
Пастухи, бродяги, слуги
Подтвердят мои слова:
Стережет могилу мужа
Безутешная вдова.

Если ж у тебя доверья
К моему рассказу нет,
Ночью подойди к пещере

И, когда блеснет рассвет,
На песке сама увидишь
Индианки ясный след.

В детстве пастухи пугали
Индианкою меня:
Мол, прикладывали ухо
К камню, спешившись с коня,
И шаги вдовы слышали
Даже среди бела дня.

Говорят, другой пещеры
В целом мире нет такой:
Но от стен ее могучих
Веет страхом и тоской...
Не смутил никто доселе
Мертвеца святой покой.

Днем вблизи пещеры ходят
Табуны. Пасется скот,
Пенье птичье проникает
Трелями под темный свод.
Из людей же к той пещере
И смельчак не подойдет...

А зимой, в ночи безмолвной,
Когда воздух сыр и мглист,
Раздается из пещеры
Заунывный страшный свист:
Улетают в страхе птицы,
Падает дрожащий лист...

За сподвижниками мужа
В ночь выходит, говорят,
Бедная вдова и бродит
Там, где бился их отряд...

Но, увы, где их отыщешь —
Павших двести лет назад?

А когда зима минует,
Лето разожжет костер
И расстелет по равнинам
Расцветающий ковер,—
В ночь безлунную Пулкерья
Вновь выходит на простор...

Нюхает рвет и люцерну,
Рвет чертополоха цвет:
Собирает она за ночь
Преогромнейший букет
И несет к могиле мужа
В час, когда блеснет рассвет.

На гулянье или в лавке
Слышать не пришлось тебе
О погибшем здесь индейце,
Что в неравной пал борьбе,
О Пулкерии, о вдовьей,
Горестной ее судьбе?..

Тень Пулкерии завидев,
Все в округе в тот же миг
Исчезают, опасаясь,
Чтоб их призрак не настиг.
По ночам не слышен даже
В пампе керу-керу крик...

Видишь свет, что из пещеры
Пробивается едва?
То у мужниной могилы
Вновь свечу зажгла вдова...
Двести лет уж, как погиб он,
А любовь ее жива.

ЛЕГЕНДА
О ПЕРВОМ ГАУШО

Однажды, еще в восемнадцатом веке, отряд бразильцев пересекал зеленую долину Рио-Гранде-до-Сул. Двинуться в путь их заставила нужда в рабочих руках, им нужны были индейцы и они решили поработить племена, обитавшие в этом районе, и потому отправились в дорогу, запасшись всем необходимым и в первую очередь оружием.

Дозорные предупредили индейцев племени минуано о приближении белых. Они вскочили на своих горячих коней, вооружились копьями, болеадерами, стрелами и покинули свою стоянку. Завидев белых, индейцы прибегли к своему обычному способу — спрятались за конями, так что враги не могли их разглядеть. Замерев, ждали они подходящей минуты, чтобы наброситься на врагов.

Бразильцы тогда еще ничего не знали об обычаях и военных хитростях индейцев и, увидев вдалеке табун пасущихся лошадей, спокойно направились к нему. Когда бразильцы оказались рядом, индейцы мигом вскочили на коней и обрушились на врагов, осыпая их градом стрел. Бразильцы пустили в ход огнестрельное оружие. Но вторая атака индейцев, вооруженных копьями, обратила поработителей в беспорядочное бегство. На поле боя остался один раненый юноша. К нему подошла девушка из племени минуано, которую привела в восторг храбрость молодого воина. Бразилец знал, что его ожидает. Он спросил девушку, когда его принесут в жертву языческим богам, но она ответила, что ему нечего бояться, так как она ему поможет. Она ободряла юношу, который нравился ей и чья судьба не могла не вызвать у нее жалости.

Пленника доставили на стоянку племени и позволили свободно ходить по лагерю, пока его раны не заживут,— тогда можно будет совершить жертвоприношение богам.

Юноша решил смастерить гитару. И вот однажды, приготовив все необходимое, он уселся под деревом и принялся за работу. Начал он с того, что вытесал толстую доску из

пробкового дуба, затем придавал ей нужную форму. В верхней доске он вырезал дыру, чтобы лучше звучали струны. Склеил он свой инструмент соком сомбаре, а из волокон этого растения свил струны.

Девушка уже крепко привязалась к чужестранцу и все свое свободное время проводила с ним. Когда он мастерил гитару, она напевала ему мелодичные песни своего племени.

Не прошло и месяца, как на главной площади деревни началась подготовка к жертвоприношению. Пленника привязали к дереву, и все племя стало петь и плясать вокруг него. Временами они передавали из рук в руки сосуды из тыквы с пахучим медовым вином. Затем установилась мертвая тишина. Вождь племени велел развязать и привести к нему пленника. Глядя в глаза белому юноше, вождь заговорил:

— Пусть поражение послужит уроком для твоих братьев. И пусть не тревожат они нас впредь. Того, кто явится сюда за рабами, наши кони растопчут копытами. А ты за свою дерзость заплатишь смертью!

Потом обреченного спросили, каково его последнее желание. Он очень удивился такому вопросу и, будучи человеком весьма умным, сообразил, что у него появилась надежда на спасение. А зная, как сильно действует музыка на души индейцев, попросил принести ему гитару. Он сказал, что перед смертью хочет сыграть и спеть родную песню. Подруга его принесла гитару, и индейцы с любопытством ждали, что будет дальше. Преисполнившись надеждой, юноша взял несколько звучных аккордов и запел. Преобразились суровые лица индейцев, они слушали юношу с восторгом и приговаривали:

— Гау-ше! Гау-ше!

А на их языке это значит: человек, который поет печальную песню. Восхищенные чудесным пением, индейцы попросили вождя отменить жертвоприношение. Так вот и случилось, что белый человек остался жить с индейцами племени минуано. Он женился на своей индейской подруге. И от этого прекрасного союза белого с индианкой происходят все гаушо, смелые и талантливые люди.

МБОРОРЕ

В восемнадцатом веке иезуиты, наставляя людей в вере, сначала основали свою миссию в Парагвае и в районе Гуайры, а затем переплыли реку Уругвай и проникли в теперешний штат Рио-Гранде-до-Сул. Таким образом, задолго до того, как в эти края прибыли португальцы и испанцы, на восточном берегу Уругвая уже было семь населенных пунктов, где иезуиты собрали племя гуарани. Селения эти процветали и в скором времени превратились в настоящие города.

Это были: Санто-Анжело, Сан-Мигел, Сан-Лоуренсо, Сан-Луис-Гонзага, Сан-Николау, Сан-Жоан-Батиста и Сан-Боржа. В этих Семи селениях иезуитам удалось собрать тридцать тысяч жителей. В те времена гуарани строили школы и церкви — настоящие монументы, которые и ныне свидетельствуют об их деятельности.

Город Сан-Мигел стал столицей этой подлинной империи гуарани. Его величественный собор с алтарями, отделанными золотом, с серебряной церковной утварью, казалось, говорил о богатствах, накопленных в течение десятилетий.

Тем временем в сертанах — внутренних засушливых районах Бразилии — выростали новые скотоводческие фазенды и новые склады травы мате. Скот, мате и сельскохозяйственные продукты были в ту эпоху фундаментом экономического господства миссионеров. Чтобы положить конец этой самодержавной монархии, которая возникла в Южной Америке, каковую миссионеры поделили между собой, Испания и Португалия объединились и сперва попытались изгнать как духовенство, так и индейцев с помощью договоров.

Индейцы не желали покидать свои земли; духовенство не желало покидать свои города.

И тут началась одна из самых неравных войн века — война Испании и Португалии с гуарани Семи селений!

При наступлении двух европейских армий погибли тысячи копьеносцев гуарани. И малое время спустя войска захватчиков уже ломались в ворота Сан-Мигела.

В скорбный час поражения духовенство покинуло свои фазенды. При столь поспешном бегстве оно не могло захватить с собой свои богатства и доверило их земле и водам: оно считало, что это наилучший выход из положения.

Однако эти сокровища не стали пищей человеческой алчности. Преданные духовенству индейцы были на страже. С тех пор прошло уже двести лет, а они, верные своему долгу, старились, умирали, но и после смерти продолжали хранить сокровища.

Мбороре был стражем белых домов.

Этот индеец был другом святых отцов семи миссий — земли, с которой текут реки в Уругвай. В лесу, на верху крутого склона, стоит белый дом, белый, как известь, без окон, без дверей. Залы в нем наполнены слитками золота и серебра, такими тяжелыми, что один слиток могут сдвинуть с места два человека. А между слитками лежат груды драгоценных камней. А на стенах, перед изображениями святых, укреплены подсвечники литого золота. И еще там есть серебряные подносы, кадила и посохи. А если бы мы начали перечислять все собранные там сокровища, мы никогда и не кончили бы.

Когда духовенство уходило, Мбороре взял на себя заботу о белом доме, в котором уже были замурованы окна и двери. Он охранял этот дом в юности, в старости и после смерти, но после смерти он продолжает охранять его, превратившись в призрак. Он охраняет дом и поныне, обходя дзором дом без окон и без дверей.

* * *

Рассказывают, что часть золота и драгоценных камней была в те дни перевезена из городов в горы и там спрятана.

Например, в Тока-до-Бугре, расположенном в нынешнем муниципальном округе Баже, неподалеку от горной цепи Санта-Текла, есть пещеры, в которых уже двести лет лежат несметные сокровища. Эти сокровища поручено хранить юному индейцу, верному Кумбае.

КОРАБЛЬ
«КАТАРИНЕТА»

О корабле «Катаринета»
Послушайте рассказ:
Ужасная история
Ждет, сеньоры, вас...

Он к чужеземным берегам
Уж больше года плыл:
Припасы вышли; голод всем
Погибелью грозил.

Мочили и жевали кожу:
Не разжевать — жестка!
И все свирепей мучил голод
И смерть была близка.

Тогда решили кинуть жребий:
Кто будет умерщвлен —
На капитана корабля
Пал — о несчастье! — он...

«Взберись скорей, впередсмотрящий,
На мачту корабля:
Вдруг виден берег португальский,
Испанская земля?»

«Не вижу, капитан, не вижу,
Не разгляжу никак!
Лишь вижу: целят тебе в сердце
Семь обнаженных шпаг!»

«Взберись повыше, на грот-мачту:
С грот-мачты корабля
Вдруг виден берег португальский,
Испанская земля?»

«О радость, капитан! Видны мне
С грот-мачты корабля
Знакомый берег португальский,
Испанская земля!
И там красивый дом я вижу,
При нем цветущий сад;
Средь апельсиновых деревьев
Три девушки сидят:
Одна прядет, другая шьет,
Прекраснейшая слезы льет...»

«Ты видишь дочерей моих...
Коль их смогу обнять,
Готов прекраснейшую дочь
Тебе я в жены дать,
И злата столько дам за ней —
Тебе не сосчитать!»

«Твой труд был тяжек, капитан,
Я злата не возьму!»

«Тогда дам белого коня,
Нет равного ему!»

«Мне конь не нужен, капитан,
Его мне не взнуздать!»

«Возьми мою «Катаринету»,
Чтоб капитаном стать!»

«Увы, я, капитан, не знаю,
Как ею управлять...»

«Какая ж для тебя, скажи мне,
Награда хороша?»

«Мне лишь одна нужна награда —
Нужна твоя душа!»

«Отыди, демон, искушеньем
Меня не побороть!»

Вручаю мою душу богу
И океану — плоть!»

Тут ангелом он был подхвачен
На белые крыла,
Исчез, в прах обратившись, демон,
И прояснилась мгла...
Но, встретив риф, «Катаринета»
В ту ночь ко дну пошла.

ЗОЛОТОРОГИЙ БЫК

Друг! Сейчас я расскажу тебе историю, которую мне рассказали дедушка и бабушка.

Это произошло в те времена, когда границы нашего штата Рио-Гранде еще не были определены и у него не было ни конца ни края, как не было и хозяина. Хозяином становился тот, кто строил себе небольшое раншо на вершине холма и кто верхом на коне и с бысролетным копьём в руках защищал клочок земли, который считал своим.

Вот в эти-то времена из селения в селение стала переходить история о загадочном быке по кличке Избранник, который прятался в пещерах Каапорана на краю света — туда еще не ступала нога белого человека. У быка были золотые рога, и, по словам индейцев, тот, кто стал бы владельцем этого быка, стал бы властелином Счастья.

Само собой, нашлось немало охотников — и метисов, и индейцев, и белых, — которые отправлялись в те края и рыскали по лесу в поисках быка Избранника. Однако немногие из них вернулись домой, а те, кому удалось вернуться, рассказывали всякие ужасные истории о том лесе, но это еще сильнее подстрекало честолюбие других. Нашелся даже один ловкач, которому удалось заарканить быка, но бык обладал никому не ведомой силой, и крепчайший аркан не выдержал

его рывка. Нашелся даже один хитроумный человек, который собрал целую компанию, чтобы обложить этого быка, но тот каким-то волшебством скрылся в пещерах Каапорана. И каждый раз разочарованные люди возвращались, отказавшись от борьбы и утратив всякую надежду на поимку золоторогого быка, которого индейцы называли быком Счастья.

* * *

Однажды слухи о золоторогом быке дошли до одного очень богатого помещика. Будучи человеком уже весьма преклонного возраста, он, однако, так и не нашел счастья в богатстве, которым обладал. Его злая судьба — вот ужас! — предназначила ему провести молодость в нищете и обрекла его душу на одиночество. Воспоминания — они уходили все дальше и дальше — были печальны и удручали его. В молодости радость домашнего очага была единственной радостью в его трудной, полной горечи жизни, но очень рано бог взял у него жену, которая горячо его любила, и, словно этого несчастья было мало, смерть тут же унесла и его единственную дочурку. В те времена долины Рио-Гранде, на которых паслись стада диких животных, были для людей большим соблазном, и слава о них прошла по окрестным провинциям; постоянно приходили туда группы людей в поисках откормленного, крупного рогатого скота, и в одной из таких групп был и этот человек. Он появился здесь не потому, что его соблазнил блеск богатства, но потому, что среди опасностей, подстерегающих людей при сгоне скота, он надеялся встретить желанный конец своих горестей и страданий. Так протекли годы. И в конце концов, как бы завершением тяжелой борьбы с индейцами, с испанцами, с хищниками и диким рогатым скотом, явилось его имение, тянувшееся, покуда хватало глаз, и его бесчисленные стада; но в его печальной душе гнездились горечь и разочарования, которыми в былые времена столь щедро одарила его Судьба.

Однако, услышав рассказы о загадочном быке, в рогах которого заключалось сокровище Счастья, наш помещик взыграл духом: а что, если господь поможет ему в этой последней попытке обрести радость и мир?.. Однако, когда прошли первые мгновенья — мгновенья вновь вспыхнувшей надежды, старый помещик вернулся к суровой действительности: если воинственные люди во цвете лет тщетно пытались поймать быка из Каапорана, то где же ему, старому и слабому, тешить себя надеждой на то, что заведомо обречено на неудачу?

И его усталые глаза снова наполнились слезами.

* * *

Друг! Есть люди, которые думают, что их судьба находится в их руках и что сильнее всех тот, кто легко поваляет с ног быка в бое быков, кто укротит дикого коня в бешеной скачке или победит врага в яростной борьбе. Но это не так: сильнее всех тот, кто умеет использовать свой разум, который господь даровал ему в отличие от животных. Человек, просвященный светом Божиим, может быть спокоен: он и глубокой ночью не собьется с пути. Господу угодно было помочь нашему помещику в его последней борьбе за счастье. Господь внушил ему, что он должен делать, дабы поймать неуловимого быка: не надо пускаться в ход силу, ибо бык обладает силой, неведомой людям; не надо пускаться в ход аркан, ибо и крепчайший аркан во всем поместье не выдержит его рывка; нет, человек должен положиться на свой разум.

Помещик продал свое поместье, тянувшееся, куда хватало глаз, и свой скот — лучший скот в округе. Он присоединился к пастухам. Накупил множество рабов. И все они направились к долинам Каапорана. Прибыв на место, он прежде всего позаботился о жилище для рабов, а сам вместе с пастухами отправился на поиски Избранника.

И вот однажды, оцепив место, где находился этот волшебный бык, они издали увидели его: он капризно покачивался

на вершине горы, а его золотые рога сверкали на солнце. Пастухи хотели было двинуться вперед и сузить кольцо облавы; многие гаушо принялись отвязывать арканы и разматывать их. Помещик, однако, приказал всем спешиться, поставить навес и следить за быком, стараясь не спугнуть его, чтобы он не убежал; затем он вернулся в жилище рабов, ни словом не обмолвившись пастухам о том, что он намеревается делать.

В последующие дни гаушо весело проводили время под своим навесом, плясали и рассказывали разные истории. А между тем на вершине горы по-прежнему возвышалось царственное, непокорное животное; порою оно отходило по-пастись, но тут же снова принимало выжидательную позу и стояло терпеливо и спокойно, хотя непонятное бездействие противника вызывало у него явное недоверие.

В один прекрасный день появился помещик, и поденщики побежали к нему навстречу; все они были довольны, что свое дело они сделали хорошо: бык Избранник по-прежнему стоял на вершине холма, и его силуэт вырисовывался на небе, которое затянулось большими белыми облаками.

Расплатившись с поденщиками, хозяин сказал:

— Больше не нужно следить за быком с золотыми рогами. Кто хочет вернуться домой, тот может уходить хоть сегодня. Многие рабы тоже уйдут: я всем им дал свободу.

И так как никто не понимал, что происходит, он пояснил:

— На том месте, где было жилище рабов, сегодня стоит большой дом моего нового поместья. А вокруг этих гор я воздвиг крепкую каменную ограду, которую не сможет пробить никакой бык. Теперь все здесь принадлежит мне: земля, пастбище, лес, загон для скота... И моим будет также и бык Счастья: он ведь не сможет уйти отсюда...

* * *

Друг! Человек всегда становится таким, каким хотят его видеть другие. Никто в этом мире не родится злодеем, но он становится злым, потому что сталкивается со злом, которое

сеют на его пути другие. Точно так же не может не стать добрым тот, кто с детских лет окружен любовью: сердце такого человека преисполнено великодушием. Когда все считают нас злыми, мы становимся злыми. Когда все считают нас добрыми, мы становимся добрыми. Когда все смотрят на нас с жалостью и считают, что наша жизнь лишена присутствия господина, мы глубоко несчастны. Но когда все, все считают, что мы — дар счастья, это делает нас счастливыми.

Из селения в селение переходила весть о том, что бык Избранник попался. И тысячи людей пошли по дорогам, ведущим в долины Каапорана, чтобы посмотреть на волшебного быка с золотыми рогами. Прибыв на место, они издали увидели его на вершине холма, а возвращались назад, завидуя помещику, который стал властелином Счастья.

А помещик впервые в жизни был счастлив, беспредельно счастлив...

* * *

После того как в Каапоране поселился счастливый помещик, туда стали стекаться люди; сперва они приходили туда из чистого любопытства, но потом оставались в разных уголках, где еще не было хозяина. Они создавали там поместья, прокладывали дороги, открывали лавки с товарами на перекрестках.

Помещик испугался за судьбу быка Избранника, ибо в такой громадной массе людей наверняка нашелся бы человек, который либо из зависти, либо от злости попытался бы украсть, убить или же спугнуть быка, в чьих рогах хранилось Счастье. Опасаясь этого, помещик решил, что ему необходим человек, который стерег бы его сокровище. Родных у нашего помещика не было, а если и был кто-нибудь в его родном краю, то он ничего об этом не знал; поэтому он решил объявить своей округе, что свое поместье и свои богатства он оставит в наследство тому, кто будет добросовестно заботиться о золоторогом быке.

К помещику потекли толпы людей!

Но ни один гаушо не соглашался заключить этот договор, потому что помещик требовал, чтобы желающий прошел три испытания, а из таких испытаний выйти победителем не мог никто. Испытания же были таковы:

Индеец должен был показать себя храбрецом: для этого он должен был сыграть в примейро-санге. Примейро-санге, то есть «первая кровь», — это вид спорта, некогда распространенный на Рио-Гранде и представлявший собой дуэль с холодным оружием; победителем считался тот, кто первым пускал кровь противнику; так вот, индеец должен был сыграть в примейро-санге с тремя противниками, не получив при этом и царапины; индеец должен был показать себя хорошим наездником: для этого он должен был в течение недели укротить трех коней, которых еще никто не смог укротить; он должен был не уметь лгать.

Если бы какой-нибудь юноша вышел победителем из этих трех испытаний, помещик смог бы вздохнуть свободно. Ибо этот юноша, будучи храбрецом, смог бы противостоять злодеям, которые пробрались бы в долину, где жил Избранник. Будучи хорошим наездником, он смог бы справиться с животным и не выпустить его за рубеж зимнего пастбища. Наконец, если бы он всегда говорил только правду, он не стал бы обманывать хозяина, если бы в один прекрасный день бык удрал, погиб или исчез, унося с собою Счастье, которое достается с таким трудом.

* * *

Как-то раз на усталой лошадке в поместье приехал гаушо, молодой — совсем еще подросток — и красивый, но очень бедно одетый. Этот юный индеец приехал сюда затем, чтобы пройти три испытания, но все только плечами пожимали, потому что лошадь у него была никудышная, да и сбруя никуда не годилась; мальчик, однако, стоял на своем и уверял, что приехал издалека, заморив свою единственную лошадь, только для того, чтобы пройти три испытания. Наконец по-

мещик приказал ему спешиться и позвал трех воинственных парней, прославившихся в примейро-санге.

В тени деревьев умбу собралась вся молодежь поместья и окружила участников примейро-санге, чтобы иметь возможность судить игру. С одной стороны встали трое богатырей: косматый испанец в костюме гаушо с короткой, посеребренной шпагой; креол со зверской физиономией, у которого был большой нож с зазубренным концом, и одноглазый индеец из племени шарруа, вооруженный острым кривым ножом — этот нож лихо вспарывал живот противника. И в четырех шагах от них совершенно спокойно стоял молоденький индеец; левую руку он обернул своим стареньким заплатанным пончо, а в правой держал нож длиной в две пяди.

Было на что посмотреть, когда хозяин приказал начать игру! Молоденький индеец сделал такой прыжок, какого не сделали бы ни кот, ни конь, скрестил свой нож с ножом креола и разрубил его, затем отскочил назад и, сохраняя свое обычное хладнокровие, занял прежнюю позицию. Индеец шарруа и испанец, обуреваемые ужасом, — подобной легкости им видеть не доводилось! — не успели даже стать в позицию и думали только о том, чтобы противник не помешал им свободно двигаться. Но при таком противнике, как этот злодей индеец, двигаться осторожно и осмотрительно было не так-то просто. Что же касается креола, то на правой руке его появилась красная полоска — первая кровь! — и ему осталось только удалиться с поля боя и присоединиться к судьям.

Никто не поверит рассказу о дальнейших событиях! Косматый испанец и индеец шарруа разошлись, чтобы напасть на юношу с двух сторон, и, по знаку одного из них, бросились на него; в ту же минуту завязалась неистовая схватка. Истина же заключается в том, что малое время спустя шарруа был ранен в лоб, и из раны обильно потекла кровь. Испанец сделал было выпад, но, атакуя незнакомца, растерялся и был освистан. Молодежь едва не задушила юного индейца в объятиях — этот забавный малый вызвал у всех при-

сутствовавших единодушный восторг. И даже сам старик хозяин, все время державшийся в стороне, с широкой улыбкой подошел к юноше, вышедшему из борьбы победителем и не получившему ни единой царапины, и от души пожал ему руку. И юный индеец заслужил это рукопожатие! Но юноша по-прежнему сохранял хладнокровие, озираясь по сторонам...

И вот настал день следующего испытания!

Из дальней долины пригнали табун диких лошадей. От табуна отделили трех жеребцов, которых можно было бы назвать четвероногими дьяволами: не нашлось еще индейца, который удержался бы на спине этих демонов. Был среди них один, гнедой с белой звездочкой на лбу; у него был такой злобный нрав, что он постоянно лягался! А если бы и нашелся смельчак, который вздумал бы к нему приблизиться, он уже заранее мог бы приглашать друзей к себе на похороны!

— Это те самые дикие кони, юноша...— сказал хозяин, почти уверенный, что индейцу придется туго в бешеной скачке.

Но юный индеец, такой же спокойный, спросил только:

— Кто будет моим помощником?

Косматый испанец, храбрый и неунывающий малый, который вчера вечером преподнес юноше в качестве приза бутылку тростниковой водки, вызвался первым.

И началась потеха!

Я не сумею описать тебе ее, друг! Лучше всего будет, если я скажу тебе кратко: к концу недели юноша сломил упорство трех непокорных жеребцов! И довольный хозяин подарил ему гнедого с белой звездочкой на лбу — красавца, которому равных не было!..

* * *

В тот же вечер помещик велел позвать к себе юного индейца и сказал ему:

— Ты доказал, что редкий человек может сразиться с тобой и что как всадник ты не имеешь себе равных. Те-

перь ты должен был бы пройти последнее и самое трудное испытание. Но я только спрошу тебя — я хочу поверить тебе на слово,— способен ли ты солгать?

— Клянусь вам, хозяин,— отвечал юноша,— клянусь вам светом, который я вижу, что ни разу в жизни не обманул ни одного человека. Никогда я не мог солгать.

— Что ж, прекрасно! Отныне ты будешь стражем в Инвернада-до-Фундо; я вверяю тебе свои владения, а вместе с ними и быка Избранника. От того, будет ли он жив, зависит мое счастье, а потому, пока я жив, ты должен будешь охранять его жизнь и следить, чтобы он не ушел из Инвернады. Ты можешь построить себе дом в любом месте и взять столько голов скота, сколько захочешь, ибо, если наш договор вступает в силу, земля и скот в течение целого дня будут принадлежать тебе.

— Хорошо, хозяин.

— Можешь идти. Но я хочу, чтобы каждый день в час заката ты приходил сюда, под навес, и рассказывал о том, что происходит в Инвернада-до-Фундо, и о том, жив ли бык Избранник. Таким образом я буду знать, что Счастье еще со мной...

На следующий же день, когда солнце коснулось линии горизонта, в долине послышался топот копыт, и вскоре новый страж остановил своего гнедого с белой звездочкой на лбу перед навесом, где поджидал его хозяин. Юный индеец почтительно снял шляпу и приветствовал хозяина такими словами:

Вот уже заходит солнце,
Вам я кланяюсь в сей миг,
Новостей покуда нету,
Жив-здоров волшебный бык ¹.

Сказавши это, он тотчас вскочил на коня, слегка прищпорил его и галопом поскакал туда, где ждали его заботы.

¹ Перевод А. Косс.

Так было каждый день. Перед заходом солнца юноша стремительно подъезжал к навесу, останавливал коня и, прежде чем ускакать снова, говорил хозяину:

Вот уже заходит солнце,
Вам я кланяюсь в сей миг,
Новостей покуда нету,
Жив-здоров волшебный бык.

* * *

А время все текло и текло, сплетая свою бесконечную нить. Чувство счастья не покидало помещика, хотя он клонился все ниже под грузом прожитых лет. Он заметил, что жизнь его медленно уходит, но каждый час и каждую минуту он жил в блаженстве и покое.

И для того чтобы счастье его достигло предела, произошло нечто совершенно неожиданное. Ибо к помещику, который давным-давно потерял жену и дочь и остался один на белом свете, приехали четверо племянников, о которых он никогда и не вспоминал: городской парень, изящный и хорошо воспитанный, и его сестры, три столь очаровательные девушки, что молодые люди, едва увидев их, теряли головы. Приехали они издалека — из тех самых краев, откуда много лет назад уехал некий юноша, объятый скорбью, — они добровольно отправились в нелегкий путь по сертанам, чтобы повидать дядю, который, как им было известно, жил среди полей один-одинешенек. После долгого пути они собрались под навесом, подробно рассказывая дяде о почти забытых родственниках, повествуя о разных происшествиях и украшая беседу мелодичным молодым смехом, которого старик давно не слышал. Даже его воспоминания о скорбных событиях прилетели теперь к нему как привет из прошлого, без горечи и без печали. Очарованный старик просил, чуть ли не умолял молодежь пожить у него и усладить лаской последние дни его жизни. Когда же племянники приняли его приглашение, старик, будучи не в силах сдерживать свои чувст-

ва, заплакал на радостях и нежно поцеловал смуглую щечку самой юной из своих племянниц, и его иссохшие, дрожащие руки с благодарностью ощутили сладость ласки.

В порыве нежности старый помещик не обратил внимания на индейца, который галопом скакал по направлению к дому. Он заметил всадника лишь тогда, когда тот остановил коня и проговорил:

Вот уже заходит солнце,
Вам я кланяюсь в сей миг,
Новостей покуда нету,
Жив-здоров Волшебный Бык.

* * *

Друг! Видел ли ты когда-нибудь грифов, окруживших издыхающее животное? Вот один из них нетерпеливо прыгает рядом и, уже не сдерживая хищных инстинктов, бросается на слабую и беззащитную жертву и выклевывает у нее глаза, приглашая таким образом своих собратьев на кровавый пир. Таким нетерпеливым грифом оказался городской парень, а жертвой — его дядя. Едва приехав в эстансию¹, он уже неотступно ходил за стариком, лстя ему, как угодливая индианка, сидящая на коленях у богатого погонщика скота. Юноша, чья голова была полна дурных мыслей и чья черная душа была отравлена злыми чувствами, делал все, от него зависящее, чтобы стать наследником обширных земель и тысяч голов скота эстансии быка Избранника. Поэтому он не уезжал отсюда; поэтому он не побоялся этого отдаленного сертана, где опасности подстерегали человека на каждом шагу. И если бы не история быка Избранника, которая обошла весь мир, прославляя имя счастливого помещика, разве мог бы он убедить своих сестер пуститься вместе с ним в этот опасный путь?.. Впрочем, как бы то ни было, добрались они до эстансии здоровыми и невредимыми, и теперь каждая на свой лад должна

¹ Эстансия — скотоводческое помещичье хозяйство.

была помогать брату, чтобы его злодейский замысел увенчался успехом.

Старшая сестра — женщина, которая жила в больших городах и которой были знакомы все хитрости,— с самого начала поняла намерения брата. Тело ее было красивым, но сердце злым. Ей было очень легко понравиться дяде; ей ничего не стоило быть с ним ласковой ради денег...

Средняя сестра... пожалуй, во всем мире не было такой очаровательной женщины!.. Сколько мужчин перессорились из-за нее — в их сердцах она зажигала пламя любви — и сколько приходило в отчаяние, ибо никому не отдавала она ни своего тела, ни своей любви! И вот сейчас она была здесь и — правда без злого умысла — очаровывала всех и каждого своими теплыми руками, своей белоснежной грудью, которая вздымалась так, как будто ей не хватало воздуха, не хватало жизни; она зажигала в душах пламя любви и возбуждала уже угасшие чувства. Грешные руки, грудь, полная сумасбродных желаний...

* * *

Друг! Ты, конечно, не раз бывал на охоте или укрощал необъезженную лошадь, ты скакал по каменистым горным склонам, которые служат убежищем хищному зверю. Эти склоны загромождены черными острыми камнями, и трава там не растет, растет там только колючий кустарник. Но человек, который внимательно посмотрит по сторонам, в какой-нибудь скрытой от глаз расселине увидит, словно символ присутствия божия, в том месте, где все представляется делом рук дьявола, маленький кактус — самый прелестный цветок из всех цветов, насажденных природой. Я говорю сейчас о самой красивой и самой младшей из трех девушек, которая, если это возможно, была прекраснейшей из сестер. Все лучшее, что есть в душе христианина, люди видели в этой смуглой бразильянке, которая так непохожа была на своего негодяя брата и которая искренне полюбила старика дядю, всю жизнь страдавшего от несчастий и лишенного под-

держки. Казалось, что Счастье захотело подарить помещику в последние дни его жизни несравненную радость в образе нежной и невинной девушки.

О брате и сестрах я и поведу теперь мой рассказ.

* * *

Однажды вечером случилось так, что, когда дядя и племянник сидели под навесом и беседовали, прискакал, как обычно, страж эстансии и принес известие о волшебном быке:

Вот уже заходит солнце,
Вам я кланяюсь в сей миг,
Новостей покуда нету,
Жив-здоров волшебный бык.

Завидев его издалека, злой юноша повернулся к дяде и спросил:

— Дядюшка! Правда ли, что вы обещали оставить свои владения в наследство этому стражу?

— Да, сын мой... Я не знал тогда о существовании моих родственников, и мне некому было оставить дом, скот, эстансию. Если бы я знал, что у меня есть племянники, которые будут так добры ко мне, я, конечно, не отдал бы мои владения незнакомцу. А сейчас уже поздно: я дал слово этому юноше.

— А почему,—не отставал злодей,— вы выбрали именно его?

— Потому что нет здесь ни такого храбреца, ни такого наездника, как этот юный индеец. И еще потому, что он не умеет лгать...

— Так я и поверил, что он не умеет лгать! — издевательски расхохотался злодей.— Ах, дядюшка! На всем свете нет человека, который не был бы лгуном!..

Старик, казалось, понял, к чему он клонит, и устремил на него пристальный, вопрошающий взгляд. А юноша продолжал:

— Я ведь точно знаю, что он не прошел испытание правдой, самое трудное испытание. Вы поверили ему на сло-

во... а он может оказаться таким же лживым, как и любой другой человек.

Несколько минут дядя и племянник молча глядели друг на друга. И если бы даже старик и хотел заговорить, он не смог бы, ибо в это мгновение он задумался о том, как он поступил с юным индейцем, и голос рассудка заставил другой голос замолчать и замереть. «Не слишком ли я доверял слабой человеческой природе? — спрашивал самого себя помещик, и сердце его сжималось. — Может быть, юный индеец жестоко обманул оказанное ему доверие? Что, если было ошибкой отдать эстансию, земли и скот незнакомцу, который, быть может, впоследствии использует все эти богатства как завесу, прикрывающую зло и преступление? Правильно ли я сделал, поверив человеку, который только и умеет, что укрощать жеребцов да лихо играть в примейро-санге?.. Боже мой! Быть может, десница господня привела в мой дом забытых мною родственников, чтобы они исправили мою ошибку и загладили несправедливость?»

Молчание становилось мучительным. Юноша, не в силах долее выносить его, решил рискнуть и спросил дядю:

— Ну, а если... если он солгал?..

И старик, поняв его мысль, закончил фразу:

— ...тогда наследник — ты!

* * *

В тот же вечер юноша позвал к себе старшую сестру — ту самую, которая была со стариком ласковой ради денег, и приказал ей:

— Садись на лошадь и поезжай в долину. Призови на помощь всю свою хитрость и обольсти пастуха, который стережет быка Избранника. Скажи ему, чтобы в награду за твои поцелуи и ласки он убил волшебного быка и подарил тебе золотые рога, в которых заключено Счастье. Он знает, что хозяин уже стар и что он уже никогда не пойдет в долину, чтобы своими глазами увидеть золоторогого быка; таким образом,

он поддастся искушению и завтра, как всегда, придет и скажет, что бык Избранник жив и здоров. За эту ложь он лишится наследства, а мы станем богачами!

Чтобы соблазн был сильнее, девушка обрызгала волосы душистой водой, напоенной ароматом греха.

— А теперь поезжай!

С восходом солнца беглянка возвратилась. В глазах ее была скорбь разочарования.

— Я нашла юного индейца подле быка Избранника. Все очарование тела и глаз ни к чему не привели: он не обратил на меня внимания,— сказала она.

В следующую ночь злой юноша заговорил о наследстве со средней сестрой, чья грудь, которой не хватало воздуха и жизни, бурно вздымалась. Отравленная ядом тщеславия, она охотно отправилась в путь, чтобы впервые в жизни отдать мужчине жар своего тела, из-за которого перессорилось так много мужчин; впрочем, жертва была бы для нее не так уж тяжела, если бы в награду она получила золотые рога Счастья. С восходом солнца она возвратилась.

— Я нашла юного индейца подле быка Избранника. Все очарование тела и глаз ни к чему не привели; он не обратил на меня внимания.

Тогда злой юноша позвал к себе младшую сестру — чистый цветок кактуса среди камней греха. И так как девушка горько, горько плакала, умоляя бездушного брата, чтобы он не заставлял ее пятнать позором душу и тело, злодей схватил плеть и отхлестал бедняжку до крови.

— Кровь за кровь! Ты уже вся в крови. Теперь ступай и ценой крови принеси мне богатство!

И девушка отправилась в путь; путеводной звездой в этой страшной ночи служил ей свет ее чистой души.

С восходом солнца она вернулась в эстансию. Она уже не плакала. Ее стройное тело клонилось к земле; она едва держалась на ногах, которые много часов несли ее в черной как смоль ночи. Бледная и прекрасная — прекраснее, чем когда бы то ни было, она смиренно припала к ногам брата. И про-

тянула ему золотые рога Счастья, еще окрашенные теплой кровью...

Друг! Когда день стал клониться к вечеру, счастливый помещик, как всегда, поджидал приезда юного индейца. С ним был и злой юноша, глаза которого сияли победоносным блеском: страж солжет, и эстансия будет принадлежать ему!

Внезапно вдали послышался топот копыт. Злой юноша встал и, словно его толкнула чья-то невидимая рука, сделал два шага вперед и замер на месте; сердце его лихорадочно билось; он превратился в слух, ожидая, что скажет юный индеец. Накрапывал дождик, и, когда гнедой конь остановился, на мокрой земле отпечатались две борозды. А юный индеец сказал:

Вот уже заходит солнце,
Вам я кланяюсь в сей миг,
И прошу, сеньор, прощенья:
Мной убит волшебный бык.

На следующий день по дорогам Каапорана навсегда ушли в те края, откуда пришли, злой юноша и его сестры. Но его сопровождали только две сестры: младшая предпочла остаться с дядей и стала жить в новом селении, возникшем на том месте, где пасся бык Избранник.

* * *

Счастье, наполнявшее душу помещика и заключавшееся в Иллюзии, покинуло его со смертью быка Избранника. Но другое счастье, подлинное и долговременное, осяянное спокойствием чистой совести, пришло к нему в конце жизни.

И когда воздух стал уходить из его старых, изношенных легких, у него хватило сил, чтобы соединить руки двух существ, которые искренне почитали его:

...нежную ручку смуглой бразильянки, этого чистого цветка среди камней греха...

...и мозолистую руку юного индейца, который победил трех смельчаков в примейро-санге и который укротил трех самых упрямых жеребцов во всей округе; ту самую руку, которая черной ночью принесла волшебного быка в жертву не греху, а любви, — быка, которого тысячи людей видели издали на фоне белых облаков.

Глаза старого помещика закрылись. Но когда он смежил их навсегда, он увидел что-то необычное; этот предмет освещал стены большого деревенского дома эстанции. То были золотые рога, забытые в углу, но все еще волшебной силой светившие тем светом, который заставляет людей чувствовать, что жизнь — это дар Счастья...

СОКРОВИЩА ГРАФСКОГО РУЧЬЯ

Шел 1777 год от рождества Христова. Шаркеада — ферма, на которой вялят или солят мясо на продажу, ферма, которую наместник капитании¹ Порто-Алегре, Мануэл Бенто да Роша, выстроил на участке земли в Санта-Изабел, была полна народу: люди усердно трудились, разделявая туши и засаливая мясо.

Наместник капитании был весьма доволен. Урожай обещал быть обильным, а Марии Терезе, его воспитаннице, которую большинство знакомых считало его дочерью, завтра должно было исполниться пятнадцать лет.

Ветреной ночью 1762 года Марию Терезу, завернутую в пеленки из тончайшего льняного полотна, словно это был сам младенец Иисус в яслях, нашли у дверей господского дома. Когда ее подняли, на землю упал какой-то предмет. Это был крест, украшенный бриллиантами. На обратной стороне его были выгравированы две буквы: С. и И. и то самое число, когда девочку обнаружили.

¹ Капитания — административная единица в колониальной Бразилии.

Дона Изабел Франсиска да Сильвейра, благородная супруга Мануэла Бенто, из рода Фуртадо Мендонса, в тот же день приказала позвать священника, чтобы он окрестил девочку.

— Кузина! — сказал он ей. — Бог послал вам ее, ибо он не благословил вас детьми.

— Но у кого же хватило жестокости бросить на произвол судьбы этого ангелочка?

— Не думайте об этом. Провидение принесло ее к вашим дверям. Примите ее в свои материнские объятия.

Прошло пятнадцать лет; девочка была кумиром обоих супругов.

Постоянно заботясь о будущем Марии Терезы, дона Изабел Франсиска решила собрать для нее целое богатство: она взяла старый полированный сундучок, принадлежавший ее предкам Трунс да Силвейра, первым поселенцам Файала, положила туда бриллиантовый крест и каждый год клала туда какую-нибудь новую драгоценность: то жемчужное ожерелье, то браслет с драгоценными камнями, то золотую пластинку, то массивный золотой гребень.

Сундучок был спрятан в раздвижной стене часовни.

Сегодня она хотела было положить в сундучок новую драгоценность, но тут легкий шорох заставил ее обернуться. Ей показалось, что святая Изабел слегка разжала руки, державшие передник, в котором она обычно разносила хлеб беднякам. А на переднике распустились розы дивной красоты. Дона Изабел Франсиска упала на колени и увидела, что святая улыбается ей, а некий голос проник ей в самое сердце:

— Слушай, Изабел Франсиска! Золото и драгоценные камни не могут помочь Марии Терезе. Обрати эти сокровища в деньги и раздай милостыню страждущим.

— О нет! Мария Тереза и ее будущее...

— Эти сокровища никогда не попадут в руки Марии Терезы. Ее удел — нести свой крест.

Долго почтенная женщина была не в силах пошевелиться. Нет, это была галлюцинация! Ее девочка должна быть счастливой.

* * *

Празднество началось. Первыми прибыли гаушо. Приехали они после тяжелой работы на бойнях и были сыты по горло запахом крови от разделки туш.

Безостановочно льющий дождь, под которым подъезжали к эстансии гости, говорил о том, что все любили Мануэла Бенто. Лишь один человек не приехал на праздник. То был полковник Жозе Марселино де Фигейредо, губернатор города Сан-Педро провинции Рио-Гранде-до-Сул. По какой причине он не приехал, никто никогда не узнал.

Здесь собрались знатнейшие семьи из Рио-Гранде: Орнеллас, Мейреллес, Азамбужас, Брас-Лопес, Гутьеррес, Робаллос. Приехали три сестры доны Изабел Франсиски в широких платьях с буфами, в дорогих ирландских кружевах, в стянутых на груди шалях, с огромными, сверкающими в волосах гребнями, напоминавшими гигантские тюрбаны: дона Мариана Эуфразия, основательница Пелотаса, и ее муж, наместник капитании Франсиско Пирес да Силвейра Казадо; дона Жоана Маргарита и дона Мария Антония; они окружили прелестную воспитанницу Мануэла Бенто:

— Как она изящна!

— Какие дивные глаза!

— Золотое сердечко!

— Смотри, сестрица Изабел Франсиска, гляди в оба за малышкой, а то как бы ее не похитили!

— Она же еще маленькая!..

А на просторной террасе всех любезно встречал Мануэл Бенто.

— Добро пожаловать, дон Агостиньо!

Он пошел навстречу пожилому симпатичному человеку, островитянину дону Антонию Агостиньо де Кастело Бранко, которого несчастья привели в колонию. Старый дворянин, обитатель дворца Дорнеллес близ эстансии, принадлежавшей Жеронимо де Орнеллес де Менезес и Васконселлос, фактически жил подаянием.

— Приветствую вас, ваша милость. Как себя чувствует сеньора дона Изабел Франсиска?

— Великолепно. А кто этот молодой человек?

И Мануэл Бенто указал на юношу лет двадцати шести, с густой белокурой бородой, крепкого телосложения, со злыми, бегающими глазами; он молча стоял рядом с доном Агостиньо.

— Это единственный сын Жеронимо Орнелласа, остальные все дочери. Его зовут Жозе Раймундо...

Наместник капитании посмотрел на него внимательно. Он знал эту мрачную историю. В пятнадцать лет Жозе Раймундо покинул отчий дом и с тех пор вел жизнь порочную и преступную. И это сын самого почтенного человека Рио-Гранде! Бандит и контрабандист!

Мануэл Бенто покинул их и пошел навстречу другим гостям. Франсиско Пирес да Силвейра Казадо приветствовал его еще издали. Зять и шурины сердечно обнялись.

— Что скажете хорошенького, сеньор Франсиско Пирес?

— Мои шхуны снялись с якорей. Они везут в Лиссабон отличный груз.

— Сеньор Франсиско Пирес! Ведь одно ваше судно погибло! Как же это произошло, боже ты мой?

— Да, сеньор Мануэл Бенто, его унесло бурей. Но что бог ни делает, делает к лучшему. Он даст больше, чем дьявол отнимет. На нем к нам прибыл великолепный человек, образец португальской порядочности — вон он стоит, у него на груди знак кавалера ордена Христа. Он лейтенант, он принял под свою команду отряд драгун во Виамане; зовут его Пауло Каэттане де Соуза; он сын благородного полковника Матиа-са Коэльо де Соузы, который был губернатором Рио-де-Жанейро.

Мануэл Бенто сердечно принял молодого лейтенанта. Дона Изабел Франсиска была к нему в высшей степени внимательна. Мария Тереза смутилась. Ее прекрасные голубые глаза встретились с глазами офицера, и оба ощутили какое-то волнение.

— Сеньор офицер,— сказала дона Изабел Франсиска,— двери этого дома открыты для всех, для вас же это путь к нашим сердцам.

— Уважаемая сеньора, пусть отныне будет моей путеводной звездой мать божия — с ее помощью этот путь окажется для меня коротким!

И он устремил свои чистые глаза на Марию Терезу, которая смущенно потупилась.

Но и бандит Жозе Раймундо был очарован красотой девушки; он почувствовал, что его грешную душу посетила любовь, которая делает человека способным как на любое преступление, так и на любой подвиг.

Завидев ее в зале подле клавесина, он подошел к ней и сказал:

— Дона Мария Тереза, вы, конечно, заметили, какое чувство вы мне внушили. Знайте же, что я хочу посвятить вам всю мою жизнь.

Девушка испуганно посмотрела на него и, указав ему на дверь, крикнула:

— Уходите! Эй, Бастиан! Педро!

На крик прибежали два негра-силача — то были ее молочные братья. Жозе Раймундо был уже на пороге.

— Я приду за вами, и вы будете жить со мной на земле Каstellы, как живут наложницы гаушо!

Когда появилась дона Изабел Франсиска, которую позвали в зал негры, Мария Тереза, склонившись к клавесину, горько плакала.

Мануэл Бенто отыскал дона Агостиньо де Каstellо Бранко, и тот, узнав о случившемся, обещал свою помощь.

* * *

На широкой равнине, окружавшей эстансию, начались турниры и состязания. Первым было состязание между индейцами племени минуано и гаушо. Индейцы во главе с касике — верховным вождем племени — гарцевали на диких

конях, взрывавших песок копытами. Индейцы были вооружены длинными копьями с железными наконечниками, острыми и широкими. Высокие, горделивые, величественно сложенные, они похвалялись своей геркулесовой силой — силой воителей былых времен. Они изображали битву с индейцами племени гуайкуру, о которой повествует старинная легенда. Те, кто изображал гуайкуру, были почти голыми, в одних лишь набедренных повязках, ярко раскрашенных и отделанных перьями.

Лошади мчались во весь опор, а всадники с быстротой молнии спешили и снова вскакивали в седла, опираясь на копья, которых не выпускали из рук. Порой они скрывались за лошадьми, создавая впечатление, что те скачут без седоков.

Были и веселые конные игры. К их числу принадлежали такие игры, как гринго, каркамано. Один гаушо притворялся, что не умеет ездить на лошади и падал, так что лошадь чуть ли не волокла его по земле.

Потом настала очередь арголиньи — народной игры, заключающейся в том, что всадник должен на скаку срывать железные кольца концом копья. Победители отдавали свои призы Марии Терезе.

Праздник закончился импровизированной ловлей диких животных, которую изобразили гаушо. Пятьдесят диких животных были пойманы пастухами.

Наконец настал и долгожданный час шурраско. Шурраско — это мясо, поджаренное на углях или на вертеле.

То был варварский Рио-Гранде — Рио-Гранде боен, ужасающих преступлений, но и Рио-Гранде геройских подвигов; он возник в юности нашего народа на утренней заре его жизни.

Лейтенант Пауло Каэтано де Соуза наблюдал за играми молча. Но издали он видел, что Мария Тереза смотрит на него с нежностью. И Пауло Каэтано понял, что в сердце ее зажглась любовь.

* * *

На следующий день Жозе Раймундо пришел к дону Агостиньо.

— Сеньор дон Антонио Агостиньо! У меня к вам просьба. Вы обещали мне показать место, где находятся стойла быков, принадлежащих моей сестре, сеньоре доне Рите де Менезес.

— Что ж, поедемте, молодой человек.

Оба сели на коней и поскакали по дороге, которая привела их в лес.

Воспользовавшись случаем, дон Агостиньо сказал юноше, что безумием было бы с его стороны надеяться на то, что Мария Тереза ответит ему взаимностью. Сначала Жозе Раймундо слушал его спокойно, но мало-помалу его охватывала все возрастающая ярость, и казалось, что он вот-вот перестанет сдерживаться. Когда дон Агостиньо закончил свою речь, юноша спешился; глаза его налились кровью.

— Жалкий старик! Что ты знаешь обо мне? — закричал он. — Держи свои советы при себе, я в них не нуждаюсь! Я гаушо, я свободный сын Рио-Гранде, я не признаю ни бога, ни законов. Посмотри на эти равнины. У них нет границ, которые могли бы остановить бег моего коня. Таков и я сам. Мария Тереза могла бы сделать меня добрым человеком. Она этого не захотела. Она пренебрегла мной. Когда мы выедем из лесу, я поскачу за ней. Я отвезу ее на бойни Жарау, и она станет наложницей гаушо.

— Не делай этого, Жозе Раймундо! Я поеду с тобой и буду защищать ее.

— Не поедешь, потому что я убью тебя.

— Нет. Ты меня не убьешь. Кровь моя падет на твою голову камнем проклятия. Ты еще молод...

Дон Агостиньо не успел кончить свою речь: Жозе Раймундо выхватил острый нож, которым резал скот, и по самую рукоятку вонзил его в грудь старика.

Ночь застала убийцу на ферме одного из сторожей эстанции «Святая Изабел». Там он встретил Шико Злого, кото-

рый славился как своей жестокостью, так и своей храбростью.

— Друг Шико Злой! Как видишь, я возвратился. Я еду за барышней Марией Терезой. Давай поедem вместе! Ты увезешь старуху: говорят, что она где-то прячет золото.

— Согласен. Насчет старухи — это ты здорово придумал.

Мария Тереза тем временем вспоминала минувший праздник и благородные манеры лейтенанта. В дверь постучали. Мануэл Бенто отворил. Двое мужчин ворвались в дом. В одном из них все узнали Жозе Раймундо.

— Что вам нужно?

— Не так уж много. Я пришел за Марией Терезой. А мой товарищ увезет дону Изабел Франсиску.

Девушка вскрикнула и упала в обморок на клавесин.

Мануэл Бенто бросился в угол, где висела его старая стальная шпага. Схватка была устрашающей. На шум прибежали с дубинками Бастиан и Жоан Педро, но Жозе Раймундо вывел их из строя выстрелами из пистолета. Мануэлу Бенто удалось выбить оружие у него из рук, но тот нанес ему рану ножом. Шико Злой разыскивал исчезнувшую дону Изабел Франсиску, но так и не нашел ее. А Жозе Раймундо, схватив девушку на руки, устремился к равнинам Жа-рау.

Когда в неудержимой, бешеной скачке Мария Тереза пришла в себя, она почувствовала, что ее обвила левая рука Жозе Раймундо, которая сжала ее как железными тисками. Ей стало страшно. Но она была сильна духом, и твердая христианская вера укрепила ее душу.

Табун лошадей, разбуженный нашими всадниками, в страхе бросился бежать. Жозе Раймундо остановил своего коня и, быстрый, как мысль, спустил девушку на землю.

— Шико Злой! Присмотри за лошадьми! — крикнул он своему товарищу.

Он прищипорил коня, на всем скаку схватил лассо, взмахнул им и бросил вслед бегущим лошадям. Задние копыта

одного из жеребцов оказались в петле. Скачка окончилась.

— Приведи сюда лошадей да захвати седло для девушки,— приказал бандит Шико Злому.

Он подъехал к Марии Терезе. Девушка молилась, стоя на коленях и сложив руки. Ее ярко-голубые глаза неотрывно глядели на небо и видели святую Изабел, которая улыбалась ей. И девушка почувствовала дивный аромат роз, распустившихся в ее переднике. Губы святой раскрылись, и она тихонько произнесла:

— Мужайся!

Увидев белокурую девушку, всю залитую светом и стоящую на коленях с непоколебимым спокойствием верующих, Жозе Раймундо внезапно остановился. Необъяснимое чувство смягчило его жестокую душу.

— Простите меня, барышня Мария Тереза. Я злодей! Но сделал я это из любви к вам. Я не мог поступить иначе. Никогда ни один человек еще не любил так, как я. Моя любовь безумна. Простите, простите меня!..

— Сеньор Жозе Раймундо, отчего вы такой злой? Ответьте меня в эстансию, и я возблагодарю господа нашего Иисуса Христа за его милосердие, а святая Изабел простит вам ваши прегрешения.

Сын Жеронимо де Орнеллас долго не спускал с нее взгляда. Она была совершенно одинока в бескрайней пустынной равнине, и судьба ее была в его руках. Ничто не мешало ему утолить свою страсть. Он мог покрыть ее безумными, пламенными поцелуями, которые жгли его пересохшие губы, и задушить ее в объятиях.

Он сделал какое-то движение, словно лунатик...

— Сеньор Жозе Раймундо, сжальтесь над моими слезами. Отвезите меня в эстансию.

Внезапно в душе бандита совершилось перерождение. Он почувствовал, что в этот час он воскресает душою. Теперь он увидел в залитой светом девушке ее духовность, которая их разделяла, подобно прозрачной вуали. Он принадлежал

к новой расе, могучие побеги которой привились на этой земле, открытой для пасхи будущего.

— Едемте, барышня Мария Тереза.

— Куда?

— В эстансию вашего приемного отца.

Он посадил ее на оседланного коня, сам сел на дикую лошадь, и они галопом поскакали по равнине.

Проехав часа два, они услышали топот копыт.

— Бегите, сеньор Жозе Раймундо. Это драгуны. Храни вас господь.

— Нет, барышня Мария Тереза. Я буду сражаться с ними.

— Только не убивайте лейтенанта Пауло Каэтано! — взмолилась она.

Появились пять драгунов во главе с лейтенантом.

— Именем короля вы арестованы!

Юноша ответил взрывом хохота и выстрелил из пистолета. Один драгун повалился на землю. Завязалась жестокая схватка. Казалось, что какая-то сверхъестественная сила делала Жозе Раймундо неуязвимым. Он приблизился к лейтенанту.

— Лейтенант! Я не хочу убивать вас, потому что барышня Мария Тереза умрет с горя.

Тут, преодолев слабое сопротивление Жозе Раймундо, его взяли в плен. Один из драгунов хотел убить пленника, но тут раздался крик:

— Сеньор лейтенант! Не позволяйте убить его!

То был голос Марии Терезы, чьи прекрасные голубые глаза светились состраданием.

Пауло Каэтано велел крепко связать арестованного, и все отправились в эстансию «Святая Изабел». Очутившись дома, Мария Тереза со слезами бросилась на шею доне Изабел Франсиске.

Пауло Каэтано и его драгуны отвезли арестованного в Порто-Алегре и сдали его губернатору Жозе Марселино де Фигейредо.

* * *

Миновал год. И снова в эстансии «Святая Изабел» праздновался день рождения Марии Терезы.

Губернатор Жозе Марселино, несмотря на свою всем известную неприязнь к Мануэлу Бенто, принял приглашение на семейное торжество. Когда негры в блестящих ливреях возвестили прибытие его милости, любопытство охватило многочисленных гостей, выстроившихся рядами, чтобы пропустить сеньора губернатора. Все склонились перед ним в почтительных реверансах и поклонах.

Мария Тереза, очень красивая, в платье из голубой парчи и с единственным украшением — цветком в волосах, подошла к губернатору.

— Сеньор Жозе Марселино, ваша милость оказывает нам честь!

— Это вы сделали мне честь, сеньора, пригласив меня на ваш праздник.

И красавица удалилась.

Увидев, что она ушла, губернатор обратился к наместнику капитани:

— Сеньор Мануэл Бенто, одно из полученных мною известий привело меня в ужас. Жозе Раймундо бежал из тюрьмы.

— Я весьма взволнован, сеньор губернатор. Но я сделаю все, от меня зависящее, для общего спокойствия.

А в это время в другом зале Пауло Каэтано объяснялся в любви Марии Терезе:

— Душа моя пленена вашими очами. Мое сердце трепещет. Оно прониклось бесконечной любовью, чтобы завоевать ваше сердце. Согласны ли вы разделить со мной мою суровую жизнь, которую согреет ваша любовь?

— Сеньор Пауло Каэтано! Ложь жгла бы мне губы, если бы я вздумала отречься от чувства, которое вы мне внушили. Я тоже люблю вас. Но только отец вправе распоряжаться моей судьбой. Поговорите с ним, ваша милость.

Пауло Каэтано учтиво поцеловал ей руку.

Мануэл Бенто встретил его дружеской улыбкой и, выслушав его, сказал:

— Сеньор лейтенант Пауло Каэтано де Соуза, поступок вашей милости меня растрогал. Но долг честного человека обязывает его быть откровенным.

И он вкратце рассказал молодому человеку о происхождении Марии Терезы.

Юноша улыбнулся. Он знал эту историю. Но, помимо знатного происхождения, он отличался редкими добродетелями, а любовь связала их единым узлом. И вот Пауло Каэтано и Мария Тереза стали женихом и невестой.

* * *

Произошло же всем известное событие в Фонте-де-Бекодо-Посо благодаря новшествам, которые были самоуправно введены губернатором. Капитан Кардинал, который восстал против этих новшеств, был арестован по приказу губернатора.

Палата депутатов муниципального совета опротестовала этот несправедливый акт. В день заседания ассамблеи наместник капитании Мануэл Бенто да Роша, обращаясь к Жозе Марселино, выразил ему официальное порицание его правлению.

Выслушав его, Жозе Марселино объявил:

— Все, что я делал, сделано мною для блага его величества, да хранит его бог! А посему ваши милости будут закованы в кандалы и отправлены в Рио-де-Жанейро. Сеньор лейтенант Пауло Каэтано де Соуза! — продолжал он, возвысив голос. — Возьмите своих драгун и отправьте этих бунтовщиков в тюрьму!

Свидетель этой сцены Пауло Каэтано ответил:

— Сеньор губернатор Жозе Марселино! Я, лейтенант Старого Полка, не нарушил дисциплины ни разу в жизни. Но сейчас я отказываюсь повиноваться вашей милости!

— Сеньор лейтенант! Вы арестованы именем короля. И лейтенант Пауло Каэтано был закован в кандалы и отправлен в Рио-де-Жанейро.

Между Рио-Гранде-до-Сул и Рио-де-Жанейро завязалась оживленная переписка: несчастные жених и невеста, разлученные по вине правосудия, обменивались любовными письмами. Наконец к великой радости девушки от молодого человека пришла добрая весть. Вице-король Луис де Васконселос сместил Жозе Марселино с поста губернатора, и скоро лейтенант, уже в чине капитана, вернется в Рио-Гранде.

А в далеких краях, среди индейцев племени минуано, снедаемый тоской и любовью к Марии Терезе, жил Жозе Раймундо. Ласки дочери вождя не пробуждали в нем сколько-нибудь глубокого чувства. И он решил вернуться, чтобы вновь увидеть ту, которую любил.

Когда он прощался с индианкой, та спросила:

— Жозе Раймундо носит в сердце белую девушку?

— Да, Пой-понаим. Жозе Раймундо возвращается к своему народу. Белая девушка не любит его, но он любит белую девушку.

— Ступай. Пой-понаим умрет с горя, но что тебе до этого?! Жозе Раймундо будет рад. Но помни, Жозе Раймундо, белая девушка не любит тебя так, как я люблю; она умрет, если ты приблизишься к ней. А Пой-понаим тоже уйдет умирать в пещеру смерти под названием Кавера.

И Жозе Раймундо уехал в свои владения.

Проезжая мимо эстанции «Святая Изабел», он повстречал одного из пеонов и сказал ему:

— Скажи своему господину, что я приехал не со злом. Я устал от жизни, которую вел до сих пор, и жажду только мира.

Он направился к Графскому ручью. Ему посчастливилось встретить там Марию Терезу, читавшую любовные письма жениха и радостно ожидавшую скорой встречи.

Она с улыбкой смотрела на Жозе Раймундо, нисколько не испугавшись его появления.

— Сеньора, я возненавидел мою прежнюю жизнь и надеюсь, что вы простите мне то зло, которое я вам причинил.

— Я давно уже вас простила.

— И тем сделали меня счастливейшим из смертных. А я хотел бы видеть счастливой вас.

— Я счастлива, сеньор Жозе Раймундо. Скоро вернется мой жених, и мы обвенчаемся.

— Да, я знаю, и счастлив вашим счастьем. Вы сделали меня другим человеком вашей бесконечной добротой и чистотой.

— Это не я, это святая Изабел, которой я всегда молюсь, чтобы она направила вас на путь спасения.

— Я уезжаю. Благодаря вам, я стал порядочным человеком. Прощайте!

Он отошел; глаза его затуманились слезами.

Внезапно жалобный крик достиг его слуха, и он узнал голос Марии Терезы. Он бросился к ней и увидел, что ее подхватило бурное течение. Желая спасти ее, он бросился в воду, но руки погибающей девушки бессознательно обвили его. И оба в объятиях друг у друга, став единым существом, опустились на дно в таинстве смерти. Так их и нашли и похоронили вместе на кладбище эстансии.

* * *

Приемные родители Марии Терезы едва не сошли с ума от горя.

Через три дня после ее гибели в Рио-Гранде приехал несчастный жених Пауло Каэтано де Соуза; неотвратимая и непреклонная судьба, более сильная, нежели его воля, дала его невесте другого жениха, и их обвенчала смерть.

Справиться с таким горем Пауло Каэтано не смог. Жил он в скорбном и мрачном одиночестве, и больно было смотреть на то, как он гибнет. И он покорно принял смерть, пав жертвой своей великой любви.

Монах Валерио из Сокраменто, который присутствовал при его последних минутах, записал в метрической книге Рио-Пардо:

«Пауло Каэтано де Соуза, сын уроженцев португальской провинции Миньо — полковника Матиаса Коэльо де Соуза и Катарины де Соуза, погребенный в крепости Рио-Пардо, был капитаном от инфантерии Старого Полка и кавалером ордена Христа».

Смерть Марии Терезы погубила не только ее жениха. Дона Изабел Франсиска да Сильвейра, обожавшая свою воспитанницу, состарилась на глазах; она думала только о своей девочке. Рука неумолимой судьбы отняла у нее высшее счастье жизни.

Врач, которого пригласили к больной, предупредил ее мужа, что она находится в тяжелом психическом состоянии. У нее начались галлюцинации. Она целиком ушла в религию.

Однажды, когда она молилась перед иконой святой Изабел, которую особо чтит, она снова увидела, что святая спускается к ней.

— Изабел Франсиска, — молвила святая Изабел, — настало тебе время узнать о таинственном происхождении ребенка, которого ты так горячо оплакиваешь. Помнишь ли ты, что было выгравировано на кресте?

— Помню. То были буквы С. и И.

— Эти буквы означают мое имя. Это я послала этого ангела творить здесь добро, и это я теперь послала за ним. Я хотела, чтобы она была посредницей между изобилием и нищетой. Гаушо, который умер в ее объятиях, — символ новой, грядущей расы. Это будет раса властелинов, она распространится по всей земле, передавая тем, кто придет вослед за нею, свои традиции, свои легендарные обычаи, свою любовь к свободе. Тот, который умер с тоски по своей любимой, — символ уходящей с лица земли расы конкистадоров — испанских и португальских завоевателей. Варвар и цивилизованный человек, соединившиеся в гаушо, который родился в

столкновении того и другого, оставят здесь плодородное поле для грядущих поколений. А Мария Тереза — очищающая душу сила любви, путеводная звезда для всех, кто поклоняется красоте и славе, будет приходить к каждому новому поколению и дорогой любви вести его к счастью.

— Так она вернется? — спросила опечаленная сеньора.

— Она придет, когда пройдут века, дабы исполнить волю божию, она придет, дабы принять сокровища и отдать их бедным, а потому их должно прятать до тех пор, пока она не вернется.

В невменяемом состоянии дона Изабел Франсиска взяла сундучок, полный столь многочисленных и столь прекрасных драгоценностей, которые стали воплощением ее бессознательной алчности, подошла к ручью и бросила сокровища в его мутные воды.

ДЯДЮШКА КОАТИ

В середине прошлого века прелюбопытнейшие происшествия привлекли к себе внимание жителей Баньядоса, селения, находящегося в округе Санта-Мария.

Дело было вот в чем: время от времени то в одном, то в другом поместье стали попадаться где совсем новая циновка, где такая же новая плетеная корзина — чьи-то невидимые руки по ночам оставляли эти предметы на таком месте, чтобы утром, в начале трудового дня, их заметили.

Откуда появлялись эти предметы? Кто их приносил? Об этом никто не мог догадаться. Поистине, то были удивительные происшествия.

Но была и оборотная сторона медали. При этом всякий раз исчезал то нож, то топор, то ножовка, оставшиеся под открытым небом, порой насаженный на палку кусок вяленого мяса или рыбы или овечка...

«Это невероятно», — говорили все. И так как раскрыть эту тайну было невозможно, народная фантазия с наслаждением

сплетала вокруг этих происшествий причудливые легенды, в которых неизменно фигурировал дьявол.

Сначала люди, главным образом женщины, не прикасались к предметам, найденным таким образом, считая, что все это козни дьявола или что это, по малой мере, колдовство, в котором были весьма искусны черные рабы, привезенные с берегов Африки.

Но с течением времени, убедившись, что ни циновки, ни корзинки никому не приносят зла, и наоборот, приносят явную пользу, предубеждение исчезло, и дело дошло до того, что иные нарочно оставляли на ветке дерева или у порога дома ножи, ножницы, веревки или кур со связанными лапками в надежде получить в обмен циновку или корзинку.

С течением лет подобные обмены стали в том краю явлением самым заурядным; они утратили отпечаток чудесного и превратились в обыкновенные сделки.

Однажды рабы, которые пошли за медом в девственный лес, находившийся километрах в двух от помещичьего дома, заметили, что в чаще спиралью поднимается ввысь легкое облачко белого дыма. Они удивились; стремясь разгадать эту загадку, один из негров вскарабкался на вершину гигантского дерева и, посмотрев в ту сторону, откуда клубами шел дым, обнаружил в густой чаще леса огонь, на котором жарил мясо страшилище негр.

Раб слез с дерева и рассказал своим товарищам о том, что он увидел; решено было схватить этого негра, который несомненно был беглым.

Вооружившись до зубов, рабы окружили незнакомца и, осторожно продвигаясь вперед, бросились на него и схватили, невзирая на упорное сопротивление своей жертвы.

Это был уродливо сложенный негр; вид его наводил ужас: у него были спутанная грива, лицо обросло густой щетиной, глаза сверкали как угли. На нем было одеяние из шкуры коати — хищного животного из семейства енотовых, сшитое с помощью лиан, и нечто вроде набедренной повязки из шкуры того же зверька.

Когда в поместье был приведен этот новый образчик местной фауны — впоследствии его прозвали Дядюшка Коати за его одеяние, — то сначала никто ни о чем не мог расспросить его, ибо неизвестный не знал португальского языка.

Тогда позвали негров, родившихся на африканском побережье, чтобы они поговорили с Дядюшкой Коати, и один из них в конце концов его понял. Они оказались земляками.

Наконец-то загадка циновок и корзинок была разгадана!

Дело было так: предназначенная на продажу с аукциона партия негров, в которой находился и вышеупомянутый Дядюшка Коати, прибыла в Рио-Парде; отсюда ему удалось бежать; пробираясь по сертанам, болотам, гиблым местам, отбиваясь от хищных зверей, страдая от непогоды, он здоровым и невредимым добрался до округа Санта-Мария, и там, в девственном лесу, построил себе хижину и наконец-то отдохнул.

Добрый по натуре, инстинктивно честный, он не хотел красть необходимые ему инструменты или мясо, если у него не было добычи. Он отлично плел циновки и козины: полжизни он занимался этим у себя на родине, и здесь он снова взялся за это ремесло и добросовестно трудился, чтобы ночью, тайком, отнести свою работу в то или другое поместье и обменять ее на то, что попадется в руки и что могло бы ему пригодиться.

Короче говоря, трогательная история Дядюшки Коати перешла из уст в уста и под конец обошла всю округу.

Все любили его и восхищались им.

Черную голову Дядюшки Коати окружал теперь ореол славы, который вознаграждал беднягу за его горькую жизнь. Свободный и уверенный в том, что не станет объектом купли-продажи, Дядюшка Коати начал работать то тут, то там, но никогда он не оставался в каком-либо поместье насовсем: нередко он бросал все и снова уходил в лес: ему хотелось пожить в лесу и поохотиться на коати.

Сказки

ЯГУАР И ДОЖДЬ

Однажды вечером в одном большом индейском доме, называемом малокой, стало так жарко и душно из-за того, что люди развели там огромный костер, что они вышли из малоки и принялись развешивать гамаки, чтобы спать на воздухе. Неподалеку от того дома бродил ягуар. Тут ему повстречался дождь и спросил его:

— Эй, приятель, ты что здесь делаешь?

— Да вот, хочу напугать людей: они, видишь ли, собираются расположиться на воздухе — так пускай они в дом уходят, — отвечает ягуар.

А дождь и говорит ему:

— Но, дружище, ты ведь знаешь, что люди тебя не боятся.

А ягуар в ответ:

— Еще как бояться. Хочешь убедиться? Вот подойду я к малоке и буду петь. А ты послушай, что люди скажут.

И дождь, устроившись рядом с людьми, приготовился слушать. Ягуар свирепо зарычал: Урру-ру-ух! Урру-ру-ух!

А люди и говорят:

— Хорошая кожа для моей сумки бегаёт в сельве.

Ягуар снова прорычал: Урру-ру-ух! Урру-ру-ух!

Дождь прислушался. А люди и говорят:

— Завтра пристрелим ягуара.

Тут дождь пошел навстречу ягуару. А ягуар спрашивает его:

— Ну, приятель, что сказали люди?

— Да ничего, ничего особенного,— отвечает дождь.

А ягуар в ответ:

— Ты, кум, кажется, сам испугался?

Тогда дождь и ответил ему:

— Я-то нисколько не испугался. А люди сказали, что хороша будет твоя кожа для их сумок. И добавили: «Завтра пристрелим ягуара». Нет, тебя они не боятся. А вот меня — так это точно.

А ягуар стоит на своем, и все тут.

— Нет, тебя они не боятся!

— Боятся, боятся,— говорит дождь.— Хочешь проверим? Сейчас я как хлыну, и мы увидим, кто прав,— тогда ты не будешь говорить, что люди меня не боятся.

Дождь приготовился обрушить свои потоки и говорит ягуару:

— Так что, кум, теперь твоя очередь идти и слушать, что скажут люди.

Подошел ягуар к дому и сел рядом. Пошел дождь. Небо сразу потемнело. Поднялся ветер. А люди как закричат:

— Дождь, дождь начинается!

А дождь стал лить сильнее. Да такой жуткий ливень устроил, что люди поснимали гамаки и бегом в дом бросились. Ягуар догнал дождь. А когда догнал, тот и спрашивает:

— Ну что, кум? Видишь теперь, что люди боятся меня, а не тебя.

Так и по сей день. Нас пугает ливень, а не ягуар.

ЧЕРЕПАХА И КАИПОРА

Как-то раз залезла черепаха в дупло и давай играть на свирели. Каипора услышал и говорит сам себе: «Это наверняка черепаха играет. Хорошо бы мне ее поймать!»

Подкрался он к дуплу, а черепаха наигрывает:

Ли, ри, ли, ри...

Ле, ре, ле, ре.

Тут зовет ее Каипора:

— Черепаха, а черепаха!

— Что тебе? — отвечает черепаха.

— Выходи, черепаха, давай силами померяемся!

— Ну что же, я не прочь, — говорит черепаха.

Отправился Каипора в заросли, срезал там лиану, притащил ее на берег реки, да и говорит черепахе:

— Ну, начнем, ты прыгай в речку, а я останусь на берегу.

Прыгнула черепаха в речку, привязала лиану к хвосту дельфина, а сама потихоньку вылезла на берег и спряталась под кустом.

Начал Каипора тянуть за лиану. Но дельфин поднатужился и потащил Каипору в воду. Тут Каипора поднатужился и чуть не вытащил дельфина из воды. А дельфин еще поднатужился и опять совсем было утянул Каипору в реку.

А черепаха, сидя под кустом, все видела и посмеивалась.

Наконец Каипора устал и говорит:

— Довольно, черепаха!

Прыгнула черепаха в воду, отвязала лиану от дельфиньего хвоста и важно выползла на берег.

Спрашивает ее Каипора:

— Ты сильно устала, черепаха?

— Что ты, — отвечает черепаха, — я даже не вспотела.

Удивился Каипора и говорит:

— Теперь-то уж я наверняка знаю, что ты сильнее меня, черепаха. Я ухожу.

КИБУНГО И СОБАКА

Жила-была собака, и каждый раз, как она приносила щенят, кибунго съедал их. И вот, когда у нее снова появились дети, она решила во что бы то ни стало спасти их от кибунго. Она

вырыла нору, спрятала туда щенят, а сама надела юбку и ожерелье и села возле норы. Кибунго пришел, но не узнал собаку в юбке, испугался и пошел прочь. Встретил он черепаху и спросил ее:

Где собака, отвечай!
Мне ответ сейчас же дай!
Коль обманешь ты меня,
То пеняй уж на себя!

Черепаха ответила:

— Да не знаю я, где она, кибунго.

Тут пролетала бабочка. Кибунго задал ей тот же вопрос и получил такой же ответ. Пробегал мимо кролик, и его спросил кибунго. Кролик возьми да скажи:

— Как, ты не узнал собаку в юбке и с ожерельем на шее?

Кибунго помчался за собакой, а собака за кроликом. Гонялись они друг за другом и забежали в город. Тут люди убили кибунго, а собака поймала кролика.

Была сказка да вышла, авось, другая придет, нам небылиц наплетет.

СКОРПИОН И КИБУНГО

Как-то раз стояла страшная засуха, и все звери голодали. Но вот на одном дереве появились очень сладкие плоды, и все звери отправились к нему. Только скорпион не мог туда добраться, потому что ему надо было для этого переплыть очень широкую реку. Когда над ним пролетал гриф, скорпион сказал:

— Возьми меня с собой, гриф, мне очень хочется есть.

— Взбирайся ко мне на спину,— ответил гриф.

Взобрался скорпион на грифа, и полетели они на поиски того дерева. А когда нашли его, гриф спустил скорпиона со своей спины, и только он решил поесть, как скорпион закричал:

— Нет-нет, гриф, это мой плод, я наметил его еще когда мы летели.

Гриф перебрался на другую ветку и нацелился клювом на другой плод, но скорпион снова закричал:

— Нет-нет, гриф, этот я тоже себе присмотрел.

Стоило грифу только присесть возле какого-нибудь плода, как скорпион повторял свои слова. Скоро грифу это надоело, он улетел прочь на пустой желудок и оставил скорпиона одного. Когда скорпион как следует наелся, он спустился с дерева и направился домой. Но через реку он никак не мог переправиться и потому сел на берегу и заплакал, проклиная свою горькую участь. Увидел его кайман и сказал:

— Кум скорпион, пойдем ко мне. Ты у меня переночуешь, а поутру мои дети доставят тебя на ту сторону.

Пришли они к кайману уже поздно ночью. Кайман велел детям постелить скорпиону постель, потому что он очень устал. Кайманята постелили скорпиону прямо в гнезде, на кайманьих яйцах. Когда скорпиона устроили на ночь, он попросил:

— Кум кайман, пусть твои дети меня пораньше завтра домой отвезут.

И начал есть яйца. Когда он разбил первое яйцо — трах! — дети подумали, что скорпион храпит и закричали:

— Папа, а гость-то наш храпит!

— Тихо, дети, не мешайте куму скорпиону спать!

Так прошла вся ночь. Стоило скорпиону разбить яйцо — трах! — как дети кричали: «Гость-то храпит!», а кайман велел им молчать и не мешать скорпиону. Едва рассвело, когда скорпион, сожравший за ночь все яйца, крикнул:

— Кум, вели детям отвезти меня домой.

— В такую-то рань, кум!

— Что ж поделаешь, я очень тороплюсь.

Скорпион не отставал, и кайман велел детям отвезти его на тот берег. Когда кайман увидел, что в гнезде остались одни скорлупки, взвыл он от горя и побежал на берег. А дети его со скорпионом были уже далеко. Он закричал:

— Дети, везите кума скорпиона назад...

Кайманята сказали:

— Папа велит вас обратно везти.

— Да нет же,— ответил скорпион,— он говорит, чтобы вы побыстрее гребли.

А кайман на берегу так и заходится:

— Дети, везите кума скорпиона назад...

Кайманята его прекрасно слышали, но скорпион говорил, что отец велит им побыстрее шевелиться. Только лодка причалила к берегу, как скорпион спрыгнул на землю и был таков.

Шел он по лесу вдоль реки и увидел, что кибунго ловит рыбу и бросает себе за спину. Подошел к нему скорпион потихоньку и давай есть рыбу. Когда кибунго обернулся, не увидел он ни единой рыбешки. И сказал кибунго:

— Ах, это ты, скорпион, сожрал мою рыбу! А ну, верни мне все сию же минуту!

— Это не я, не ел я твоей рыбы!

Так они спорили, а мимо пролетала журути, скорпион и говорит:

— Ах, кабы не сделал я тебя такой красоткой, не летала бы ты так весело!

Услышал это кибунго и спрашивает:

— Разве ты знаешь, как делать зверей красивыми?

— Конечно, знаю.

— Так сделай и меня красивым!

— Ладно, пошли со мной.

Шли они, шли и вышли на поляну. Скорпион велел кибунго найти палку покрепче. Кибунго искал-искал, но под конец нашел то, что надо. Скорпион и говорит:

— А теперь ищи лиану потолще.

Кибунго пошел в лес и, еле дыша, принес целую охалку таких толстых лиан, что каждой из них можно было быка связать. Скорпион сказал:

— Ложись-ка здесь, я тебя свяжу, иначе не бывать тебе красивым.

Глупый кибунго лег, а скорпион стал его обматывать-обвязывать лианами так, что скоро тот и шевельнуться не мог.

— А ну, кибунго, попробуй двинься,— сказал скорпион. Кибунго и так и сяк, но ничего у него не получилось. Пикнуть и то не мог. Тогда скорпион, радостно ухмыляясь, достал острый ножик и стал по кусочку отрезать мясо кибунго и поедать его. Бедняга вопил что было мочи. А скорпион и ухом не повел. Наелся и пошел себе прочь. На следующий день он пришел опять и съел еще кусочек кибунго. Так и пошло изо дня в день, пока от кибунго не остались одни косточки.

Каждого зверя, который проходил мимо, кибунго просил разрезать лианы, но никто не соглашался, а все говорили:

— Нет-нет, я тебя освобожу, а ты моих детей сожрешь...

Пробежал мимо термит, и взмолился кибунго:

— Термит, а термит, спаси меня...

— Ну нет, я тебя освобожу, а ты моих детей съешь...

— Освободи меня, термит, я никого больше есть не буду!

Так он просил, так умолял, что термит сжалился над ним, позвал своих товарищей, и они в один миг перегрызли лианы.

Как только кибунго оказался на свободе, он бросился искать скорпиона, который уже далеко ушел.

Через некоторое время началась страшная засуха, и звери все вместе выкопали пруд. Кибунго подумал, что тут-то он и поймает скорпиона. Каждый день он приходил караулить к источнику, все поджидал скорпиона, который хочешь не хочешь, а должен был прийти за водой.

А скорпион все думал, как бы ему добраться до воды, но так, чтобы кибунго его не узнал. Наконец он решил надеть на себя шкуру оленя, который высох от жажды. Нарядился он в шкуру и отправился к пруду, правда, еле дошел: такая тяжелая была шкура. Кибунго спросил его:

— Что это с тобой, друг олень? Что ты так высох?

А скорпион отвечает из шкуры, тяжело вздохнув:

— Ох, друг кибунго... Это меня скорпион проклятый довел...

— Что?! Скорпион? Ах, друг олень, знал бы ты, что он со мной сделал...

И рассказал все, что с ним произошло, а под конец прибавил:

— Но погоди, я еще до него доберусь, я ему покажу!

Скорпион подошел к пруду, напился, искупался и пошел восвояси. Отойдя на изрядное расстояние, он сбросил оленью шкуру, влез на дерево и закричал:

— Кибунго, а кибунго! Глянь-ка сюда! Это я!

Кибунго прямо обезумел от ярости, но поймать скорпиона не мог.

МАЛЬЧИК И ДУДОЧКА

Рассказывают, что однажды, очень давно, когда звери умели говорить, один мальчик пошел с матерью к ручью, взяв с собой дудочку, на которой он любил играть по вечерам, чтобы девочки танцевали. Когда мальчик вернулся домой, он увидел, что забыл дудочку у ручья. Он хотел пойти поискать ее, но мать не разрешила, так как уже стемнело и наступил час, когда звери выходят из чащи на открытые места. Но мальчик заупрямился и пошел.

Звери увидели, что он идет к ручью, и решили спрятаться в чаще, чтобы схватить мальчика, когда он пойдет назад, и съесть. И вот, когда мальчик пошел домой, звери его окружили и стали спрашивать, что он делает в такой поздний час. Мальчик ответил, что он ходил к ручью искать свою дудочку, на которой он любит играть по вечерам, чтобы девочки танцевали. Тогда звери велели мальчику сыграть для них, чтобы и они тоже могли потанцевать. Мальчик взял дудочку и заиграл:

Филеле, филеле
Бабагин-оку, филеле!

И вот вышел танцевать ягуар. Танцевал, танцевал, совсем выбился из сил и ушел в лес. Потом пошел танцевать другой зверь, потом еще один, и скоро уже все звери кружились в танце. Танцевали они, танцевали, а потом один за другим уходили в чащу.

Бедный мальчик уже так устал, что просто не мог больше играть. Обезьяна вошла в круг и запела:

Поиграем, поиграем,
Потанцуем, потанцуем,
Китикау, китикау...

Наконец все ушли и остался один барашек. Он подошел к мальчику, взял дудочку, а мальчика прогнал. И начал играть. Мальчик давно уже был дома, а барашек все играл.

А зверям в чаще леса ужасно хотелось съесть мальчика, и они говорили между собой:

— Братец барашек танцует слишком долго. Сейчас мы братца барашка тоже съедем.

Когда барашек устал играть, он бросил дудочку и убежал. Услышав, что стало тихо, звери вышли из чащи, но уже не нашли никого: ни мальчика, ни барашка.

ПТИЧКА КОЛИБРИ

У одного человека была дочь на выданье. Пришел день свадьбы. Невеста со своей родней и друзьями отправилась в церковь, а рабыни остались на кухне готовить праздничный обед. И вдруг не хватило воды, чтоб подлить в кастрюли, уже стоявшие на огне. Тогда одна из служанок взяла кувшин и побежала к роднику. Приходит и видит: сидит на ветке птичка колибри. Сидит и поет:

Цветочки, листочки,
Где пищи достать?
Махну-ка хвостом
Да пойду-ка плясать...
Туит-туит-туит...¹

Поставила негритянка кувшин на землю и давай самбу плясать. Про все на свете забыла: и про воду, и про обед, и

¹ Стихи в этой сказке переведены И. Тыняновой.

про свадьбу. Ждут ее дома, ждут не дождутся, а она все у родника. Птичка колибри все поет, а негритянка все пляшет.

Прошло много времени, и отправилась к роднику другая рабыня: посмотреть, что там ее товарка поделывает, почему воду не несет. А та увидела подругу и запела:

Ах, подруженька-душа,
Песня птички хороша!
Попляши,
Попляши!

Подбежала подруга и тоже пустилась в пляс. Стали теперь в доме ждать двоих. Звали, кричали — ни ответа ни привета. Тут и третья рабыня пошла к роднику, вслед за ней четвертая и так все до одной. Придут и ну плясать самбу, как полумные.

Когда в доме не осталось больше ни одной рабыни, пошла за ними одна из сестер невесты. Едва негритянки увидели ее, как принялись петь:

Ах, хозяйюшка-душа...

Вошла девушка в круг и так заплясала, что только держись. Пошла другая сестра. Но едва первая заметила ее, как запела во все горло:

Ах, сестричка, ах, душа...

Та ни минуты не колебалась. Пустилась плясать без оглядки. А мать девушек сидит как на иголках, не знает, что делать: обед подгорает, гости не идут и вообще ничего не готово. Все, кто в доме оставался, торчат зачем-то у родника и воду не несут.

Сказала она тогда себе:

— Да нет, с ними со всеми что-нибудь случилось там, у родника. Пойду-ка сама погляжу.

Накинула она шаль на голову и пошла. Еще издалека она услышала, как под ногами пляшущих земля кипит, а уж когда увидела, что все собрались в круг и пляшут самбу, и услышала, как птичка колибри заливается, то еще издали принялась

выписывать ногами такие узоры, что только держись. А тут еще дочери, едва завидев ее, запели хором:

Ах ты, матушка-душа...

Старуха не выдержала и сама пустилась в пляс, что было мочи. То-то веселье пошло! Птичка так распелась, ну просто на части разрывалась. И чем больше она пела, тем отчаяннее плясали женщины.

Дома остался только старик, досадуя, что не идут новобрачные, не идут гости и куда-то подевались все женщины, которые ушли к роднику: жена, дочери, рабыни — одним словом, все. Он готов был лопнуть от злости. Наконец, проклиная все на свете, он схватил плеть и сказал:

— Погодите мне, уже я вас разыщу!

И помчался по дороге к роднику, вне себя от гнева. Старуха, как только его заметила, так сразу подбоченилась и запела:

Ах, старик мой, ах, душа!..

Старик вошел в круг и принялся хлестать всех плетью направо и налево, приговаривая:

Ах ты, женушка-душа,
Глянь, как плетка хороша,
Попляши,
Попляши.

Досталось тут жене, досталось дочерям, досталось рабыням, и такой тут поднялся шум, что хоть святых вон выноси. Вмиг закончилась самба. Птичка колибри поглядела на всю эту свалку, взмахнула крылышками и улетела.

ДОНА ЭЛЕНА

Жила-была девушка, и ходила она каждый день по воду к источнику. И вот однажды шла она туда и увидела льва, который лежал в зарослях возле родника. Перепугалась она и

кинулась бежать, но дома ни словом не обмолвилась. На следующий день она снова увидела льва на том же месте, второпях набрала воды и бросилась домой. И так продолжалось много дней — лев по-прежнему лежал в зарослях. Наконец девушка сообразила: неспроста лев не двигается с места, верно, он болен. И однажды она сказала себе:

— Бедняга, должно быть, умирает с голоду.

За ужином она тайком припрятала немного еды со своей тарелки. Когда на следующий день она собралась к источнику, она завернула еду в банановый лист и спрятала за пазуху. У источника она поставила кувшин наземь и отправилась в заросли, где лежал лев. Ближе она не подошла, а бросила ему еду издали. Так она делала изо дня в день и привыкла ко льву, перестала его бояться. Долго ли, коротко ли, а они крепко подружились. Она называла его дон Лев, а он ее — дона Елена.

Однажды лев сказал ей, чтобы она не носила ему еду в заросли, пусть, мол, просто позовет его, и он сам выйдет к источнику. И дона Елена звала его песенкой:

Выходи, дон Лев, ко мне,
Пришла твоя подружка,
Выходи, дон Лев, ко мне,
Тебе поесть ведь нужно.

А лев отвечал:

Дона Елена, иду-иду,
Спасибо, Елена, тебе за еду.

С тех пор как Елена стала кормить льва, она уже никого не брала с собой по воду. Бывало, только рассветет, она схватит кувшин и бежит к источнику. А уж сколько времени она там проводила! И вот однажды ее сестра, дона Аинья, и говорит:

— Что такое приключилось с доной Эленой? Почему она никого не берет с собой к источнику? Прежде она всегда звала меня, а теперь все одна и одна! И что только она там делает так долго?

И когда дона Елена опять пошла к источнику, дона Аинья потихоньку отправилась вслед за ней. Возле источника она спряталась в зарослях и стала наблюдать за сестрой. Дона Елена поставила кувшин на землю и запела свою песенку, а лев отвечал ей из лесу. Скоро он и сам появился, огромный такой. Дона Елена обрадовалась, заулыбалась и достала еду, которую принесла за пазухой. Когда лев поел, она пригласила ему гриву, вытащила из нее сухие листья, вычесала блох. Все это заняло немало времени. Когда лев ушел в лес, дона Елена набрала воды и поспешила домой.

— Ах, вот почему ты ходишь одна! — сказала себе дона Аинья. — Ну я тебе покажу!

На другой день она поднялась чуть свет, раньше доны Элены, взяла большой острый нож и побежала к источнику. Там она спела песенку Элены. Лев ответил ей и вышел из зарослей. Тут дона Аинья бросилась на него с ножом, пырнула в загривок, и лев упал. Злая девчонка все резала его и резала, пока руки у нее не устали. Тогда она пошла домой и никому ничего не сказала. Дона Елена, бедняжка, как раз собиралась идти за водой и нести еду дону Льву.

А лев, весь израненный, окровавленный, кое-как добрался до того места, где дона Елена увидела его впервые. Она пришла к источнику и позвала его своей песенкой, но ответа не получила. Она снова запела, и снова никто не ответил. И в третий раз повторила она песенку, и опять нет ей ответа. И сказала дона Елена:

— Ах, боже мой, дон Лев умер...

И заплакала горючими слезами. Дону Льву, который слышал, как она его звала и как слезами заливалась, стало жалко дону Элену, он собрался с силами и слабым голосом ответил ей. Кинулась к нему дона Елена, продираясь сквозь густые заросли. А когда нашла его, израненного, окровавленного, то зарыдала так, что сердце у нее чуть не разорвалось. Дон Лев сказал ей:

— Не надо, не плачь. Я поправлюсь. Это твоя сестра так меня изранила. Она пришла к источнику и запела, я и поду-

мал, что это ты. Тут она бросилась на меня с ножом, чуть не до смерти убила. Но ничего. Ты пойдешь домой и принеси мне большую миску золы.

Так она и сделала. Пришла домой, потихоньку взяла большую миску, набрала в нее золы и побежала к дону Льву. Она помогла ему натереться золой, и с тех пор дона Елена каждый день ходила поглядеть на него и покормить его. Когда дон Лев выздоровел и начал ходить, он сказал ей:

— Завтра уже не приходи сюда. Позови меня от источника, и я сам выйду к тебе.

Назавтра так и было, он сам вышел к доне Элене, а когда поел, долго разговаривал с девушкой, и потом сказал ей:

— Больше не приноси мне еды, меня уже здесь не будет. Иди домой и готовься к свадьбе. Мне тоже надо подготовиться. Меня околдовали, но сегодня чарам конец.

Он велел ей все свадебное угощение стряпать своими руками, и чтоб никто, ни одна живая душа, ни к чему не прикасалась. И назначил день свадьбы. Полетела дона Елена домой, от радости ног под собой не чувала и, таясь от всех, принялась за свое приданое. Накануне дня, назначенного доном Львом, она не выходила из кухни и наготовила такую уйму еды, что все удивлялись и спрашивали, зачем она это делает. А дона Елена знай себе помалкивает. И вот в дверь постучал прекрасный принц. Дона Аинья помчалась к себе в комнату, нарядилась-надушилась и вся сияя пошла в гостиную. Но прекрасный принц сказал:

— С вами, сеньора, я и разговаривать не желаю. Не вы ли меня изранили у источника? Я пришел за доной Эленой, я женюсь на ней.

Дона Аинья убежала прочь, сторая от стыда и зависти к сестре, которая выходила замуж за такого прекрасного принца. Дона Елена вошла в гостиную растрепанная, вся в саже, с засученными рукавами и босая. И тут она поняла, кто такой был дон Лев. Принц попросил руки доны Элены у родителей, а раз все было готово, то свадьбу сыграли на сле-

дующий же день. Ну и веселились же все, ели-пили до отвала, а потом молодые поехали в свой прекрасный дворец, где и прожили много лет в счастье и довольстве.

КОРОЛЬ,
БОЛЬНОЙ ОТ ЛЮБВИ

Как-то раз старик негр со своей старухой нашли на улице маленькую девочку, очень беленькую и хорошенькую. Они подобрали ее, взяли к себе домой и растили с любовью. Но они боялись, как бы у них не отобрали малышку, и потому всегда запирали ее в комнате без окон, и девочка никогда не видела белого света, не знала даже, что такое день и что такое ночь. Прошли годы, и девочка превратилась в девушку. И вот однажды, оставшись дома одна, она поставила стул на стол, влезла на него, разобрала несколько черепиц крыши и выглянула наружу. И так ей понравился белый свет, что она не знала, куда деваться от счастья.

А надо вам сказать, что старики негры жили поблизости от королевского сада. Девушка выбралась на крышу и спустилась в сад. И так и замерла от восторга, когда увидела цветы: такая красота ей и во сне не снилась. Она сорвала несколько роз и через дыру в крыше вернулась к себе в комнату. Когда старики пришли домой, они сказали:

— У нас розами как будто пахнет, внученька...

— Да тебе кажется, бабуля...

С тех пор каждый раз, как старики уходили из дому, она через крышу выбиралась в сад. И вот однажды она встретила короля, и он спросил, кто она такая, где живет и что здесь делает. Девушка не хотела, чтобы он знал, кто она такая и где живет, и потому выдумала что-то и сказала, будто гуляет здесь. Королю она очень понравилась, и он долго с ней разговаривал. И с той поры они встречались каждый день. В конце концов она поняла, что скоро у нее будет ребенок. В один прекрасный день она спустилась в сад и увидела, что король

задремал, поджидая ее. Тогда она потихоньку сняла у него с шеи золотой орден, отрезала кусок полы от его кафтана и ушла.

Сына она родила у себя в комнате. Когда старуха негр-тянка услышала, как малыш плачет, она сказала:

— У нас как будто младенец плачет, внученька...

— Да тебе кажется, бабуля...

Больше в сад она не ходила. А король так тосковал по ней, что даже занемог, и никакие врачи не могли его вылечить. Когда девушка узнала об этом — ведь старики негры толковали между собой о болезни короля,— она положила в корзинку сына, королевский орден и кусок кафтана, улучила минутку и вышла из дому. Корзину она поставила на голову и напевала на ходу:

— Купите цветочки у бедной простушки, помогут они от любовной присушки...

Она шла-шла, дошла до королевского дворца, и тут ей велели войти. Она поднялась во дворец, поставила корзинку на стол и сказала:

— Ой, я же забыла дверь запереть. Я сейчас сбегая домой, а вы уж поберегите мою корзинку.

И она исчезла. Ее ждали-ждали, а потом взяли да открыли корзинку. И увидели королевские прислужники малыша, да такого пухленького да хорошенького, что тут же побежали в королевскую опочивальню и показали свою находку. А когда увидел король малыша и медаль и кусок своего кафтана, он сразу же понял, что это его сын. И во мгновение ока королю полегчало, и велел он объявить по всему своему королевству:

— Вижу плод, но не вижу дерева.

Тому, кто отгадает эту загадку, король посулил щедрую награду, и потому во дворец собралось много народу, и каждый предлагал свою разгадку, но никто не угодил королю. Тем временем девушка узнала о королевском приказе, и когда уже никто не мог ничего придумать, она сказала старику негру:

— Дедушка, ты пойди во дворец, попроси, чтобы тебя допустили к королю и скажи: «Вижу дерево, но не вижу плода».

Старик пошел во дворец и сделал все, как велела ему внучка. Король страшно обрадовался и спросил негра:

— Кто тебя научил сказать так?

Старик очень испугался, но сказал королю, что это внучка его научила.

— Так вот, завтра утром приведи ее сюда, не то я прикажу казнить тебя.

Старик шел домой и плакал, он думал, что дорогой его внученьке грозит беда. И он сказал ей:

— Вот что вышло из твоей затеи, внучка. Ты мне велела сходить к королю и сказать те слова, а теперь он хочет, чтобы я отвел тебя во дворец. А ты ведь никогда не выходила из дому, ничего не видела, и ничего не знаешь...

— Никакой беды со мной не стряется, дедушка. Я пойду к королю.

И на следующий день спозаранку она, веселая и довольная, отправилась со стариком во дворец. Король, как увидел ее, так сказал:

— Вижу дерево и вижу плод.

Он взял ее за руку и сказал своим придворным:

— Она будет моей женой.

Тут же в церкви сделали оглашение и обвенчали их, а потом устроили пир на весь мир.

И я там был, король гостинцев мне подарил, да я блюдо разбил и все сласти уронил.

ОБЕЗЬЯНА И КОНФЕТА

Однажды жила-была обезьяна. Как-то раз стала она мести пол у себя дома и нашла монетку. Обрадовалась обезьяна, бросилась со всех ног в лавку и купила себе конфет. Потом забралась высоко на дерево и принялась лакомиться.

Но по своему обыкновению, сидеть спокойно она не могла — все вертелась в разные стороны и гримасы строила, ну и уронила одну конфетку в дупло. Она ловко спустилась вниз и попробовала достать конфетку, но не тут-то было: никак не могла ухватить обезьяна свое лакомство. Побежала она тогда к кузнецу и сказала ему:

— Кузнец, а кузнец, сделай мне топор, я срублю дерево и достану свою конфетку, которая провалилась в дупло.

— Как же, буду я тебе топор делать только для того, чтобы ты достала свою конфету! На вот тебе монетку да поди купи себе еще конфет.

Хитрая обезьяна взяла монетку, а сама пошла к королю и сказала ему:

— Король, прикажи кузнецу сделать топор, чтобы я могла достать свою конфету!

— Зачем, ты, обезьяна, беспокоишь меня из-за какой-то конфеты. Вот возьми монетку и накупи себе конфет.

Обезьяна взяла монетку и пошла к королеве.

— Королева, вели королю сделать по-моему, чтобы я достала свою конфету.

А королева, как и кузнец, и король, дала ей монетку и отослала прочь.

Обезьяна спрятала монету и пошла к мыши.

— Мышь, изгрызи платье королевы, чтобы королева сделала по-моему!

Мышь тоже дала ей монетку и велела уходить.

Обезьяна положила монету в карман и пошла к кошке.

— Кошка, поймай мышь, чтобы она сделала по-моему!

Кошка дала ей монету на конфеты и прогнала.

Обезьяна положила монету в карман и пошла к собаке.

— Собака, поймай кошку, чтобы она сделала по-моему!

Собака дала ей денег на конфеты и прогнала.

Обезьяна взяла монету и пошла к палке.

— Палка, побей собаку, чтобы она сделала по-моему!

Палка дала ей монету и сказала уходить.

Обезьяна взяла монету и пошла к огню.

— Огонь, подожги палку, она не хочет делать, как я велю!
— Иди ты прочь! На вот, возьми монетку, купи себе конфет и не приставай ко мне!

Обезьяна взяла монетку и пошла к воде.

— Вода, залей огонь, он не хочет сделать, как я велю.

— Этого еще не хватало! Вот возьми деньги, купи себе конфет и исчезни с глаз моих!

Обезьяна взяла монетку и побежала к быку.

— Бык, вышей воду, она не хочет сделать, как я велю!

— На тебе монетку, купи конфет и не мешай мне пасть!

Взяла обезьяна монетку и пошла к крестьянину.

— Крестьянин, убей быка, он не хочет сделать по-моему!

— Оставь меня в покое, обезьяна. У меня много работы, я ведь не бездельник вроде тебя. Возьми деньги на конфеты и уходи!

Спрятав монетку, обезьяна пошла к Смерти и попросила:

— Смерть, возьми крестьянина, который не хочет убить быка, который не хочет выпить воду, которая не хочет залить огонь, который не хочет сжечь палку, которая не хочет побить собаку, которая не хочет поймать кошку, которая не хочет поймать мышь, которая не хочет грызть платье королевы, которая не хочет поговорить с королем, который не хочет приказать кузнецу сделать топор, чтобы я срубила дерево и достала конфету, которую я уронила в душло.

— Подожди, я сейчас вернусь,— ответила ей Смерть и пошла к крестьянину.

— Не убивай меня! — крикнул человек.

— Тогда убей быка! — сказала Смерть.

Крестьянин побежал с ножом в загон. Бык замычал:

— Не убивай меня!

— Тогда вышей воду! — сказал крестьянин.

Бык побежал к воде, и она в страхе прожурчала:

— Не пей меня!

— Тогда залей огонь! — приказал бык.

Вода бросилась к огню, а он протрещал:

— Не заливай меня!

— Тогда сожги палку! — сказала вода.

Огонь кинулся к палке, а она скрипнула:

— Не жги меня!

— Тогда побей собаку! — велел огонь.

Палка накинута на собаку, а она заскулила:

— Не бей меня!

— Тогда поймай кошку, — ответила палка.

Собака погналась за кошкой, а она мяукнула:

— Не лови меня!

— Тогда поймай мышшь!

Кошка бросилась за мышью, а она пропищала:

— Не лови меня!

— Тогда грызи платье королевы, — сказала кошка.

Мышь принялась грызть платье королевы, королева увидела и закричала:

— Не грызи мое платье!

— Тогда поговори с королем, чтобы он велел кузнецу сделать топор для обезьяны! — ответила мышшь.

Королева поговорила с королем, и король сразу же велел кузнецу сделать топор и отдать его обезьяне. Кузнец повиновался, сделал большой топор и отдал его обезьяне, которая срубила дерево и достала конфету. А кроме конфеты, у нее теперь была куча денег.

КОЛДУНЯ

Жила когда-то женщина, которая очень дружила со своей соседкой. В один прекрасный день послала она к соседке сына за угольями для очага. Когда мальчик пришел к соседке, он увидел, что у нее на огне стоит огромная кастрюля с кашей. Он был очень любопытный ребенок и сказал себе:

— Надо же! Ведь соседка живет одна, зачем ей столько каши? — Он спрятался в кусты и притаился. Через некоторое время соседка сняла кастрюлю с огня, подошла к банановой пальме, нарвала листьев, разложила их по полу своей

кухни и вывалила на них кастрюлю с кашей. Потом она вся затряслась и рассыпалась на куски. У нее отвалились руки, ноги, глаза, уши, голова. И все эти куски стали поедать кашу.

Мальчик страшно испугался и в ужасе бросился бежать, крича:

— Мама, помоги! Я видел, как рука, нога нашей соседки отвалились и ели кашу!

Колдунья в один миг опять стала целой и помчалась за мальчиком. Когда она была уже совсем близко, мальчик влез на дерево. Колдунья крикнула.

— Дерево, вниз!

И дерево стало уменьшаться. Когда колдунья уже почти дотягивалась до мальчика, он крикнул:

— Дерево, вверх!

И дерево снова стало расти, расти... Так они и перекрикивались: «Дерево, вверх!» — «Дерево, вниз!» Когда колдунья поняла, что ничего у нее не выходит, она позвала на помощь жабу. Огромная жаба обхватила дерево изо всех сил и сказала:

— Как жаба, толстым становись, к земле мальчишку ты приблизь!

Дерево начало становиться толще и ниже. Когда мальчик увидел, что вот-вот окажется на земле, он крикнул:

— Дерево, вверх!

И дерево стало худеть и расти. Колдунья позвала змею. Змея приползла, обвилась вокруг дерева и сказала:

— Как змейка, тонким становись, к земле поближе ты нагнись!

Дерево стало тоненьким и гнулось под тяжестью мальчика к земле. Он опять крикнул:

— Дерево, вверх!

Так и шло, дерево то толстело, то худело. Колдунья позвала ящерицу. Ящерица провела хвостом по дереву и сказала:

— Дерево, дерево, вались, спускай мальчишку вниз!
И там, где ящерица провела хвостом, на дереве появился

надрез, который становился все глубже. Дерево уже чуть не падало, когда мать мальчика услышала шум и крики и вместе с соседями побежала посмотреть, что происходит.

Когда они прибежали и поняли, что там творится, они убили палкой жабу, змею и ящерицу.

Колдунья убежала, и в тех краях ее больше никто не видел.

ЛИСЬЯ СВАДЬБА

Рассказывают, что однажды кума лисица, которой надоело жить одной, решила выйти замуж, а когда решила, то время даром терять не стала. И тут все звери узнали, что кума лиса помолвлена с кумом волком. Два врага, вы только подумайте! Вряд ли этому браку суждено быть прочным...

Но свадебные подарки куме лисице начали подносить все звери без исключения — ну, конечно, получив непременно согласие царя зверей льва.

И вот, наблюдая всеобщее оживление, хозяин леса лев, который был благодарен лисе за то, что она с присущей ей хитростью, всегда выполняла его поручения, тоже решил ей что-нибудь подарить. Но только ведь его подарок должен быть гораздо лучше, интереснее, чем подарки других! И надумал он предоставить лисе право выбрать погоду для дня своей свадьбы: хоть солнце, хоть дождь, что захочет. Позвал лев лису, чтобы узнать, что же она предпочтет. И спросил ее:

— Ответь-ка мне на один вопрос, кума лисица. Что ты хочешь, чтобы я сделал для тебя в день твоей свадьбы? Всем известно, что я царь зверей, и все в моей власти. Я могу солнце удержать на небе или вызвать дождь, стоит мне только захотеть. А что ты пожелаешь: чтобы было солнечно или дождливо в день твоей свадьбы?

Растроганная лисица, поклонившись, произнесла:

— Ах, что правда, то правда, царь наш лев! Кто всемогущ, тот все может!

— Тогда выбирай, что же ты хочешь,— приказал лев.— Но сначала подумай хорошенько: ведь если в день вашей свадьбы появится солнце,— празднество будет необычайно веселым и многолюдным. Если же пойдет дождь, свадьба не будет такой оживленной, но зато считается, что дождь в день свадьбы приносит счастье...

Кума лисица, несравненная хитрюга и плутовка, задумалась, сразу став серьезной; она прикрыла мордочку лапами, будто решала вопрос огромной важности, и так застыла на какое-то время.

Лев, который не привык ждать, нетерпеливо прорычал:

— Ну, что? Решить не можешь, что ли?..

Лиса-плутовка задрожала от страха и ответила:

— Вот о чем я думаю, кум... Я знаю, что царю зверей — любое дело по плечу, если захочет, он может вызвать дождь или сделать так, чтобы светило солнце, но ведь его власти не хватит на то, чтобы... дождь и солнце появились одновременно!..

Хозяин леса, который, конечно, был тщеславен, ответил с видимым безразличием:

— Ну, и глупа же ты! Смеешь сомневаться в могуществе царя зверей? А я-то полагал, что кума лиса куда умнее. Я делаю так, как ты хочешь. В день твоей свадьбы — всем на удивленье — будет и дождь и солнце одновременно.

И в назначенный день царь лесов выполнил свое обещание. Ведь слово царя назад не возьмешь! С тех самых пор, каждый раз когда в лесу справляют лисью свадьбу, в природе властвуют дождь и солнце. И все вокруг знают: пошел грибной дождь,— значит, опять лисья свадьба...

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Огнева

Предисловие

5

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИРА

Как Луна появилась на небе

Перевод Е. Любимовой

31

Откуда взялась ночь

Перевод Инны Тыняновой

32

Как появились звезды

Перевод Инны Тыняновой

34

Таина-Кан, вечерняя звезда

Перевод Инны Тыняновой

36

Дом наказаний для женщин

Перевод Д. Кузнецовой

39

Орион, или Три превращения

Перевод Д. Кузнецовой

42

Плеяды

Перевод Д. Кузнецовой

43

Первая смерть Ари

Перевод Д. Кузнецовой

44

Третья смерть Ари и его возрождение

Перевод Д. Кузнецовой

48

Происхождение реки Солимоэнс

Перевод Д. Кузнецовой

49

321

Начало мира

Перевод Д. Кузнецовой

50

Легенда о свете

Перевод И. Тертерян

53

**МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ
О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛЮДЕЙ**

В стародавние времена

Перевод Е. Любимовой

59

Аре и птичка саракура

Перевод Е. Любимовой

61

Ной мажонгонгов

Перевод Д. Кузнецовой

62

**Как расселились индейцы каинганги,
кайюрукре и каме**

Перевод Е. Любимовой

65

Как люди украли огонь

Перевод Инны Тыняновой

68

Как Баира добыл стрелы

Перевод Инны Тыняновой

70

**Легенда о братьях Итуборе и Бакороро,
завоевавших землю для людей**

Перевод Инны Тыняновой

72

Тири и Кару

Перевод Инны Тыняновой

81

Купе-Кикамблег, люди с огненными волосами

Перевод Инны Тыняновой

87

Купе-Диеб, люди с крыльями летучей мыши

Перевод Инны Тыняновой

87

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ
О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЖИВОТНЫХ

Кайюрукре сотворили одних зверей,
а каме — других, чтобы между ними
шла борьба за жизнь

Перевод Е. Любимовой

93

Как мбойгасу пристрастилась пожирать падаль

Перевод Е. Любимовой

94

Легенда о керу-керу

Перевод И. Чежеговой

97

Миф о попугае,
который кричит «кра, кра, кра»

Перевод Инны Тыняновой

99

Лунная кровь

Перевод Д. Кузнецовой

99

Смерть Мери

Перевод Д. Кузнецовой

107

Муж звезды

Перевод Т. Балашовой

112

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ
О ПРОИСХОЖДЕНИИ РАСТЕНИЙ

Ньяра

Перевод Н. Малыгиной

117

Легенда о маниоке

Перевод Инны Тыняновой

118

Происхождение растения пирипириока

Перевод Т. Балашовой

119

Как появилась пальма пашиуба

Перевод Т. Балашовой

132

Кукуруза

Перевод Е. Любимовой

133

Трава мате

Перевод Е. Любимовой

134

Как появились плоды

Перевод Д. Кузнецовой

137

Амао (Каманао)

Перевод Д. Кузнецовой

141

Легенда о Виктории Регии

Перевод Д. Кузнецовой

142

Жены Вайтсауэ

Перевод Д. Кузнецовой

145

Вечное объятие

Перевод Д. Кузнецовой

151

Глаза ягуара

Перевод Д. Кузнецовой

152

Соблазнительный запах

Перевод Д. Кузнецовой

153

**МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ
О ДЕМОНАХ И ДУХАХ**

Царица Вод

Перевод В. Житкова

159

Иара — Мать Вод

Перевод Д. Кузнецовой

162

Каипора

Перевод Инны Тыняновой

165

324

Содержание

Каипора

Перевод Н. Малыгиной

169

Журупари

Перевод Д. Кузнецовой

169

Похищение инструментов Журупари

Перевод И. Тертерян

170

Журупари и девушки

Перевод Д. Кузнецовой

174

Легенда о ведьме-прожоре Сейуси

Перевод Инны Тыняновой

177

Череп, который катился по дороге

Перевод Т. Балашовой

182

Кибунго и человек

Перевод Н. Малыгиной

185

Кибунго и сынок Жанжан

Перевод Н. Малыгиной

186

Кибунго и мальчик с мешком перьев

Перевод Н. Малыгиной

187

Девочка и кибунго

Перевод Н. Малыгиной

189

Семь испытаний в Жарау

Перевод Е. Любимовой

191

Договор с ящерицей

Перевод Е. Любимовой

198

ЛЕГЕНДЫ

О КОЛОНИЗАЦИИ БРАЗИЛИИ

Женерозо

Перевод Е. Любимовой

211

325

Броненосец тату-мулита

Перевод Н. Малыхиной

212

Стервятник и черепаха

Перевод Н. Малыхиной

216

Дерево умбу в горах Кавера

Перевод Е. Любимовой

218

Негритенок-пастушок

Перевод Е. Любимовой

222

Шурин святого Петра

Перевод Н. Малыхиной

230

ЛЕГЕНДЫ,
СВЯЗАННЫЕ С ИСТОРИЕЙ СТРАНЫ

Святой Сепе

Перевод Н. Малыхиной

237

Шересаи, река слез

Перевод Н. Малыхиной

245

Жена индейского повстанца

Перевод И. Чежеговой

246

Легенда о первом гаушо

Перевод Н. Малыхиной

251

Мбороре

Перевод Е. Любимовой

253

Корабль «Катаринета»

Перевод И. Чежеговой

255

Золоторогий бык

Перевод Е. Любимовой

257

326

Содержание

Сокровища Графского ручья

Перевод Е. Любимовой

274

Дядюшка Коати

Перевод Е. Любимовой

290

СКАЗКИ

Ягуар и дождь

Перевод Т. Балашовой

295

Черепаха и Каипора

Перевод И. Чежеговой

296

Кибунго и собака

Перевод Н. Малыгиной

298

Скорпион и кибунго

Перевод Н. Малыгиной

299

Мальчик и дудочка

Перевод И. Тергерян

303

Птичка колибри

Перевод В. Житкова

304

Дона Элена

Перевод Н. Малыгиной

307

Король, больной от любви

Перевод Н. Малыгиной

312

Обезьяна и конфета

Перевод Н. Малыгиной

314

Колдунья

Перевод Н. Малыгиной

317

Лисья свадьба

Перевод Т. Балашовой

319

МИФЫ,
СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ
БРАЗИЛИИ

Составитель
Елена Владимировна Огнева
Редактор Л. Бревнер
Художественный редактор
Ю. Коннов
Технический редактор
Л. Синицына
Корректоры
Г. Ненашко,
Т. Медведева

ИБ № 3852
Сдано в набор 25.04.86.
Подписано в печать 11.02.87. Формат 70×90¹/₁₆.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Гарнитура «Бодони».
Усл. печ. л. 23,92. Усл. кр.-отт. 132,6. Уч.-изд. л. 19,8.
Тираж 30 000 экз. Изд. № VII-1167
Заказ № 2474. Цена 4 р. 80 к.

Орден Трудового
Красного Знамени издательство
«Художественная литература», 107882,
ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19
Экспериментальная типография
ВНИИ полиграфии,
103051, Москва, Цветной
бульвар, 30.

